

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Давтянц Ирина Игоревна

**Лексические прагматические маркеры конфликтности в контексте
оппозиции «свой – чужой» (на материале мексиканских и американских
испаноязычных СМИ и социальных медиа)**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель-
кандидат филологических наук, доцент
Карповская Наталья Валерьевна

Ростов-на-Дону- 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Конфликтогенность как междисциплинарное понятие и потенциальное свойство дихотомии «свой – чужой».....	13
1.1. Категория конфликтогенности и ее междисциплинарный характер...	14
1.1.1. Понятия конфликтогенности и социальной напряженности в современных социально-гуманитарных науках.....	14
1.1.2. Конфликтогенность как лингвопрагматическая категория. Основные признаки конфликтогенного дискурса.....	22
1.2. Конфликтогенный потенциал архетипической оппозиции «свой – чужой»	33
1.2.1. Дихотомия «свой – чужой» в системе универсальных бинарных оппозиций и архетипов.....	34
1.2.2. Теоретико-методологические подходы к исследованию семантических бинарных оппозиций в современном языкознании.....	42
Выводы по первой главе.....	51
Глава 2. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в испанском языке Мексики в свете оппозиции «свой – чужой».....	54
2.1. Когнитивно-прагматический аспект лексических маркеров конфликтогенности.....	54
2.1.1. Лексическое значение слова и его когнитивно-прагматический потенциал.....	55
2.1.2. Понятие лексического прагматического маркера конфликтогенности.....	62
2.2. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности как средства языковой объективации бинарности «свой – чужой» в условиях межкультурной коммуникации.....	69
2.2.1. Конфликтогенные факторы межкультурной коммуникации..	70
2.2.2. Специфика лексических прагматических маркеров конфликтогенности и стратегий конфликтного типа взаимодействия в контексте мексиканского коммуникативного стиля.....	78
Выводы по второй главе.....	88

Глава 3. Лексические прагматические маркеры конфликтности в мексиканском информационном поле миграции.....	91
3.1. Конфликтные темы и объекты иллюстрации негативно-оценочных высказываний в мексиканском медиадискурсе.....	97
3.1.1. Lo mexicano y lo anglo в аспекте дихотомии «свой – чужой»...	97
3.1.2. Особенности актуализации лексических прагматических маркеров конфликтности при освещении миграционной политики США в СМИ и пользовательском контенте.....	115
3.1.3. Феномен <i>Pochos</i> как проявление кризиса национальной идентичности.....	122
3.2. Типы лексических прагматических маркеров конфликтности в мексиканских и американских испаноязычных традиционных и социальных медиа.....	130
3.2.1. Реализация лексических прагматических маркеров конфликтности в СМИ Мексики и США.....	130
3.2.2. Реализация лексических прагматических маркеров конфликтности в мексиканском сегменте социальных медиа.....	150
Выводы по третьей главе.....	165
Заключение.....	169
Список литературы.....	172
Словари и справочная литература.....	195

Введение

Важную роль в создании и поддержании единого коммуникативного и культурного пространства, а также консолидации социальной общности играет язык. Однако языковые средства, используемые в процессе коммуникации, могут способствовать не только укреплению сплоченности общества, но и развитию конфликтных ситуаций, что, как отмечается в работах отечественных и зарубежных исследователей (В.С. Третьяковой 2003, Н.В. Муравьевой 2004, Н.В. Осолковой 2008, Н.А. Белоус 2007, А.Е. Босова 2009, О.В. Крамковой 2011, К.М. Лёрка 2014, К. Исаси 2017, И. Чилува 2021 и др.), нередко приводит к росту социальной напряженности.

При изучении средств языковой маркировки негативных настроений социума в рамках отдельной лингвокультуры особое внимание привлекают к себе лексические прагматические маркеры конфликтности, активно функционирующие в СМИ и социальных медиа и содействующие формированию общественного мнения по отношению к «своим» и «чужим».

Бинарная аксиологическая оппозиция «свой – чужой», в которой «чужой» выступает как отрицательно маркированный актор, широко представлена в современных языках. Вместе с тем семантическое пространство архетипа «чужого» культурно-специфично и варьирует от этноса к этносу, включая в себя те ключевые характеристики, которые именно в данном обществе осуждаются и представляются несущими угрозу с точки зрения существующей системы ценностей.

Текущая геополитическая ситуация и усиление миграционных процессов диктуют необходимость всестороннего осмысления дихотомии «свой – чужой» и обуславливают интерес к выявлению способов речевой реализации ее конфликтности, что определяет **актуальность исследования**.

Объектом исследования выступают лексические прагматические маркеры конфликтности.

Предметом исследования служат лексические прагматические маркеры конфликтности как средство объективации оппозиции «свой – чужой» в мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа.

Цель работы заключается в исследовании лексических прагматических маркеров конфликтности в контексте оппозиции «свой – чужой» в мексиканском национальном варианте испанского языка, их выявлении, систематизации и анализе репрезентации в мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **ряд задач**:

- дать теоретическое обоснование основных понятий терминологического аппарата исследования;
- рассмотреть конфликтность как междисциплинарное понятие и потенциальное свойство дихотомии «свой – чужой»;
- изучить подходы к исследованию семантических бинарных оппозиций в современном языкознании;
- установить основные характеристики конфликтного дискурса и лексических прагматических маркеров конфликтности;
- выявить и систематизировать лексические прагматические маркеры конфликтности в контексте оппозиции «свой – чужой»;
- проанализировать особенности актуализации когнитивно-прагматического потенциала лексических прагматических маркеров конфликтности при объективации архетипа «чужой» в информационном поле Мексики;
- установить конфликтные темы и объекты иллокуции негативно-оценочных высказываний в мексиканском медиадискурсе;
- определить специфику функционирования лексических прагматических маркеров конфликтности в мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа.

Методология и методы исследования. Эффективность достижения цели исследования обеспечивается обращением к таким методам, как метод компонентного анализа, когнитивно-семантический метод, метод сравнительно-

сопоставительного анализа, метод лингвопрагматического анализа, метод дискурсивного анализа, описательно-аналитический метод, метод формализации результатов и статистического анализа. Отбор материала для исследования осуществлялся при помощи комбинации методов автоматизированного поиска и сплошной выборки.

Исследование проводилось с позиций современной антропоцентрической парадигмы с применением междисциплинарного подхода, затрагивающего различные аспекты: прагматические, когнитивные, лингвокультурологические, социальные и др.

Степень научной разработанности темы. Основные работы в области изучения *маркеров речевого конфликта и языка вражды* направлены на освещение вопросов, связанных с *разработкой средств диагностики конфликтного дискурса* (А.П. Костяев 2010, О.В. Крамкова 2011, Е.Н. Басовская 2011, М. Вильямс 2013, П.А. Маракулина 2016, Л.А. Махина 2017, И.В. Глухова 2017, Ю.В. Яковлева 2017, О.П. Семенец 2021, Дж. Папкунова 2021 и др.), *выявлением его основных характеристик* (В.С. Третьякова 2003, Н.В. Муравьева 2004, К. Орте Сосиас 2006, Н.А. Белоус 2007, А. Бланко Салгейро 2008, Н.В. Осколкова 2008, А.Е. Босов 2009, Дж. Кастаньеда Рохас 2010, Н.Н. Кошкарлова 2010, И.В. Микулина 2011, З.Р. Мамсурова 2015, Т.В. Ларионова 2020, Д.Р. Гилязова 2022, М.Ю. Никитин 2023 и др.), а также определением той роли, которую играют речевые сигналы враждебности в политическом массмедийном дискурсе при *формировании образа «чужого»* (А.Х. Майорга Рохель 2009, Р. Ф. Родригес Борхес 2010, Т.В. Алиева 2013 и др.). Специфика актуализации лексических прагматических маркеров конфликтности в процессе объективации оппозиции «свой – чужой» в мексиканских СМИ и социальных медиа, представляющих собой репрезентацию массового сознания в виде социально обусловленных вербализованных мнений, не исследовалась.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы в области изучения:

- *теории конфликта, социальной напряженности и конфликтогенности* (Т. Гоббс 2001, О.Дж. Бартос 2002, М.С. Мириманова 2004, И.А. Ульянова 2005, Н.И. Леонов 2006, Д. Смит 2007, Н.В. Гришина 2008, В.И. Киселев 2013, М. Вивьерка 2013, Дж.Х. Нарваэс 2013, Э.Э. Шульц 2014, Н.И. Монастырская 2014, Е.В. Перов, М.Б. Перова 2014 и др.);

- *коммуникативного конфликта и языковых средств выражения конфликта* (В.С. Третьякова 2003, Н.В. Муравьева 2004, А.Ю. Позолотин 2005, К. Орте Сосиас 2006, Т.А. Воронцова 2006, Н.А. Белоус 2007, Н.В. Осколкова 2008, А.Б. Салгейро 2008, А.П. Костяев 2010, Дж. Кастаньеда Рохас 2010, И.В. Микулина 2011, К.М. Лёрка 2014, Ю.В. Яковлева 2017, К. Исаси, Г. Хуанатэ 2017, Г.С. Макаренко 2018, Л.Б. Мартинес 2019, Л.Р. Комалова 2021, И. Чилува 2021, Д.Р. Гилязова 2022, Дж. Папкунова 2022 и др.);

- *архетипических бинарных оппозиций, стереотипов и лингвокультурных концептов* (Ш. Балли 1961, К. Леви-Строс 1985, Е.С. Кубрякова 1999, В.П. Руднев 1999, У. Липпман 2004, В.И. Карасик 2008, Ж.Б. Абильдинова 2011, А.А. Матвеева 2011, У. Эко 2012, В. Браун 2012, Р. Хертс 2013, М.Л. Лаптева 2013, Т.В. Алиева 2013, В.Г. Фельде 2015, А. Изаола 2015, Л.М. Лодоньо 2016, Т.Г. Боргоякова 2018, Т.В. Григорьева 2019, Е.В. Гордиенко 2022 и др.);

- *национального коммуникативного стиля и речевых стратегий* (С. Рамос 1951, О. Пас 1998, Л.В. Куликова 2006, И.В. Певнева 2008, О.С. Чеснокова 2012, 2021, А.А. Иванова 2012, К. Фуэнтес 2013, И.В. Гусева 2013, О.С. Иссерс 2023 и др.);

- *вербальных маркеров и прагмем* (Б. Фрейзер 1996, Дж.Л. Мэй 2010, А.П. Костяев 2010, Е.А. Горло 2013, Н.В. Карповская 2015, 2017, П.А. Маракулина 2016, П. Фурко 2017, Л.А. Махина 2017, Ю.А. Горностаева 2018 и др.).

Материалом исследования послужили 600 статей за 2021-2024 гг., освещающих проблему миграции, опубликованных в мексиканских (La Jornada, La Opinión, Excélsior, El Universal, El Milenio) и испаноязычных американских онлайн-изданиях (The New York Times en Español, Los Angeles Times en Español), а также более 15 000 постов и комментариев в мексиканском сегменте таких социальных

медиа, как Reddit (популярная онлайн платформа, сочетающая в себе черты социальной сети и форума) и YouTube (видеохостинг), за 2016-2024 гг. Более широкий временной диапазон социальных медиа объясняется тем, что пользователи могут оставлять комментарии не одновременно с публикацией материала.

Рабочая гипотеза диссертации заключается в том, что в процессе коммуникации реализуются особые языковые единицы – лексические прагматические маркеры конфликтности, которые, будучи речевыми сигналами, маркирующими рост социальной напряженности, способствуют отражению наиболее острых проблем социума, что выражается в повышении плотности и частотности их использования при обсуждении конкретных социально значимых тем. Выявление и многоаспектный анализ данных лексических единиц в контексте национального коммуникативного стиля и современной когнитивно-прагматической парадигмы позволяет раскрыть специфику образа «чужого», представленного в мексиканской языковой картине мира.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексические прагматические маркеры конфликтности, направленные на актуализацию в речи субъективной оценки адресанта через выражение агрессивности, воинственности, враждебности и нетерпимости, представляют собой прагмемы с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией, обладающие высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, реализация которого способствует возникновению и развитию конфликтных ситуаций.

2. Лексические прагматические маркеры конфликтности, будучи одной из констант конфликтного дискурса, обладают культурной спецификой и характеризуются регулярностью употребления при обсуждении отдельных социально значимых тем. Выступая в роли речевых сигналов враждебности, они вместе с тем служат признаками социальной напряженности в обществе.

3. Плотность и частотность реализации в речи лексических прагматических маркеров конфликтности, а также степень проявленности заложенного в них конфликтного признака в значительной степени определяются национальным

коммуникативным стилем и особенностями конфликтного речевого взаимодействия в отдельной лингвокультурной общности. Принципы неконфликтного коммуникативного поведения мексиканцев находят отражение в публикациях СМИ, для которых нехарактерно использование лексических прагматических маркеров конфликтности с ярко выраженной оценочностью и негативной эмоциональной окраской при обращении к образу «чужого» в аспекте миграции, в отличие от социальных сетей, испытывающих большое влияние демократизации и анонимности онлайн коммуникации.

4. Определение типичных контекстов реализации лексических прагматических маркеров конфликтности в информационном поле миграции и их дальнейшая систематизация позволяют определить национальную специфику языковой объективации образа «чужого» в условиях межкультурной коммуникации. В свете проблематики «свой – чужой» негативная иллокуция в текстах мексиканских СМИ и социальных медиа направлена преимущественно на граждан США (*gringos*), при характеристике которых высокой частотностью отличаются маркеры, актуализирующие следующие значения: ‘дискриминационное отношение’ (‘высокомерие’, ‘двойные стандарты’ и др.), ‘империалистические амбиции’, ‘лицемерие’, ‘финансовая обеспеченность’.

5. В роли промежуточного члена оппозиции «свой – чужой» в мексиканской лингвокультуре выступает не «другой», а отрицательный образ «своего» - «*rocho*», сознательно отказавшегося от родной культуры. Трансформация бинарной оппозиции в градуальную отражает проблемы национальной идентичности, обусловленные особенностями колониального прошлого и миграционными процессами, проходящими в данном ареале. Среди ключевых лексических прагматических маркеров конфликтности, характеризующих *rochos* в мексиканском сегменте социальных сетей, выделяются следующие: *verdadero enemigo*, *odio*, *aire de superioridad*, *Spanglish*, *ignorancia*.

Новизна исследования заключается в рассмотрении лексических прагматических маркеров конфликтности в качестве одной из констант конфликтного дискурса и средства языковой объективации оппозиции «свой –

чужой», их выявлении в мексиканском информационном поле миграции, систематизации, а также установлении особенностей актуализации когнитивно-прагматического потенциала данных маркеров в СМИ и социальных медиа.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке понятия лексического прагматического маркера конфликтогенности, определении его свойств и связи с национальным коммуникативным стилем, а также в выявлении и типологизации указанных единиц, сигнализирующих о конфликтогенности конкретных тем и объектов и способствующих формированию и актуализации образа «чужого» в мексиканской лингвокультуре.

Практическая ценность данной работы заключается в возможности использования ее результатов при подготовке курсов лекций и практических занятий по испанскому языку, лексикологии и стилистике испанского языка, межкультурной коммуникации, журналистике, кросскультурной прагматике, лингвострановедению и т.д.

Отдельные результаты исследования (в частности, определение понятия лексических прагматических маркеров конфликтогенности, механизм выявления конфликтогенного дискурса и др.) нашли свое применение при выполнении проекта «Маркеры коммуникации в условиях ее потенциальной рискогенности и конфликтогенности в полиэтническом регионе», реализованного при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Обоснованность и достоверность полученных результатов обусловлена опорой на труды авторитетных отечественных и зарубежных ученых, обширной эмпирической базой, комплексным методом исследования и статистическими подсчетами.

Апробация работы. Основные результаты проведенного исследования отражены в 8 публикациях, 4 из которых относятся к рецензируемым изданиям, рекомендованным ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Основные положения диссертационного исследования были представлены в форме очных докладов в рамках следующих научных мероприятий: VI Международный форум «Россия и Ибероамерика в турбулентном мире: история и современность» (Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Латинской Америки РАН, 2023); III Международная научно-практическая конференция «Лингвистика дистанцирования: власть языка и современные реалии» (МГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ, Минский государственный лингвистический университет, 2023); IV Международная конференция «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-американский мир» (ЮФУ, Университет Веракруса (Мексика), Национальный автономный университет Штата Мехико (Мексика), октябрь 2022); Международная научно-практическая конференция магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты» (ЮФУ, 2022); V Международный конгресс испанистов России, Восточной Европы и Центральной Азии «Испанистика в эпоху цифровизации» (МГЛУ, 2021); Международная научно-практическая конференция «V Фирсовские чтения: Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации» (РУДН, 2021) и др.

Результаты проведенного исследования обсуждались и были одобрены на заседании кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности. Научные положения диссертационного исследования соответствуют содержанию специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романские языки).

Объём и структура диссертации. Текст диссертационного исследования состоит из 196 страниц (171 без списка литературы) и включает введение, три главы, заключение, список литературы (220 ед.) и список словарей и справочной литературы (14 ед.).

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и новизна исследования; определяются его цель, задачи, теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту; указываются основные методы, применяемые в ходе работы.

В первой главе **«Конфликтогенность как междисциплинарное понятие и потенциальное свойство дихотомии “свой – чужой”»** рассматриваются различные аспекты изучения конфликтной коммуникации, определяются основные свойства конфликтогенного дискурса, дается теоретическое осмысление конфликтогенного потенциала архетипической оппозиции «свой – чужой».

Во второй главе **«Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в испанском языке Мексики в свете оппозиции “свой – чужой”»** анализируются подходы к изучению речевых сигналов враждебности, даётся определение лексического прагматического маркера конфликтогенности, рассматриваются его когнитивно-прагматический потенциал и роль в языковой объективации образа «чужого» в условиях межкультурной коммуникации, исследуется специфика конфликтного типа взаимодействия в контексте мексиканского коммуникативного стиля.

В третьей главе **«Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в мексиканском информационном поле миграции»** проводится многоаспектное исследование и систематизация лексических прагматических маркеров конфликтогенности, используемых в мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа, определяются контексты, характерные для конфликтогенного дискурса в мексиканском информационном поле миграции, выявляются объекты иллокуции негативно-оценочных высказываний, анализируется специфика объективации образа «чужого».

В **Заключении** подводятся итоги и определяются перспективы дальнейшего исследования.

Глава 1. Конфликтогенность как междисциплинарное понятие и потенциальное свойство дихотомии «свой – чужой»

Пронизывая все стороны жизни человеческого общества, коммуникация играет решающую роль в его становлении и функционировании. При этом вербальная коммуникация, как письменная, так и устная, является самым распространенным способом общения. Язык активно участвует в формировании и развитии единой коммуникативной и культурной среды, национального самосознания и социальной идентичности. В то же время следует признать, что не всякая коммуникация приводит к консолидации общества, взаимопониманию и эффективному взаимодействию. Кроме того, естественные языки располагают такими средствами, использование которых способствует возникновению и развитию коммуникативного конфликта, детерминированного, с одной стороны, «личностной парадигмой, с другой – особенностями национально-культурного пространства» [Кошкарова 2021: 5].

Вопросы конфликтного речевого взаимодействия, нередко приводящие к обострению межэтнических противоречий, находятся в фокусе внимания современных исследователей, выделяющих среди причин конфликтогенной коммуникации неблагоприятную экономическую, политическую, социальную и психологическую обстановку не только в отдельной стране, но и в мире в целом, что вызывает рост социальной напряженности, усугубляемой расширением и нарастанием миграционных процессов.

Международная миграция, ставшая одним из глобальных вызовов современного мира, повлекла за собой проявление новых измерений конфликтогенного потенциала архетипической оппозиции «свой – чужой» и обусловила интерес отечественных и зарубежных ученых к раскрытию сущности категории конфликтогенности.

1.1 Категория конфликтогенности и ее междисциплинарный характер

Категория конфликтогенности исследуется в рамках различных социальных и гуманитарных наук и относится к междисциплинарным системным объектам. Если внимание социологов сосредоточено на условиях возникновения конфликта в обществе и на его последствиях, то для психологов значительный интерес представляют личные переживания индивида, вызванные стрессом, который несет в себе конфликтная ситуация, и психологический анализ ее причин.

Лингвистов, в свою очередь, привлекает выявление и изучение языковых средств различного уровня, маркирующих *конфликтную коммуникацию*¹ или ведущих к ее возникновению и развитию. Коммуникативная обусловленность формирования межличностного конфликта признается большинством ученых, занимающихся изучением данного вопроса: О.В. Крамковой (2011), Г.С. Макаренко (2018), Т.В. Ларионовой (2020), Д.Р. Гилязовой (2022) и др. Вместе с тем, огромная роль информационно-коммуникативных процессов, вызванная высокой степенью медиатизации современного общества, и практически неограниченные возможности для сетевого общения выводят исследование конфликтных форм коммуникации на новый уровень.

1.1.1. Понятие конфликтогенности и социальной напряженности в современных социально-гуманитарных науках

В настоящее время для работ, затрагивающих вопросы конфликтогенности, характерно наличие различных подходов к ее пониманию, что связано, как было сказано выше, с многоаспектностью и междисциплинарностью данного понятия. Так, в большинстве исследований социологической направленности конфликтогенность выступает как совокупность «напряженностей в различных сферах жизнедеятельности, которые при определенных условиях могут привести к

---

¹ «столкновение интересов, потребностей, ценностей и взглядов, которые репрезентируются в речевой коммуникации и представляют собой нелинейный, естественно развивающийся процесс» [Цой 2015: URL]

конфликту» [Монастырская 2014: 236]. При этом в качестве основной причины конфликта чаще всего выделяются несовместимые противоречия интересов, которые приводят к враждебности и даже агрессии. Примечательно, что, с точки зрения социологов О.Дж. Бартоса и П. Вехра, причиной конфликта могут стать не только реально существующие противоречия, но и враждебный настрой друг к другу² [Bartos 2002: 19].

Представленный подход в определенной мере соотносится с пониманием *конфликтогенности / конфликтности человека (личности)* в психологии, когда индивид из-за свойственных ему психологических особенностей, таких, как склонность к ссорам, неуступчивость, обидчивость, раздражительность и др., своими действиями и словами провоцирует людей, вступающих с ним в коммуникацию, на конфликты [Мищенко 2020: 92-93]. Подобной позиции придерживается и М.С. Мириманова, которая указывает на то, что для конфликтогенной личности важен сам процесс конфликта и выплеск негативных эмоций, а не достижение какого-либо результата [Мириманова 2004: 146-147]. Н.И. Леонов обращает внимание на наличие определенного *стиля поведения* личности, который ведет к конфликту [Леонов 2006: 84], что предполагает возможность построения *речевого портрета конфликтогенной личности*.

Конфликтогенность личности допускает определенную связь с *конфликтогенностью социума (общества)*, но не идентична ей, так как в последнем случае конфликтогенность является системной характеристикой и рассматривается на макроуровне. Согласно Ю.Г. Грязновой, конфликтогенность общества представляет собой «процесс нарастания противоречий во взглядах, интересах и ценностях под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, приводящих к столкновению сторон и обостряющих способы взаимодействия между ними» [Грязнова 2011: URL]. В свою очередь, Е.В. Перов и М.Б. Перова подчеркивают, что на рост конфликтогенности общества влияют различные конфликтогены: «не столько противоречия, сколько разногласия, рассогласования,

---

² Перевод здесь и далее наш – И.Д.

неудовлетворенные ожидания, напряженности, вызываемые действиями различных социальных общностей или политических лидеров», которые «могут привести к возникновению конфликтной ситуации и перерастанию ее в деструктивный конфликт» [Перов 2014: URL]. С точки зрения ученых, конфликтогенность общества представляет собой «социально-экономическое явление, систему объективных обстоятельств и субъективных образов, формирующих различные виды напряженностей как результат взаимодействия больших социальных групп, включающих свою систему отношений и групповые интересы» [там же].

Некоторые исследователи конфликтогенности социума ставят вопрос о *деструктивном потенциале* общества. Данный термин встречается в «Словаре конфликтолога» А.Я. Анцупова и А.И. Шпилова и широко цитируется в научных работах. По их мнению, конфликтогенность социума – это «деструктивный потенциал общества, связанный с нарушением сложившихся связей и отношений, ростом социальной напряженности, нарастающих противоречий в экономической и политической сферах, деградацией социальных отношений» [Анцупов 2010: 88].

В современной науке находят отражение различные аспекты конфликтогенности личности и социума. В частности, рассматриваются вопросы, связанные с *конфликтогенностью межпоколенного взаимодействия* (Ю.Г. Грязнова 2011), с *конфликтогенностью в академической среде* (А.В. Майорова 2001) и многие другие. Лингвисты со своей стороны обращаются к понятию *конфликтогенности текста*³ и исследованию проблем конфликтных форм и средств общения.

Несмотря на различия в подходах к пониманию конфликтогенности, ее причин и характеристик, исследователи, представляющие разные области социально-гуманитарного знания, трактуют данную междисциплинарную категорию, оперируя, как правило, такими понятиями, как «*конфликт*» и «*социальная напряженность*».

---

³ См. параграф 1.1.2.

Обращаясь к указанным понятиям, следует отметить, что о социальных противоречиях и свойственной человеку неудовлетворенности жизнью, ведущих к *конфликту*, писал еще древнегреческий философ Платон. В своих трудах он указывал на то, что основной действующей силой в обществе являются материальные интересы и потребности людей, которые для их достижения объединяются в изначально неидеальные общественные структуры [Платон 2011]. Дальнейшее развитие эта идея получила в работах многих других мыслителей, среди которых необходимо упомянуть и ученика Платона Аристотеля. В понимании Э.Э. Шульца, именно Аристотель «зложил основу того, что можно считать политической теорией бунта». При этом решающую роль в причинах зарождающегося общественного конфликта греческий философ отводит чувству несправедливости, которое может быть вызвано неудовлетворением основных потребностей человека [Шульц 2014: 118].

Рост интереса к изучению социальных конфликтов можно отметить в эпоху Нового времени, для которой характерны войны, революции и обострение классовой борьбы. Так, в середине XVII века английский философ Т. Гоббс, которого считают одним из основателей современной политической философии и теории общественного договора, излагает объяснение причин социальных протестов в государстве. Именно Т. Гоббсу принадлежит известная фраза, в которой первоначальное состояние человеческого общества определяется как война всех против всех [Гоббс 2001: 87]. Установки Т. Гоббса оказали огромное влияние на становление современной конфликтологии.

Что касается понятия *социальной напряженности*, которое чаще всего используется при определении конфликтогенности социума, то оно разрабатывалось философами, психологами, социологами, политологами, конфликтологами и др. Однако единой точки зрения на понимание сущности данного феномена до настоящего времени не сложилось [Ульянова 2005: 7]. Как справедливо указывает В.И. Киселев, «до сих пор принципиально не определены и не сформулированы основополагающие подходы в прогнозировании наличия и изменения социальной напряженности как на микро-, так и макроуровне» [Киселев

2013: 167], что может быть объяснено междисциплинарным характером понятия, а также тем, что многие исследования, посвященные данному вопросу, обусловлены временным контекстом, ведь «для каждого временного периода ... в котором находится та или иная общность, характерен свой “набор” факторов, формирующих социальную напряженность» [Михеев 2010: 210]. Тем не менее большинство исследователей, независимо от научного направления, сходятся в одном: «социальная напряженность – это первый этап широкомасштабного социального конфликта» [Киселев 2013: 168].

Одним из тех социологов, которые впервые предприняли попытку изучения социальной напряженности как одного из факторов, непосредственно влияющих на поведение человека, является Э. Дюркгейм. В работе «Самоубийство: социологический этюд» (1897) он пишет о том, что переживание обществом любого болезненного кризиса приводит к тому, что «смятение и недовольство уже носятся в общественном сознании...» [Дюркгейм 1994: 125–126].

К основоположникам теории социального конфликта или конфликтологии следует отнести и немецкого философа и социолога Г. Зиммеля. Как пишет В.М. Степаненкова, ученый считал, что неизбежность конфликтов заложена в самой природе человека, так как людям изначально присуща агрессивность – так называемый «априорный инстинкт борьбы». К исходным конфликтам Г. Зиммель относит не только противоречия «между формами индивидуализации и формами социализации», но и между индивидом и культурой. Особый интерес в рамках настоящей работы представляют идеи Г. Зиммеля о том, что человек является *сравнивающим существом*, для которого поиск различий между собой и другими более важен, чем наличие сходства. Осознание этих различий ведет к конфликту и осознанию противопоставленности «нас» (нашей группы) «им» (их группе). При этом в состоянии конфликта своя группа становится крайне нетолерантной к чужой группе [Степаненкова 1999: 149-150]. О противопоставлении «мы-группы» «они-группе» пишет и известный психолог, один из авторов теории социальной идентичности, Г. Тэшвел. Основываясь на проведенных социальных экспериментах, Г. Тэшвел утверждает, что человеку свойственна определенная

степень «*gratuitous discrimination*» (необоснованной дискриминации) в пользу своей группы и против чужой, что проявляется даже в условиях отсутствия изначального конфликта, вызванного конкуренцией за что-либо [Tajfel 1971: 173].

Отечественный исследователь Е.В. Колмогоров указывает на то, что в результате интенсивной разработки теории конфликта в Европе и США, которая началась в середине XX века, оформилось несколько основных подходов к трактовке природы социальной напряженности: *социобиологическая теория* (К. Райт, Г. Маркузе), в основе которой лежит идея о присущей человеку природной агрессивности, ведущей к деструктивной социальной напряженности; *классовая теория* (К. Маркс), рассматривающая социальную напряженность в качестве движущей силы общественного развития; *теория конфликтной модели общества* (Р. Дарендорф, Л. Козер), где в фокусе внимания находится стремление к перераспределению власти между людьми; *дисфункциональный подход* (Т. Парсонс, Д. Тернер), с точки зрения последователей которого социальная напряженность является результатом нарушения баланса в обществе, вызванным социальным конфликтом; *теория относительной депривации* (Т. Р. Гарт), согласно данной теории социальная напряженность возникает при несовпадении ожиданий и возможностей, важным при этом является то, каким образом интерпретируется людьми ситуация, в которой они оказались [Колмогоров 2017].

При изучении конфликтности и социальной напряженности современными испано- и англоговорящими исследователями, как правило, используются термины *conflicto social* (исп.) / *social conflict* (англ.), что отражает понимание конфликта как конфликта интересов индивидуумов или групп людей, когда сталкиваются их интересы или когда они являются соперниками за статус или власть [Wieviorka 2013: 699].

Д. Смит, в свою очередь, отмечает, что социальный конфликт возникает между различными социальными группами при неравных условиях их сосуществования, поскольку они конкурируют за то, чтобы получить выгоду от общественных благ [Smith 2007: 1].

Дж.Х. Нарваэс в работе, посвященной анализу проблемы проявления жестокости в городе (*violencias urbanas*), выделяет в качестве одного из ключевых факторов ее возникновения и развития именно социальную напряженность: «это естественный сценарий развития конфликта интересов, когда отдельный человек, группа или сообщество осуществляют социальный контроль над условиями жизни сообщества» [Narváez 2013: 63].

Проблематика настоящего исследования, направленного на выявление и изучение лексических прагматических маркеров конфликтогенности испанского языка в контексте оппозиции «свой – чужой», обуславливает целесообразность обращения и к психологическому направлению в рассмотрении феномена социальной напряженности. Основная роль при таком подходе отводится изучению *психоэмоционального состояния индивида* как решающего фактора в развитии общественного конфликта. Следует отметить, что в современной западной конфликтологии именно этот подход оказал наибольшее влияние на понимание природы конфликтов и на определение способов их урегулирования в силу признания роли психологических факторов (враждебные чувства, мысли, установки) в возникновении и развитии социальных конфликтов «и значительных возможностей использования психологических методов для разрешения и ослабления конфликтов» [Гришина 2008: 54].

В работе «Психология конфликта» Н.В. Гришина выделяет следующие традиции изучения конфликтов в психологии: *интрапсихическая интерпретация*, в котором особое внимание уделялось внутренним конфликтам неосознаваемого характера (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон); *ситуационный подход (бихевиористская традиция)*, в котором конфликт рассматривается как форма реакции на внешнюю ситуацию (М. Дойч, М. Шериф); *когнитивистский подход*, в котором субъективная оценка ситуации является основным условием конфликта (К. Левин) [Гришина 2008].

Существенный вклад в понимание феномена социальной напряженности современными западными социологами и конфликтологами, по мнению Е.В. Колмогорова, внесли труды Г. Селье, который, будучи врачом, сформулировал

столь популярную до сих пор *концепцию стресса* (1956 г.). Факторы, способствующие развитию стресса, он разделил на три группы: экономические (безработица, банкротство, забастовки), семейные (разводы, проблемы с детьми) и бытовые (несчастные случаи, *миграция*) [Колмогоров 2017: 124]. Примечательно, что результаты настоящего исследования позволяют утверждать, что степень активности обсуждения в медиапространстве проблем, связанных с миграцией, а также активность использования при их освещении лексических прагматических маркеров конфликтности во многом определяются теми же самыми факторами⁴.

В отличие от зарубежных ученых, интерес которых по большей части сосредоточен на психологической составляющей социальной напряженности, отечественные конфликтологи видят в ней прежде всего характеристику / свойство совместной деятельности индивидов. При этом основное проблемное поле их теоретических и практических исследований «определяется преимущественным изучением вооруженных, этнических, экономических и политических конфликтов» [Гришина 2008: 54].

В частности, как полагает Ю.В. Каира, к характеристикам социальной напряженности наряду с эмоциональным состоянием людей следует отнести и состояние всей общественной жизни, которая отличается в этот период обострением внутренних противоречий как объективного, так и субъективного характера. Истинные причины указанного явления автор видит в совокупности «экономических, политических, социальных и иных процессов, ход и направленность течения которых приводят к возникновению в обществе нестабильной (политической, экономической, военной) или конфликтной ситуации» [Каира 2017: 20-21].

В то же время, по мнению И.В. Михеева, социальная напряженность, будучи многогранным динамическим феноменом, характеризующим «состояние группы вне зависимости от ее масштаба» и формирующимся «на основе высокого уровня

---

⁴ См. Глава 3.

нестабильности эмоционального, духовного и психического состояния индивидов, определяемого интенсификацией движения (обмена) социальной энергии», представляет собой не что иное, как начальный / промежуточный этап социального конфликта и «может носить как деструктивный, так и конструктивный характер» [Михеев 2010: 210].

Как следует из вышеизложенного, конфликтогенность, с лежащей в ее основе социальной напряженностью, представляет собой специфическую черту функционирования человеческого общества, исследованием которой в силу ее комплексного системного и междисциплинарного характера занимаются представители разных социально-гуманитарных наук. Крайней степенью проявления конфликтогенности становится конфликт.

Конфликт как столкновение отдельных индивидуумов или социальных групп, «нас» и «их», находит свое выражение в конфликтной коммуникации, важную роль в которой играют те языковые средства, которые используются для эскалации / урегулирования конфликта. Еще Ф. Бэкон, как указывает Э.Э. Шульц, в начале XVII века писал, что предвестниками смуты «становятся «пасквили и крамольные речи», «а также ложные слухи», порочащие правительство: «когда они возникают часто и охотно подхватываются – жди мятежа» [Шульц 2014: 121]. Важно отметить, что средства выражения категории конфликтогенности, регулярно функционируя в ходе речевой коммуникации, активно актуализируют свой деструктивный потенциал, способствуя созданию ситуации социальной напряженности.

1.1.2. Конфликтогенность как лингвопрагматическая категория.

Основные признаки конфликтогенного дискурса

Изучение речевой деятельности и определение ее роли в развитии конфликта представляет интерес для многих направлений лингвистики: социолингвистики, политической лингвистики, юрислингвистики, психолингвистики, лингвоконфликтологии, речевой конфликтологии и др. Конфликтная

коммуникация как дисциплина все чаще включается в учебные планы основных лингвистических и юридических образовательных программ, что объясняется не только вниманием к роли языковых средств в конструировании конфликтного дискурса, но и необходимостью обладания определенными знаниями при проведении лингвистической экспертизы текста, определении индекса его конфликтогенной напряженности и др.

Рассмотрение лингвопрагматических параметров категории конфликтогенности определяет потребность в обращении к таким понятиям, как *языковой / речевой / коммуникативный конфликт*, *конфликтный / конфликтогенный дискурс*, а также *конфликтный / конфликтогенный текст* и др.

Несмотря на тот факт, что для обозначения отрицательного поля коммуникативного взаимодействия термины *языковой / речевой / коммуникативный конфликт* довольно часто используются синонимично, в специализированных научных исследованиях они, как правило, разграничиваются.

При использовании термина *коммуникативный конфликт* акцент делается на том, что он возникает на базе коммуникативного акта, «когда осознанное коммуникативное поведение одной из сторон вступает в противоречие с интересами, представлениями о должном, правильном другой стороны» [Брусенская 2021: 80]. По этой причине в качестве одной из основных задач современной конфликтологии некоторые авторы, в частности Л.А. Брусенская, А.Р. Котаева и И.В. Беляева позиционируют формирование у сотрудников организации *конфликтогенной компетенции*, под которой понимается «профессиональная осведомленность о диапазоне возможных стратегий конфликтной коммуникации и, в частности – о тех разноуровневых языковых единицах, которые могут быть охарактеризованы как конфликтогены» [там же].

В то же время А.Л. Вусик первопричину коммуникативного конфликта видит во фрустрации (подавлении, ущемлении) достоинства партнера по общению в самых различных формах и модификациях (заниженной оценке, оскорблении, насилии) [Вусик 2014: 57].

При рассмотрении конфликтогенных прагматических факторов коммуникации О.В. Крамкова выделяет:

- игнорирование возрастных характеристик коммуниканта;
- пренебрежение статусными различиями участников общения;
- несоответствие содержания виду общения;
- несоответствие места и времени (говорить не о том, что принято в данной ситуации);
- несоответствие ролевым позициям в коммуникативном акте (например, общаться свысока с тем, кто равен говорящему по статусу) [Крамкова 2011: 334].

Понятие *языкового конфликта* многими учеными связывается с поликультурным многоязычным обществом, в связи с чем в роли синонимов нередко используются термины *этноязыковой конфликт* и *культурно-языковой конфликт* [Вусик 2014: 58-59]. Как отмечает В.С. Ромадыкина, в фокусе внимания в данном случае оказывается взаимосвязь между языковым конфликтом и этнической идентичностью, так как язык, будучи «важнейшим национальным идентификатором», дает возможность нации выделить себя среди других и осознать себя «самодостаточным субъектом истории» [Ромадыкина 2014: 169]. Языковые конфликты, являясь социальным явлением, происходят, по мнению Н.Ю. Невдахиной, в результате обострения языковых разногласий и характерны прежде всего для тех стран, «где языки имеют разные социальные статусы и неравные общественные функции» [Невдахина 2017: URL]. Подобные межэтнические языковые конфликты, как правило, связаны с ростом межнациональной напряженности и имеют идеологическую окраску, при этом язык выступает маркером принадлежности к «своим» или «чужим».

В свою очередь, *речевой конфликт*, как полагает В.С. Третьякова, является *протекающим во времени коммуникативным событием*: «это состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [Третьякова 2003: 145], т.е. следуя конфронтационным стратегиям общения.

Что касается соотношения терминов *конфликтный* и *конфликтогенный текст*, которые повсеместно используются в современных научных публикациях, посвященных исследованию вербальных средств реализации противонаправленной интеракции и «порождающих последующее негативное взаимодействие партнеров» [Мамсурова 2015: 101], то они нередко выступают в качестве синонимов при обозначении текстов, вызывающих конфликт либо провоцирующих его, что представляется не совсем обоснованным, так как имеющийся в слове *конфликтогенный* компонент *-генный*, передает значение «производящий или образующий то, что названо в начальной части слова»⁵, а значит больше подходит для обозначения высказывания, которое может вызвать конфликт или же послужить поводом для его эскалации. Примечательно, что данное свойство конфликтогенного текста обуславливает интерес к изучению его элементов в юрислингвистике и делает возможным, как отмечает И.В. Микулина, вовлечение подобных текстов в судебную практику [Микулина 2011: 4]. Что касается слова *конфликтный*, то его логичнее использовать для обозначения высказывания, реализуемого на фоне существующего конфликта и служащего средством его репрезентации. Таким образом, несмотря на факт пересечения значений данных терминов, их трудно считать абсолютными синонимами. Подобной точки зрения придерживается и М.Ю. Никитин, который говоря об оправданности разграничения терминов *конфликтный* и *конфликтогенный* дискурс, отмечает перспективность данного подхода в плане разработки лингвистического инструментария выявления конфликтогенности, так как при использовании слова *конфликтогенный* акцент делается на его способности продуцировать конфликт [Никитин 2023: 3].

Ряд исследователей (В.С. Третьякова 2003, Н.В. Муравьева 2004, Н.В. Осколкова 2008, А.Е. Босов 2009 и др.) указывают на наличие у текста конфликтогенного потенциала, который реализуется в определенном контексте. Более того, как утверждает Д.Р. Гилязова, любой авторский текст можно отнести к

---

⁵ Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: https://www.efremova.info/word/_gennyj.html

потенциально конфликтным, поскольку какой угодно его компонент способен «вызвать негативные эмоции и оценки, в зависимости от особенностей восприятия адресата, его склонности к конфликту и внутренней агрессии» [Гилязова 2022: 9]. А. Бланко Салгейро также считает, что абсолютно любое высказывание вплоть до невиннейшего вопроса или утверждения может быть воспринято в качестве враждебного, и предлагает при исследовании собственно враждебных иллокутивных актов (*actos ilocucionarios hostiles*) фокусировать внимание только на тех высказываниях, которые всегда в той или иной степени реализуют свой потенциал в плане передачи враждебного отношения [Blanco Salgueiro 2008: 5].

При исследовании категории конфликтности нередко используется и понятие «дискурс», призванное подчеркнуть важность рассмотрения не только лингвистической составляющей текста, но и различных экстралингвистических факторов, обуславливающих соответствующее речевое действие. Характерной чертой конфликтного дискурса признается его *негативная модальность*, а именно сознательный выбор адресантом эксплицитных и имплицитных языковых средств, которые могут выражать обвинения, угрозу, критику, оскорбления и др., провоцирующие собеседника на активную негативную ответную реакцию.

Н.А. Белоус и Н.В. Осколкова трактуют конфликтный дискурс как «речевое взаимодействие коммуникантов, в результате которого участники испытывают отрицательные эмоции благодаря вербальному и паравербальному воздействию друг на друга» [Белоус 2007: 97]. Согласно авторам, конфликтный дискурс охватывает и «результат процесса реализации различных интенций в речевом взаимодействии коммуникантов», и «денотативно-референтную ситуацию, представляющую собой столкновение коммуникативных целей, реализация которых приводит к противодействию» [там же].

Противопоставляя конфликтный дискурс кооперативному, Н.Н. Кошкарлова понимает его как «деструктивную деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих

эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер)» [Кошкарлова 2010: 84-85]. Автор рассматривает данный тип дискурса в свете триады, включающей конфликт (как столкновение интересов коммуникантов), речевую агрессию (порождаемую конфликтом), коммуникативный конфликт (воплощение речевой агрессии) [там же].

В свою очередь, Т.В. Ларионова обращает внимание на другие особенности конфликтного дискурса, подчеркивая, что, «с одной стороны, конфликтный дискурс отражает реальную действительность, так как он производится этой реальностью. С другой стороны, нередко отсутствие логичной аргументации, эмоциональность участников конфликта создают ... квазиреальную модель с асимметричными временем, пространством, участниками и даже действиями» [Ларионова 2020: 221].

В.С. Третьякова, изучая конфликт как феномен языка и речи, делает вывод о том, что «материальное выражение конфликтных отношений субъектов речи в акте коммуникации в виде конкретных языковых и речевых структур является отражением их докоммуникативного состояния (интересов, позиций, взглядов, ценностей, установок, целей и т. п.)» [Третьякова 2003: 145]. Таким образом, особая роль при изучении конфликтности дискурса отводится контексту, коммуникативной ситуации и отношениям между коммуникантами.

Принимая во внимание результаты настоящего исследования и опираясь на анализ различных подходов к пониманию конфликтности дискурса, представляется возможным выделить следующие его наиболее значимые признаки⁶: обращение к формальному аппарату лингвопрагматической категории конфликтности; следование речевым стратегиям и тактикам конфликтного

---

⁶ Характеристика конфликтного дискурса нашла отражение в нашей работе «О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтности и их когнитивно-прагматическом потенциале» (2022), написанной в соавторстве с Н.В. Карповской и И.Р. Абкадыровой в рамках выполнения проекта «Маркеры коммуникации в условиях ее потенциальной рискогенности и конфликтности в полиэтническом регионе» при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

типа (угрозы, оскорбления, провокация и др.); несоблюдение норм вежливого речевого поведения, принятых в обществе (например, сокращение дистанции между коммуникантами за счет использования неформального регистра речи); выражение негативного отношения к адресанту / к третьему лицу или группе людей / к ситуации; искажение и упрощение образа оппонента; наличие субъективных негативных оценок; апелляция к эмоциям, а не логике; категоричность и др. Конфликтогенный дискурс способен влиять на возникновение и эскалацию конфликта, вызывать негативные эмоции у коммуникантов, провоцировать адресата/тов на ответные как вербальные, так и невербальные действия и др.

В работах современных авторов (О.П. Семенец 2021, Д.Р. Гилязовой 2022, М.Ю. Никитина 2023 и др.) для описания проблем, возникающих в процессе обмена информацией, а также анализа проявлений вербальной агрессии и отсутствии стратегии взаимодействия активно используется понятие «лингвоконфликтогенность». В частности, отмечается факт нарастания лингвоконфликтогенности текстов в виртуальном мире, что объясняется как его анонимностью и безнаказанностью, так и особой ролью языка в качестве средства манипулирования общественным сознанием при информационных войнах.

На фоне резкого роста речевой агрессии в глобальной информационной сети Интернет вопросы лингвоконфликтогенности текста и дискурса приобретают особое значение. Примечательно, что зарубежные исследователи в трудах, посвященных рассмотрению указанного явления, чаще всего оперируют понятием *hate speech*, что подразумевает язык вражды или ненависти. По мнению словацких ученых, выраженному в статье «Hate speech operationalization: a preliminary examination of hate speech indicators and their structure», несмотря на интуитивное понимание того, что подразумевается под *hate speech*, границы данного понятия до сих пор не очерчены в силу его многоаспектной, междисциплинарной, комплексной природы [Parsunova 2021: URL]. Данную точку зрения разделяют и испаноязычные авторы, активно использующие понятия, аналогичные английскому *hate speech – discurso de odio, agresión verbal, violencia verbal, abuso*

verbal и др. Как отмечают каталанские специалисты, представляющие юридическую сферу деятельности, трудность определения понятия *discurso de odio* заключается в неоднозначности его этического и юридического аспектов. Кроме того, подчеркивается его субъективность и свойственная ему эмоциональная окраска, а также непродуктивность широкого подхода к его пониманию, так как в этом случае оно охватывало бы слишком широкий диапазон выражений, что затруднило бы проведение как социального, так и юридического анализа [Cabo Isasi 2017: 6–7].

Л.Р. Комалова в своей работе, содержащей обзор зарубежных исследований о реализации языка вражды в публичном дискурсе, приводит следующее его определение, зафиксированное в Приложении № R (97) к Рекомендациям Комитета министров в области медиа и информационного общества Совета Европы от 30 октября 1997 г.: «все формы выражения, которые распространяют, разжигают, поощряют или оправдывают расовую ненависть, ксенофобию, антисемитизм или другие формы ненависти, основанной на нетерпимости, включая нетерпимость, выражаемую в виде агрессивного национализма и этноцентризма, дискриминации и враждебного отношения к меньшинствам, мигрантам и людям иммигрантского происхождения» [Комалова 2021: 94-95].

Подобная позиция в отношении языка вражды представлена и на американском сайте юридических дефиниций: вид коммуникации, единственный смысл которой заключается в выражении ненависти к некоторой группе, особенно в условиях, когда данная коммуникация вполне может спровоцировать насилие; подстрекательство к ненависти к группе лиц из-за их расы, этнической принадлежности, национального происхождения, пола, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п. Под языком вражды понимается любая форма выражения, которая может быть воспринята как оскорбительная по отношению к расовым, этническим или религиозным группам, а также к другим выделяемым меньшинствам или женщинам⁷.

---

⁷ <http://definitions.uslegal.com/h/hate-speech/>

Как следует из представленных выше подходов к пониманию языка вражды / языка ненависти, он связывается прежде всего с оскорбительной речью, основанной на предубеждениях и дискриминации и возбуждающей вражду и ненависть к определенным группам людей.

В то же время испаноязычные авторы (К. Орте Сосиас 2006, А. Бланко Салгейро 2008, Дж. Кастаньеда Рохас 2010 и др.) предлагают свой подход к определению *discurso de odio*, делая акцент прежде всего на межличностном конфликте и желании адресанта оказать негативное влияние на эмоциональное и психологическое состояние адресата. При этом А.Б. Салгейро подчеркивает тот факт, что понятие языковой вражды (агрессии), тесно связанное с понятием вежливости (*cortesía*), представляет собой нечто противоположное ему, а именно крайнюю степень невежливости [Blanco Salgueiro 2008: 6].

Наряду с *discurso de odio*, довольно активно функционируют понятия *discurso polémico*, *discurso provocador* и *discurso conflictivo*, последнее доминирует в научной среде и представляется более эквивалентным соответствием выражению конфликтотенный дискурс в силу значения испанского прилагательного *conflictivo*, которое обозначает провоцирующий / содержащий конфликт, связанный с конфликтом [DLE: URL].

Важно отметить, что одной из магистральных тем при исследовании настоящего вопроса в странах ибероамериканского ареала является определение границ личной свободы и свободы слова. Данной проблематике посвящены, например, латиноамериканские сборники статей «El poder de la palabra: discurso de odio» (2015) и «Repensar los Derechos Humanos» (2018). Острая необходимость в определении границ допустимого и поиске способов решения приводит к широкому обсуждению указанной проблемы и на различных платформах в Интернете. Так, в ноябре 2020 года в Аргентине было проведено трехчасовое онлайн-обсуждение «En busca del equilibrio: Libertad de expresión y discursos de odio» (El 19 de noviembre de 2020 el Centro de Graduados organizó esta actividad junto

a la Asociación de Abogad@s Judi@s de la República Argentina y la Delegación de Asociaciones Israelitas Argentinas)⁸.

В качестве еще одного понятия, используемого в отечественном научном пространстве при изучении конфликтогенного дискурса, можно привести «агрессивный вербальный дискурс (дискурс вербальной агрессии)», маркируемый «агрессивными (эмотивными, аффективными) дискурсивными практиками» [Костяев 2010: URL], под которыми А.П. Костяев понимает специфическую форму использования языка для производства речи, «посредством которой осуществляется изменение концепта (модели) окружающей (в том числе и коммуникативной) действительности, приводящее к дискомфортной трансформации личностных смыслов участников общения» [там же]. Интересно отметить, что Е.Н. Басовская выделяет не только прямые средства выражения языковой агрессии, но и полупрямые, а также косвенные. И если к полупрямым автор относит лексемы, участвующие в передаче иронии, пародии на оппонента, то к косвенным – намеки и даже мнимое самоуничижение [Басовская 2011: 44-54].

Важно подчеркнуть, что *индекс конфликтогенности дискурса*, степень проявленности его конфликтной тональности, оценивается в рамках конкретного национального коммуникативного стиля и зависит от ряда *экстралингвистических* (отношения между коммуникантами, национальная специфика, ситуация общения и т.д.) и *лингвистических факторов* (тип лингвоконфликтогенов, их частотность, плотность и др.).

В условиях письменной интернет-коммуникации ключевая роль в формировании вышеупомянутого индекса конфликтогенности отводится именно языковым средствам исследуемой категории, которая, относясь к *лингвопрагматическим категориям*, по своей природе предназначена «для воздействия на адресата и отражения субъективного отношения коммуникантов к явлениям и событиям» [Карповская 2010: 176]. Опираясь на понимание лингвопрагматической категории, сформулированное Н.С. Милянчук [Милянчук

⁸ https://www.youtube.com/watch?v=ROFmP8C_SUC

2005: 12], логично предложить следующее толкование *категории конфликтогенности*: лингвопрагматическая категория, охватывающая систему разноуровневых языковых средств и реализующая осознанную (целенаправленную) или неосознанную коммуникативно-речевую тактику говорящего, приводящую к конфликту или провоцирующую его развитие.

По мнению В.С. Третьяковой, среди языковых средств, маркирующих конфликтный коммуникативный акт, самыми чувствительными к конфликтному компоненту являются грамматическая и лексико-семантическая системы, «в которых наиболее ярко отражаются национальные особенности восприятия такой действительности, как конфликт» [Третьякова 2003: 145]. В то же время, по утверждению З.В. Режук и О.В. Ширяевой-Ширинг, конфликтогенный потенциал речевого произведения чаще всего проявляется на лексическом уровне [Режук 2023: URL].

Подводя итог вышесказанному, представляется возможным сделать вывод о том, что лингвопрагматическая категория конфликтогенности располагает своим формальным аппаратом, охватывающим как эксплицитные, так и имплицитные средства выражения, которые активно реализуются в конфликтогенных текстах и дискурсе. В то же время столкновение «взглядов, целей, интересов, точек зрения оппонентов» происходит в процессе общения людей [Гилязова 2022: 17], т.е. коммуникация представляет собой одну из детерминант возникновения конфликтной ситуации как на уровне межличностного или межгруппового общения, так и на уровне макроструктур, когда в результате социальных противоречий могут быть задействованы крупные социальные общности. В момент роста индекса конфликтогенной напряженности особая роль отводится языку, а именно выбору тех языковых средств, которые могут привести и к обострению конфликта, и к его урегулированию, и сведению на нет. Трудно не согласиться с И. Чилува в том, что форма выражения той или иной идеи в устной / письменной речи, несомненно, влияет на развитие и эскалацию конфликта [Chiluwa 2021: URL].

Таким образом, потенциальная конфликтность языка признается многими современными исследователями. Яркие примеры актуализации конфликтности текста предлагает Интернет-коммуникация, для которой, согласно Е.П. Белинской, характерны когнитивные искажения, проявляющиеся в бинарной системе оценок и конструировании упрощенного образа врага [Белинская 2018: 92], в нашем случае, «чужого», в роли которого в настоящее время нередко выступают участники миграционных процессов.

1.2. Конфликтный потенциал архетипической оппозиции «свой – чужой»

Миграционные процессы были характерны для человеческого общества во все периоды его развития. Смена места жительства из-за природных катаклизмов, поиск политического убежища, экономические проблемы в стране, голод – это наиболее очевидные и частые причины для поиска лучших условий жизни. Как правило, наибольшую привлекательность в данном контексте представляют страны-соседи с более благополучной экономической и политической обстановкой или географическим положением. Миграция интенсифицирует процесс межкультурной коммуникации, для которой, как было упомянуто ранее, характерно как возникновение этнических стереотипов и предрассудков, так и дискриминационное поведение по отношению к «чужакам», что нередко приводит к конфликтным ситуациям [Давтянц 2023: 83].

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, обострение межкультурных отношений является отличительным признаком современного этапа развития общества, в связи с чем известный термин «диалог культур» следует рассматривать как эвфемизм, «политкорректный вариант КОНФЛИКТА культур» [Тер-Минасова 2008: 15]. В настоящее время для многих представителей принимающей культуры «чужой», как полагают авторы монографии «Чужой и культурная безопасность», – это «мигрант из развивающихся стран, готовый выполнять работу за более низкое вознаграждение», угрожающий благополучию жителей страны и представляющий

собой «угрозу национальной безопасности» [Романова 2013: 5]. Проблема миграции, обострившаяся в свете событий последних лет, приобрела новые специфические черты и стала рассматриваться в современной науке не столько в контексте диалога культур, сколько сквозь призму дихотомии «свой – чужой», где образ «чужого» начал персонифицироваться в облике мигранта.

1.2.1. Дихотомия «свой – чужой» в системе универсальных бинарных оппозиций и архетипов

Истоки изучения различного рода оппозиций, которые до сих пор представляют интерес не только как инструмент исследования, но и как его объект, лежат в античной философии. Единство противоположностей является центральной категорией диалектики, родоначальником которой считается древнегреческий мыслитель Гераклит Эфесский. По мнению философа, непрерывное изменение, порождаемое борьбой противоположных элементов каждого единства (жизнь-смерть, добро-зло, день-ночь, вода-земля и др.), является способом существования бытия [Кессиди 2009: 65-66].

В различных словарях под «оппозицией», как правило, понимается «противопоставление», «противопоставленность». Однако помимо этих значений отмечается и наличие значения «непримиримого противоречия», на что указывают многие исследователи бинарной оппозиции «свой – чужой». В частности, в толковом словаре Испанской королевской академии (далее DLE) «*oposición*» трактуется как расположение напротив друг друга, противоположность или антагонизм двух объектов [DLE: URL].

В работах некоторых авторов можно встретить понятия, которые нередко употребляются синонимично термину «бинарная оппозиция», где слово *бинарный*, означая – ‘двойной, двойственный, состоящий из двух частей’, подчеркивает тот факт, что речь идет о двух противопоставленных элементах одного уровня. Например, Н.В. Писарь, рассматривая понятие «дихотомия» в лингвистике, отмечает, что *дихотомическое деление* представляет собой «распределение

предметов, явлений на пары по наличию / отсутствию какого-либо признака», и приходит в итоге к выводу, что термины «дихотомия» и «бинарная оппозиция» в большинстве случаев «можно рассматривать в качестве синонимов, за исключением тех, в которых члены дихотомии не проявляют между собой конфронтации» [Писарь 2016: 13-15]. В случае же, «когда отрицательно маркированный член дихотомии семантически равен соответствующему члену антонимической пары», термин «дихотомия» соотносится с термином «антонимия» [там же: 16]. Среди других смежных терминов можно упомянуть семиотическую оппозицию, диалектичность, дуализм, диаду, логические антонимы и т. д. Все они обозначают двоичные противопоставления и используются в различных науках, так как принцип организации информации подобным образом, проявляя относительность, «которая определяет (и ограничивает) всю деятельность разума» [Балли 1961: 139], характерен для человеческого мышления.

Французский социолог и философ начала XX века Р. Хертс, рассуждая о роли противопоставлений в мировосприятии человека, подчеркивает, что дуализм лежит в основе примитивного мышления, так как «вся вселенная поделена на две противоположные сферы: вещи, существа, силы, которые притягивают или отталкивают друг друга, влекут за собой или исключают в зависимости от того, к какому из двух полюсов они тяготеют» [Hertz 2013: 339-340]. К. Леви-Строс, однако, указывает на возможность появления в середине диалектического процесса особого члена (медиатора, посредника), функция которого – «служить посредником между обоими крайними членами» [Леви-Строс 1985: 199].

Т.Г. Боргоякова, исследуя особенности психолингвистической репрезентации оппозитивности, называет данное явление *феноменом поляризации когниции*, для которого характерна *контрастивная категоризация* [Боргоякова 2018: 132-139]. Подобной точки зрения придерживается и К.В. Гудкова, считающая, что «противоположные слова отражают свойство человеческого мышления поляризовать опыт, т. е. являются средством категоризации» [Гудкова 2012: 68]. Более того, как указывает М. Шитс-Джонстоун, известный британский

антрополог Р. Нидхэм в работах «Right & Left: Essays on Dual Symbolic Classification (1973)» и «Counterpoints» (1987), рассуждая о естественности (*naturalness*) бинарных оппозиций, пришел к выводу о том, что они представляют собой не отражение действительности (*reflection of physical fact, binariness that one finds in nature*), а самопроизвольное действие мышления (*a spontaneous and necessary act of mind*) и логическую необходимость, что находит свое выражение в языке [Sheets-Johnstone 2000: 174-175].

Следует признать, что на лексико-семантическом уровне всех естественных языков представлено большое количество бинарных оппозиций, которые формируют когнитивную картину мира человека. Часть из них строится на базе физического (чувственного) восприятия мира, а основой для формирования *метафорических бинарных оппозиций* служит социальный опыт этноса. Подобные диалектические аксиологические единства Т.В. Григорьева относит к культурно важным для языкового коллектива знакам, так как они, имея оценочную природу и выполняя прагматическую функцию, способны нести ценностную информацию, значимую для антропоцентрического подхода к языку [Григорьева 2019: 50]. Многие исследователи видят в них *архетипические структуры* восприятия мира, существующие в сознании человека. Они же являются наиболее характерными для массового сознания [Маслова 2014: 152].

Термин *архетип* был введен швейцарским психоаналитиком К.Г. Юнгом для обозначения тех первичных эмоционально окрашенных образов («*primordial images*»), глубинных структур человеческой психики, из которых состоит коллективное бессознательное всего человечества [Jung 1988: 67]. В связи с тем, что архетипы находят свое выражение в продуктах духовной деятельности человека, данная идея получила развитие в работах различных ученых, занимающихся не только психологией, но и другими гуманитарными науками.

По мнению А.А. Борисовой, архетипы – это не что иное, как системообразующие коллективные представления о реальности, так называемые изначальные образы, коллективные представления, которые являются носителями ценностного содержания духовной жизни и сохраняются в менталитете и

мировоззренческих установках народа [Борисова 2009: 127-131]. Современными учеными отмечается высокая устойчивость архетипической модели, которая, однако, может изменяться со временем или же воплощаться в произведениях различных авторов, сохраняя в то же время свою ценностно-смысловую сущность, значение и функции. Исследуя феномен архетипа в лингвистике, Е.В. Иванова указывает на то, что объектом изучения в данном случае «являются не сами архетипы как феномены психологического порядка, а выражающие их элементы языка – концепты, опредмеченные в языковой форме». Это может быть слово (имя концепта), метафора, метонимия, фразеологизм, сравнение. При этом, как подчеркивает автор, именно метафорическое моделирование действительности (теория концептуальной метафоры) является одним из наиболее активно развивающихся направлений когнитивной лингвистики [Иванова 2013: 181-182].

В понимании И.В. Толочина и А.Ю. Смирновой, архетип является врожденным инвариантом, приобретающим содержание в конкретном социально-культурном контексте и проявляющимся в разнообразных культурно-специфических вариантах. Согласно мнению исследователей, решить проблему неопределенности формы архетипа можно путем изучения соотносящегося с ним слова в условиях одного из «типичных контекстов его употребления в окружении соответствующих лексико-семантических маркеров» [Смирнова 2016: 214-215].

Исследование архетипов в лингвистике в определенной мере пересекается с теорией семантических примитивов А. Вежбицкой, которая вслед за польским лингвистом А. Богуславским, развивает идею Г.В. Лейбница о существовании универсальных понятий человеческого мышления (*the alphabet of human thoughts*). В 1972 году А. Вежбицкая предложила 14 элементов первого набора универсальных семантических понятий, которые есть во всех языках. С тех пор данный набор при участии различных ученых расширялся и проверялся и на настоящий момент насчитывает 65 единиц [Wierzbicka 2021: 317]. С точки зрения ученого, наличие подобных семантических примитивов дает возможность говорить о Базовом человеческом языке, который может лечь в основу успешной межкультурной коммуникации [Wierzbicka 2021: 338].

Действительно, среди архетипических антонимических пар, которые прочно закреплены в сознании представителей каждого этноса, можно выделить ряд универсальных противопоставлений, таких как жизнь – смерть, добро – зло, свет – тьма, свой – чужой, и т. п. Все они состоят из двух однородных единиц, максимально противопоставленных друг другу, но при этом формирующих диалектическое единство, так как «каждое из слов такой пары всегда так или иначе вызывает представление о другом» [Балли 1961: 139]. Компоненты таких диалектических единств являются как бы отражением друг друга, но с противоположным знаком. В понимании Р. Херте, существует некий *закон полярности*, который управляет всем. В обществе и во вселенной всегда одна сторона является сакральной, благородной, ценной, а другая мирской, нечестивой и банальной, что находит свое отражение в языке [Hertz 2013: 341–342]. Как отмечает В.П. Руднев, левая часть оппозиции «всегда считается маркированной положительно, правая – отрицательно» [Руднев 1999: 39]. На подобные ассиметричные отношения в бинарных оппозициях указывает и Т.В. Григорьева, ссылаясь на А. Вежбицкую. Негативный член оппозиции, будучи, как отмечалось выше, маркированным, является более сложным и важным с точки зрения его характеристик [Григорьева 2019: 150]. Эти характеристики, доминантные признаки, формируют *семантическое пространство* компонента оппозиции. Изучение оснований и признаков, которые ложатся в основу сравнения тех или иных явлений действительности, в частности «оценочной семантики слов, объективирующих перцептивные отношения» [Григорьева 2019: 4], согласно Т.В. Григорьевой, представляется перспективным для понимания ментального мира человека [там же].

Что касается дихотомии «свой – чужой», то она является одной из базисных в человеческом сознании и обществе. В.Г. Фельде в диссертационном исследовании «Оппозиция «свой – чужой» в культуре» указывает на то, что данное противопоставление является ключевым в понимании культуры и характерно для основных исторических типов мировоззрения. При этом в зависимости от типа мировоззрения автор выделяет следующие формы словесного выражения данной

оппозиции: «мы – они», «людь – нелюдь», «герой – антигерой» (мифологический тип), «свой – враг» (религиозный и тоталитарно-религиозный), «Я – Другой» (философский) [Фельде 2015: 10]. Все эти слова так или иначе характеризуют «отличные друг от друга опыты бытия-в-мире» [Фельде 2015: 6]. Примечательно, что в социологии оппозиция «свой – чужой» тесно связана с изучением понятия *коллективная идентичность*, что определяет обращение исследователей к форме множественного числа оппозиции «свои – чужие». Так, М.Л. Дубоссарская пишет о том, что человек прежде всего почувствовал себя «одним из членов группы “своих” в противопоставление другим группам – “чужим”», и только значительно позже начался процесс формирования «индивидуального самосознания отдельного человека» [Дубоссарская 2008: 167].

Нельзя не отметить, что в настоящие дни наблюдается определенный кризис идентичности, чему во многом способствуют усилившиеся процессы миграции, межнациональные браки, международное усыновление и растущие профессиональные и социальные межкультурные контакты [Samovar 2015: 243].

В трудах испано- и англоязычных исследователей встречаются следующие обозначения для передачи бинарного архетипа «свой – чужой» в рамках настоящей проблематики: *lo propio y lo ajeno, lo nuestro y lo otro, nosotros – ellos, amigo y enemigo; we – they, self – other, friend or foe / enemy / alien / stranger / other / outsider*. Очевидно, что в зависимости акцента, который хочет сделать автор при номинации членов данной оппозиции, предпочтение отдается тем лексическим единицам, которые несут в себе соответствующие коннотации.

Отрицательно маркированным членом оппозиции «свой – чужой», как правило, является «чужой». Согласно DEL, *ajeno* обозначает ‘что-то другого класса или типа, не подходящее, чуждое, странное, не соответствующее, далекое, находящееся на расстоянии’ [DLE: URL], т. е. доминирующими в значении слова *ajeno* являются различия и дистанцирование. В свою очередь, значение слова *alien* в толковом онлайн словаре Merriam-Webster трактуется как ‘человек, не принадлежащий данной группе или месту, иностранец, инопланетянин, нечто

экзотичное, странное, иное по природе, несочетаемое⁹. Кроме того, указанная лексическая единица официально используется для обозначения иммигрантов, еще не получивших гражданство страны пребывания.

Примечательно, что Д. Байден, под влиянием коннотации слов «*alien*» / «*illegal alien*» (чужак / чужак, проникнувший в страну нелегально) отказывается от него в пользу «*undocumented individual*» / «*undocumented noncitizen*» (человек без документов / человек без документов, не имеющий гражданство), так как значение слова «*alien*», в его понимании, всячески способствует дегуманизации не только лиц, не получивших гражданство, но и нынешних граждан Америки¹⁰.

Что же касается таких лексических единиц, как *enemigo* (исп.), *enemy* (англ.), *foe* (англ.), то они связаны с концептом врага и так или иначе указывают на непримиримые противоречия, существующие между людьми.

В работах зарубежных авторов представлены и более частные противопоставления в рамках данной бинарной оппозиции. При исследовании особенностей развития Латинской Америки авторы активно оперируют такими оппозициями, как: *lo español y lo inglés / lo anglo, lo español y lo indígena*, что обусловлено особенностями исторического и культурного развития стран данного географического ареала. К примеру, в статье К. Ломнитца, антрополога, профессора Колумбийского университета (США), “*Please don’t feed the gringos: the Us-Mexico divide*” встречается противопоставление «*lo mexicano y lo anglo*» [Lomnitz 2020: URL]. Использование данных субстантивированных прилагательных призвано подчеркнуть различия между мексиканской культурой и культурой англоговорящих стран, которая является *чужой* и *чуждой* для местного населения [Карповская, Давтянц 2022: 126-127].

Важно упомянуть также о мнении исследователей, которые полагают, что, оппозиция «свой – чужой» является *градуальной* и предполагает наличие других промежуточных членов, которые не так радикальны: *свой – другой – чужой*. Так,

⁹ <https://www.merriam-webster.com/>

¹⁰ <https://edition.cnn.com/2021/03/02/opinions/alien-federal-government-immigration-biden-morales/index.html>

например, слово *otro*, согласно DLE, обозначает ‘нечто отличное, то, что отличается’ (*distinto*) [DLE: URL].

На принципиальное различие между категориями «чужой» и «другой» указывает, например, М.Л. Дубоссарская. В то время как оправданной и единственно возможной реакцией на «чужого», непременно несущего угрозу самим фактом своего существования, являются отторжение и агрессия, «другой» вызывает заинтересованное внимание. «Чужой никогда не воспринимается как в полном смысле слова человеческое существо, это нелюдь, на которого не распространяются нормальные законы человеческого общежития; Другой же – вне всякого сомнения, тоже человек, несмотря на то что он отличается весьма сильно от Своих» [Дубоссарская 2008: 168-171].

М.Ю. Свинкина говорит о том, что сегодня происходит расширение сложного ментального конструкта «чужой» вследствие актуализации в общественном сознании таких понятий, как «Другой» и «Иной» [Свинкина 2016: 94]. Согласно мнению исследователя, «в основе семантической характеристики лингвокультурных категорий «чужесть» – «другость» – «инаковость» лежит один и тот же аксиологический признак с разной степенью его проявления» [там же: 95]. «“Другое” нейтрализует пейоративную окраску “чужого”, а “иное” позволяет познавать мир в парадигме “любопытство – интерес – симпатия – уважительное отношение – принятие”» [там же: 102].

Подобной точки зрения придерживается и Х. Брунер, который считает, что отношения «мы – они» (*«nosotros – ellos»*) можно описать, используя два принципиально разных слова: *отличие* (*la diferencia*) и *инаковость* (*la otredad*). Причем, если *отличие* позволяет определенное сближение и взаимную заинтересованность, то *инаковость* предполагает абсолютное дистанцирование (*una total separación*). Именно *инаковость* превращает чужаков во врагов [Brunner 2011: 85-86].

В свою очередь, А. Исаола и И. Суберо рассматривают четыре понятия, которые используются для обозначения *инаковости* (*la otredad*) в современной зарубежной социологии и антропологии: *el forastero*, *el extranjero*, *el extraño* y *el*

monstruo. Основой для выбора подходящего обозначения служат отношение к объекту и его восприятие, «степень отличия». Так, авторы задаются вопросом, почему есть «Другой, с которым можно вести диалог», «Другой, с которым лучше держаться на расстоянии» и «Другой, с которым возможна лишь война» [Izaola 2015: 105-106]. И если *el forastero* может полностью влиться в общество, то *inmigrante-monstruo* уже несет в себе угрозу традиционным устоям общества, проводя границу между нормой и отклонением от нормы [Izaola 2015: 119]. Таким образом, бинарный архетип превращается в трихотомию и даже в тетрахотомию.

Интерес к выявлению специфики бинарной оппозиции «свой – чужой» обуславливается универсальным характером ее социокультурной матрицы, которая применяется при анализе самых разнообразных явлений, в том числе языковых. В работах современных ученых можно выделить различные подходы к изучению оппозиции «свой – чужой», что связано, в первую очередь, с ее многоаспектностью и универсальностью. Тем не менее, в качестве одной из общих характеристик исследований по данной проблематике выступает идея о культурном столкновении, ведущем к социальной напряженности и конфликтам на национальной почве.

1.2.2. Теоретико-методологические подходы к исследованию семантических бинарных оппозиций в современном языкознании

В отечественном языкознании исследование оппозиций тесно связано с именем выдающегося русского лингвиста Н.С. Трубецкого, который и ввел термин «бинарная оппозиция» (1938 г.). Однако в центре его внимания находилась прежде всего фонология. Важно подчеркнуть, что, по мнению ученого, для существования оппозиции важно наличие как общих (интегральных), так и различительных (дифференциальных) признаков [Трубецкой 2000: 72]. В дальнейшем подход Н.С. Трубецкого лег в основу многих лингвистических изысканий, целью которых было установление системности языка на различных уровнях.

Очевидно, что наибольшую сложность при изучении оппозиций представляет собой лексический уровень в связи с большим количеством единиц, входящих в него, их многозначностью и контекстуальной обусловленностью. Так, А.В. Кулешова, говоря о несомненной перспективности изучения семантических оппозиций, указывает, однако, на то, что для семантической структуры свойственен более расплывчатый характер, чем для фонетических и грамматических оппозиций. При этом к устойчивым семантическим оппозициям исследователь относит, например, *антонимы*, тогда как неустойчивую семантическую оппозицию (не закрепленную в сознании языковой группы) в определенном контексте могут сформировать даже синонимы [Кулешова 2014: 5].

Анализируя различные подходы к определению термина «антонимы», О.Н. Лихачева приходит к выводу, что антонимия – это абсолютная языковая универсалия, а антонимы – «это взаимопротивоположные по значению номинативные единицы языка, которые служат для обозначения взаимопротивоположных односущностных явлений объективной реальности» [Лихачева 2006: 75]. Между антонимами, полагает автор, «существует сильная семантическая связь, которая имеет концептуальную природу – предметно-вещественные обозначения отождествленных контрастов вызывают в сознании наиболее устойчивые ассоциативные связи» [там же].

Изучение подобной концептуальной связи, имеющейся или возникающей в нашем сознании между понятиями и ассоциациями, и ее отражения в языке находятся в фокусе интересов прежде всего когнитивистики и психолингвистики. В то же время подобные члены фундаментальных для нашего сознания бинарных оппозиций исследуются и в работах тех ученых, которые занимаются изысканиями в области различных лингвокультур. Нередко их рассматривают в качестве *концептов*, чтобы подчеркнуть их идеальную природу, которая, тем не менее, в большинстве случаев вербализуется в языке этноса со своими специфичными чертами, отражающими особенности мировосприятия того или иного народа, что, в свою очередь, дает право говорить о *лингвокультурных или культурных концептах*. В понимании В.И. Карасика культурные (лингвокультурные) концепты

представляют собой многомерные, культурно-значимые социопсихические образования в коллективном сознании, опредмеченные в той или иной языковой форме и имеющие «по меньшей мере три стороны – образ, понятие и ценность» [Карасик 2008: 130-131]. В.И. Карасик также подчеркивает тот факт, что культурные концепты соответствуют базовым оппозициям, которые определяют картину мира, но не ограничиваются ими [там же].

Для выявления доминантных и периферийных признаков, входящих в семантическое поле таких культурных концептов / концептосфер, как «свой – чужой», лингвисты используют различные методы анализа языковых единиц, его формирующих, так как «наиболее важные фрагменты духовной культуры принципиально оказываются облаченными в форму слова» [Красавский 2001: 26], тем самым являясь, в понимании Н.А. Красавского и многих других современных авторов, надежным и достоверным материалом для исследования [там же]. В то же время следует учитывать определенную ограниченность лексикографических значений, так как в словари, как правило, не попадают контекстуальные коннотации и ассоциации, отражающие особенности восприятия происходящего отдельно взятым представителем конкретного этноса в конкретный момент.

Многосторонность и многоступенчатость *выводного знания* слова опирается на индивидуальную картину мира, «преломляемую с позиций текущей ситуации и отношения к ней активного субъекта деятельности» [Залевская 2013: 271]. При этом следует отметить, что базовые метафорические бинарные оппозиции обладают высокой степенью каноничности в связи с устойчивой лексико-семантической закрепленностью в языке и памяти носителей того или иного языка, что делает актуальной возможность обращения к семантическому измерению канонических антонимов с целью осуществления типологических исследований, «уточняющих использование антонимов в их дискурсивном окружении в рамках единой методики в разных языках и культурах» [Боргоякова 2018: 132].

Итак, в современном языкознании существует большое количество методологических подходов к изучению и систематизации лексических единиц, в

том числе, входящих в бинарные оппозиции. Данные методы, как правило, используются в той или иной комбинации друг с другом.

Так, при выявлении особенностей функционирования лексических единиц и определении их базовых семантических компонентов используется *метод компонентного анализа*, разработанный Н.С. Трубецким и получивший широкое признание благодаря своей универсальности и эффективности, о чем было упомянуто выше.

Другим методом систематизации слов выступает метод когнитивно-семантического анализа. Его отличие от метода компонентного анализа заключается прежде всего в иных целях и другом фокусе внимания. Для когнитивно-семантического анализа важным этапом исследования является объяснение полученных результатов и их связи с когнитивной картиной мира этноса (концептосферой этноса). Этот этап получил название *когнитивной интерпретации*, и без него, по мнению М.И. Аветисян, исследование останется в рамках лингвистической семантики [Аветисян 2017: 61]. Таким образом, цель когнитивно-семантического анализа в первую очередь состоит в выявлении особенностей вербализации того или иного концепта в языке и их объяснении.

Т.Г. Боргоякова, в свою очередь, говорит о важности *межъязыковых психолингвистических исследований*, которые позволяют выявить универсалии и этнокультурную специфику, заключенную в семантике единиц языкового сознания. В качестве основного метода исследования автор выделяет *ассоциативный эксперимент*, который позволяет выйти за рамки лексикографического значения слова и дает возможность более углубленного изучения его семантической структуры [Боргоякова 2018: 133-135].

Семантические свойства слов позволяют исследовать и *дистрибутивный (дистрибутивно-статистический) метод*, основанный на анализе лексической сочетаемости слов в текстах. Учет реализованных значений помогает определить не только значимость каждого семантического признака данного слова, но и степень сходства значений различных слов, которая вычисляется по формуле коэффициента корреляции. Подобный подход к исследованию семантических

связей между лексическими единицами рассматривает язык как вероятностную систему, в которой реализация лексического значения слова подчиняется определенным закономерностям (осуществляется в определенном контексте) [Супрун 1978].

Одним из популярных методов систематизации значений лексических единиц и одновременно способом представления полученных результатов является построение *семантического поля*. Семантическое поле имеет определённую структуру, в которой выделяются *ядро, центр и периферия*. В состав ядра входит базовое (общее по значению) стилистически нейтральное слово / синонимический ряд, а в периферию входят лексические единицы, удаленные по своему значению от ядра, семантически более сложные, обладающие значительным количеством дифференциальных денотативных и / или коннотативных сем. Граница между ядром и периферией характеризуется размытостью, а слова из одного поля могут входить в ядро или периферию другого.

А.В. Бондарко выделяет *функционально-семантические поля (ФСП)*, которые представляют собой «конкретно-языковые двусторонние единства, план содержания которых включает в себя семантические элементы в интерпретации именно данного языка» [Бондарко 1972: 16]. Важной особенностью ФСП является возможность учета средств разных языковых уровней, используемых в контексте. Структура ФСП близка семантическим полям и также предполагает наличие ядра и периферии.

Используя различные методы исследования и исходя из различных теоретических подходов, лингвисты выявляют и анализируют особенности реализации аксиологических бинарных оппозиций.

Опора на языковые факты при изучении дихотомии «свой – чужой», которая вполне логично находит свое отражение в авто- и гетероэтностереотипах, по мнению Ж.Б. Абильдиновой, исключает субъективность и обеспечивает соответствие объективной реальности. В качестве возможных источников для исследования закрепленных в языке этностереотипов автор выделяет коннотации, проявляющиеся в словообразовании, полисемии, фразеологизмах и коллокациях,

результаты ассоциативного эксперимента и конкретные тексты, содержащие описание стереотипов. Материалом для изучения этностереотипов могут также послужить медийные тексты, тексты художественных произведений, лексикографические источники, фразеология и др. [Абильдинова 2011: 12-13].

В качестве языковых маркеров экспликации этнических стереотипов в русскоязычных анекдотах, согласно Ж.Б. Абильдиновой, выступают разнообразные морфологические средства, среди которых выделяются формы личных и притяжательных местоимений *мы / вы, наш / ваш, у вас / у нас, свой*, прилагательного *чужой и некоторых других*, оценочных прилагательных (настоящий, подлинный); синтаксические средства, в ряду которых на себя обращают внимание сравнительные обороты и словосочетания с атрибутивными отношениями, где определение представлено прилагательным, образованным от этнонима, а в роли определяемого выступает «имя какого-либо свойства представителя определенного этноса»; стилистические средства, которые, например, используются при создании речевого портрета [там же: 27].

К.М. Санчес Морильяс указывает на то, что этностереотипы пренебрежительного характера, которые находят свое отражение во фразеологизмах, могут представлять определенную сложность при изучении иностранного языка, так как если для носителей языка экспрессивность фразеологизма в определенной мере стерта, то для иностранцев он обладает яркой эмоциональной окраской. Другой сложностью представляется неточное воспроизведение фразеологизма с использованием этностереотипа, что может привести к самым различным последствиям и коммуникативной неудаче [Sánchez Morillas 2015: 108-120].

Рассматривая механизмы формирования бинарной категории «Свое / Чужое» и закономерности ее объективации в лингвокультурном пространстве русской фраземики, М.Л. Лаптева выявляет знаки косвенно-производной номинации, языковая семантика которых традиционно связывается с представлениями о «Своем» и «Чужом: с точки зрения происхождения, с точки зрения заложенных во фраземе архетипических смыслов, запрограммированных культурой, и с точки

зрения передаваемых в процессе функционирования речевых смыслов [Лаптева 2013: 14]. Автор приходит к выводу, что в формировании концептосферы «Свое / Чужое» участвует целый комплекс концептов, а именно «Мир», «Человек», «Время», «Язык», «Женщина», «Мужчина», «Род», «Дом», «Друг» и др. Примечательно, что концепты, носящие «имя какой-либо ценности, востребованной русским лингвокультурным сообществом, и противопоставленной ей антиценности во внутрикультурной коммуникации» составляют «концептуальные диады на основе конститутивного признака “Свое / Чужое”», в которых «Свое» представляет собой то, что оценивается положительно и принимается, а «Чужое» – это то, что «не воспринимается, отрицается русской культурой» [там же: 24-25].

Исследования средств выражения оценки в свете данной лингвокультурологической оппозиции привлекают большое внимание современных лингвистов, так как ценностно-смысловая ориентация является основой для ее формирования в когнитивной базе этноса. В частности, Е.В. Гордиенко рассматривает средства актуализации и способы декодирования оценочного значения в рамках оппозиции «свой – чужой» в англоязычных медиатекстах, репрезентирующих ситуацию конфликта. Автор подчеркивает особую аксиологическую значимость данной оппозиции в условиях информационных войн, когда «действия “своих” рассматриваются как “правильные”, “мирные”, “дружеские”, действия же их оппонентов – “чужих” ассоциируются с “неправильными”, “плохими”, “вражескими”». При этом к наиболее частотным средствам выражения оценки относятся лексические языковые средства, а также лексические и синтаксические стилистические приемы [Гордиенко 2022: 8-9].

А.А. Матвеева также подходит к лингвокультурологической категории «свой – чужой» сквозь призму категории оценки. При этом объектом ее изучения является оценочная лексика английского языка. В понимании автора, при реализации категории «свой – чужой» оценка может быть как поверхностной, допускающей наличие отрицательных черт в «своем» и положительных черт в

«чужом»», так и глубинной, восходящей к базовому архетипу. В этом случае «свое» всегда хорошо, а «чужое» плохо. Приоритетной автору представляется именно глубинная оценка, при этом ядро категории формируют лексемы, которые эксплицитно выражают данную модель. Над сравнительной оценкой преобладает абсолютная, а над объективным компонентом незначительно преобладает субъективный. В свою очередь, частная оценка преобладает над общей. Согласно выводам исследователя, оценочные метафоры, характеризующие «чужака», будут более эмоциональными, а характеристика «своих» может служить примером рациональной оценки [Матвеева 2011: 5, 16].

В центре научных интересов Т.В. Алиевой находятся языковые средства выражения концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе. Автор отмечает, что реализация данной оппозиции может происходить как на уровне предложения, так и на уровне сверхфразового единства или всего текста, при этом в актуализации оценочной модели «свое – хорошо, чужое – плохо», которая преобладает в прессе, участвуют языковые средства всех уровней [Алиева 2013: 6]. В ходе диссертационного исследования Т.В. Алиева выделяет широкий комплекс используемых в англоязычном политическом дискурсе языковых средств. На лексическом уровне: оценочная лексика, метафоры, политическая лексика, эвфемизмы, дисфемизмы, разговорная лексика, перифраз; на морфологическом уровне: местоимения (*we, us, our, you and I; they, their, that, those*), аффиксы (*anti-, pro- и pan-*); на синтаксическом уровне: активные заложенные конструкции, пассивные заложенные конструкции, вопросительные предложения, эллиптические предложения, парантетические внесения, эмфатические предложения, параллельные конструкции, вопросно-ответные единства, цитация [там же: 17].

Многочисленные исследования языковых средств, используемых для передачи оппозиции «свой – чужой», проводятся и на материале художественной литературы. Согласно утверждению М. Гарсиа Гонсалес, в детской литературе, направленной на воспитание положительного отношения к людям других

национальностей, происходит всего лишь замещение отрицательных стереотипов на положительные [García González 2012: 6].

Чилийский исследователь А.Х. Майорга Рохель, анализируя образ «чужого», представляемого в качестве «врага» в СМИ во время конфликта между Перу и Чили в 2005 году, указывает на тот факт, что целью использования данного механизма воздействия явилось создание ощущения постоянной угрозы, которая исходит от «чужого». Автор приходит к выводу, что подобным образом в качестве несущих угрозу социально-экономическому и политическому благосостоянию общества описываются и такие социальные группы, как иммигранты, афроамериканцы, индейцы, женщины, студенты, крестьяне и т.д. [Mayorga Rojel 2009: 7]. Подобная стратегия СМИ среди испаноязычных исследователей получила название «*discurso de miedo*» (дискурс страха).

В этой связи заслуживает внимания труд Р. Ф. Родригеса Борхеса «*El discurso del miedo: Inmigración y prensa en la frontera sur de la Unión Europea*» (2010), в котором подчеркивается необходимость критического подхода к современной прессе, которая «вскармливает» общественный страх перед иммигрантами (*contribuyen a alimentar el miedo en la opinión pública*), представляя иммиграцию как природную катастрофу (*oleada* – цунами или *avalancha* – лавина) или как военные действия (*invasión* – вторжение или *desembarco* – десантирование) [Camps 2010: URL]. В прологе к данной книге В. Кампс пишет о том, что мы испытываем ксенофобию по отношению к иммигрантам, так как пресса с помощью использования определенных слов и словосочетания – *ilegalidad* (нелегальность), *sin papeles* (без документов), *naufragios* (кораблекрушения), *desaparecidos* (пропавшие люди), *niños que deben ser atendidos* (дети, которым нужен уход), *desbordamiento* (выпадение за борт) и др. – убеждает нас в исходящей от них опасности. Используемые метафоры – *riadas de inmigrantes* (наплыв иммигрантов), *oleada de irregulares* (неконтролируемая волна), *desembarco masivo* (массовая высадка), *avalancha imparable* (нескончаемая лавина) и др. также создают образ неконтролируемой угрозы [там же].

Как следует из вышеизложенного, в современном языкознании вопрос о языковом выражении аксиологической оппозиции «свой – чужой» и о ее конфликтогенном потенциале является одним из востребованных предметов исследования, так как понимание механизмов взаимодействия языка и культуры может не только помочь лучше понять культурный код того или иного этноса, но и избежать многих ошибок в процессе межкультурной коммуникации, тем самым снизив уровень социальной напряженности и ее конфликтогенности.

Изучение типичных контекстов, в которых используются лексические единицы с целью номинации «чужой», и построение его семантического пространства позволяют определить системные ценности социума и выделить основные связанные с ним конфликтогены, что особенно актуально в контексте современного информационного общества.

Выводы по первой главе

1. Вопросы конфликтного взаимодействия между отдельными личностями и между социально-этническими общностями находятся в центре внимания исследователей различных научных областей. Коммуникативная обусловленность межличностной конфликтной ситуации при интенсивной медиатизации современного общества определяет интерес к выявлению и изучению языковых средств выражения категории конфликтогенности.

2. В то время как *конфликтогенность социума* представляет собой системную характеристику, заключающуюся в росте социальной напряженности (обострении взаимоотношений больших социальных групп), приводящей при определенных условиях к конфликту, понятие *лингвоконфликтогенности* относится к языковым особенностям письменной и устной коммуникации, которые могут вызвать конфликт или привести к его развитию.

3. Сущность *лингвопрагматической категории конфликтогенности* заключается в актуализации негативных субъективных оценок и негативного отношения говорящего к адресату / третьему лицу / группе людей / ситуации в рамках реализации осознанной или неосознанной им коммуникативно-речевой

тактики, приводящей к конфликту или провоцирующей его развитие за счет использования системы разноуровневых языковых средств, входящих в формальный аппарат данной категории.

4. *Конфликтогенный дискурс* характеризуется наличием таких признаков, как: реализация компонентов лингвопрагматической категории конфликтогенности; следование речевым стратегиям и тактикам конфликтного типа; несоблюдение норм вежливого речевого поведения; выражение негативного отношения и негативных субъективных оценок, провоцирующих адресата/тов на ответные вербальные / невербальные действия; искажение и упрощение образа оппонента; апелляция к эмоциям, а не логике; категоричность и др. Конфликтогенный дискурс способен влиять на возникновение и эскалацию конфликта, вызывая негативные эмоции у коммуникантов.

5. Для человеческого мышления характерны двоичные противопоставления, что является примером контрастивной категоризации. На лексико-семантическом уровне всех естественных языков представлено большое количество бинарных оппозиций, многие из которых представляют собой архетипичные структуры восприятия мира. Дихотомия «свой – чужой» относится к базисным в человеческом сознании и обществе и связана с изучением понятия коллективной идентичности.

6. В трудах испаноязычных ученых используются следующие обозначения бинарного архетипа «свой – чужой»: *lo propio y lo ajeno, lo nuestro y lo otro, nosotros – ellos, amigo y enemigo*. При этом в сознании носителей определенной лингвокультуры «чужой» как отрицательно маркированный член оппозиции представляет собой квинтэссенцию отрицательных качеств и тем самым несет угрозу национальной идентичности и духовно-культурным ценностям. Особенности исторического и культурного развития народов Латинской Америки обусловили трансформацию оппозиции «свой – чужой» в *lo español y lo inglés / lo anglo, lo español y lo indígena*. Появление других промежуточных членов, которые не так радикальны, превращает данную оппозицию в градуальную.

7. Среди методологических подходов к систематизации лексических единиц, формирующих семантическое пространство оппозиции «свой – чужой»,

выделяются метод компонентного анализа, метод когнитивно-семантического анализа, построение семантического и функционально-семантического поля, межъязыковые психологические исследования, дистрибутивный метод и др., которые, как правило, применяются в сочетании. Анализ лексических единиц, используемых для номинации «чужого», и рассмотрение типичных контекстов, в которых актуализируются данные единицы, способствует выявлению основных связанных с ним лингвоконфликтогенов и определению ключевых установок и базовых ценностей общества.

Глава 2. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в испанском языке Мексики в свете оппозиции «свой – чужой»

Тенденция к повышению уровня конфликтогенности коммуникации определила интерес отечественных и зарубежных ученых к исследованию языковых средств, которые реализуются в конфликтогенном дискурсе, выражающем негативное отношение к определенной социальной группе. Нередко исходной точкой развития конфликта становится негативное отношение к иностранцам, в том числе мигрантам, персонифицирующим в себе образ «чужого». Выявление и изучение маркеров речевого конфликта в контексте проблематики «свой – чужой» способствует не только определению уровня социальной напряженности, но и раскрытию причин ее возникновения и особенностей проявления в определенной национально-культурной среде.

Как показывают результаты анализа фактологического материала, чем выше когнитивно-прагматический потенциал и плотность задействованных лингвоконфликтогенов, тем выше индекс конфликтогенности дискурса. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности, будучи компонентами формального аппарата данной категории, представляют собой систему языковых средств, использование которых направлено на то, чтобы вызвать конфликт или развить его в процессе коммуникативного акта.

2.1. Когнитивно-прагматический аспект лексических маркеров конфликтогенности

Язык, будучи основным средством коммуникации, без которого невозможно становление и развитие общества, чутко реагирует на происходящие в нем изменения, что находит отражение, в первую очередь, в его лексике: меняются значения слов, сфера их употребления лексическая сочетаемость и т.д.

Одним из центральных понятий, к которому обращаются при работе с лексикой, является *лексическое значение слова*, наличие которого (как минимум

одного) детерминировано номинативной функцией слова. В то время как изучение одних лексических значений, например, зафиксированных в лексикографических источниках, дает нам представление о языковой картине мира нации и ее когнитивных особенностях, изучение других значений слов, в частности – периферийных, которые реализуются только в процессе коммуникативного акта, позволяет лучше понять интенцию адресанта и специфику коммуникации.

2.1.1. Лексическое значение слова и его когнитивно-прагматический потенциал

Структура лексического значения слова отличается сложностью и многогранностью, что объясняет наличие большого числа подходов к систематизации и классификации лексических единиц. Кроме того, при исследовании лексики ученые ориентируются на рассмотрение различных ее аспектов, нередко опираясь при этом на принцип оппозиции: общеупотребительная лексика и лексика ограниченного употребления, активная и пассивная, исконная и заимствованная, межстилевая и стилистически маркированная и т.д. [Пустошило 2011: 59].

Возросший во второй половине XX века интерес к особенностям реализации языка в речи позволил поставить в центр внимания коммуникативную деятельность человека, осуществляемую им в определенных социальных и межличностных условиях в соответствии с поставленными целями и задачами, и применить к изучению языка комплексный многоаспектный подход, способствующий рассмотрению системы и структуры языка неотрывно от анализа функционирования языковых единиц в речи, поскольку «смысл языковой формы в речи представляет собой диалектическое единство ее системно-языкового значения и речевых функций, которые обусловлены собственно коммуникативными факторами» [Карповская 2017: 23].

Подобный подход дал мощный стимул к исследованию *прагматического макрокомпонента значения слова* (Ю.Д. Апресян 1995, В.Н. Телия 1995, М.А.

Лаппо 2016 и др.), актуализация которого определяется интенцией говорящего в конкретном коммуникативном акте. Неслучайно, трактуя вопросы контекстуальной и интенциональной обусловленности значения слова, А. Сервера Родригес использует термины *significado intencional*, *significado de uso*, *significado del hablante* (охватывающие и эксплицитное, и имплицитное), противопоставляя их прямому и конвенциональному значениям [Cervera Rodríguez 2012: 22].

В процессе речевого акта практически любое слово получает определенную прагматическую нагрузку. Однако объем прагматической информации значительно различается. Как указывает Н.В. Голова, «нейтральные слова, обозначающие названия предметов, прагматичны в меньшей степени» [Голова 2020: 122].

В работах современных авторов (Н.А. Мануйловой 2008, Н.В. Карповской 2015, О.М. Афанасьевой 2018 и др.) отмечается, что каждая отдельно взятая языковая единица обладает своим *прагматическим потенциалом*, который, по мнению Н.В. Карповской, может по-разному раскрываться в различной национально-культурной среде, что определяет необходимость обращения к понятию *когнитивно-прагматического потенциала* (КПП), под которым понимается возможность «актуализации в речи наряду с категориальными значениями, присущими языковым единицам как элементам языковой системы и языковой картины мира, тех имплицатур, которые могут проявиться при взаимодействии языка с речевой средой», способствуя «не только формированию того или иного восприятия, осмысления, познания действительности, но и достижению определенного прагматического эффекта» [Карповская 2015: 499]. Данное понятие приобретает особую актуальность при изучении лексических прагматических маркеров, в частности маркеров конфликтогенности, так как для них, как правило, характерна своя национально-культурная специфика.

Многие отечественные и зарубежные исследователи (Л.А. Киселева 1978, М.Н. Эпштейн 1991, К.Х. Уртадо 2001, А. Капоне 2005 и др.) указывают на то, что лексические единицы могут выступать как в качестве *информем*, так и в качестве *прагмем*. В то время как под информемами понимаются единицы разных уровней

языка, которые служат для передачи информативного содержания, прагмемы рассматриваются как *оценочно референтные слова*. Так, в понимании М.Н. Эпштейна, они представляют собой слова, «оценивающие собственную предметность и опредмечивающие собственную оценочность, так сказать, “самозначимые” слова, не просто называющие явление, но и нечто сообщающие о нем» [Эпштейн 1991: 20]. Ученый выделяет прагмемы в особый третий класс слов. Если к первому классу, по его мнению, относятся слова с прямым значением, не содержащим отношение к чему-либо; то ко второму – слова, выражающие оценку или мнение, однако не указывающие на то, к чему именно относится эта оценка. Прагмемы же содержат в себе и прямое, и дополнительное значение, которые словно «склеены» вместе и неотделимы друг от друга. Таким образом, прагмема включает в свое основное, словарное значение те компоненты, которые словами первого и второго класса обретаются лишь окказионально, в контексте общения [Эпштейн 1991: 19-20].

При выявлении специфики прагмем нередко выделяются как *языковые прагмемы* (носители константной прагматической информации), так и *речевые* (носители прагматической информации вследствие актуализации прагматической переменной, т. е. потенциальной прагматической информации) [Карповская 2017: 27].

В свою очередь, А.П. Савина выделяет три группы прагмем: 1) «сильные» прагмемы, словарные дефиниции которых будут обладать оценочными пометами и / или содержать в себе слова с сильной степенью эмоциональности и оценочности; 2) прагмемы, которые не содержат в своих дефинициях слов с ярко выраженной оценочностью (в данном случае решающую роль играет опыт носителя языка); 3) «слабые» прагмемы, близкие к коннотациям, оценочное значение которых ряд исследователей считает переносным, зависящим от контекста [Савина 2014: 34-35].

Многие зарубежные исследователи (А. Капоне 2005, А. Фетзер 2016, Ал.Х. Шароуфи 2013 и др.), следуя за теорией общих ситуационных (прагматических) актов (*generalized situational (pragmatic) acts*) Дж. Мея, придерживаются точки

зрения, согласно которой прагмема представляет собой не отдельное слово, а речевой акт, реализованный в культурном контексте, обуславливающим его интерпретацию: «То, что я подразумеваю под референцией своего высказывания, зависит от того, что мои собеседники могут подразумевать под возможными референтами данного высказывания – и фактически от того, что “представляет” мне и моим собеседникам совокупность социальных факторов» [Meu 2010: 2882].

В настоящем исследовании за основу принимается положение, характерное для отечественной науки, согласно которому прагмема рассматривается как единица оценочной лексики, чей оценочный компонент может обладать различной степенью интенсивности и может приобретаться и реализовываться непосредственно в речи (речевая прагмема).

Изучение прагматических значений слова тесно связано с изучением его *коннотативного* макрокомпонента, под которым большинство исследователей (О.С. Ахманова 1969, И.А. Стернин, М.С. Саломатина 2011 и др.) понимают некое дополнительное значение слова, которое накладывается на основное и служит для выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к денотату слова, а также для придания высказыванию определенной стилистической окраски.

По мнению Т.В. Матвеевой, к коннотации следует подходить как к субъективно-модальному компоненту лексического значения слова, противопоставленному объективно-номинарующей части значения – денотации. При этом основания для появления добавочных смыслов могут быть самыми различными. Например, как указывает автор, некоторые ученые выделяют культурный, образный и функционально-стилевой компоненты коннотации [Матвеева 2012: 92].

С. Гутьеррес Ордонес, между тем, в труде «*Introducción a la semántica funcional*» обращает внимание на то, что коннотации могут быть как языковыми (*connotaciones de “nivel de lengua”*), так и индивидуальными, субъективными (*connotaciones subjetivas*), важную роль в появлении которых играют коммуникативная ситуация и контекст. Противопоставляя язык и речь, испанский ученый делает акцент не на словарном значении слова, а на особенностях его

употребления. В то же время отмечается, что актуализации коннотаций в нашем сознании способствуют два типа механизмов: ассоциации – психологический и дедукция – логический [Gutiérrez Ordóñez 1996: 81-82]. В словаре «Diccionario de lingüística moderna» помимо вышеупомянутых коннотаций приводятся и культурно специфичные (*connotaciones culturales*). Например, прилагательное *ambitious* в английском языке имеет, как правило, положительную коннотацию, тогда как *ambicioso* в испанском языке чаще передает негативную оценку [Linares Martínez 2004: 155].

В.И. Шаховский, автор лингвистической теории эмоций, понимает под коннотацией все дополнительные к значению оценки, полагая, что «эмоциональные коннотации являются частью этих оценок» [Шаховский 2016: 20]. Ученый отмечает, что эмотивный компонент присутствует в семантике многих слов. Таким образом, характеризуясь одинаковым логико-предметным значением, два слова могут отличаться по наличию / отсутствию в их значении эмотивного компонента [там же: 34-35].

Понятие эмотивности, однако, не следует понимать как синонимичное понятию эмоциональности, ведь, если под эмоциональностью, как правило, понимается психологическая характеристика коммуниканта, то эмотивность – это «лингвистическая категория, выражающая способность единиц языка отражать субъективно-индивидуальные переживания человеком определенных эмоций» [Сажина 2019: 565].

В отечественной традиции лексические единицы, которые обладают семантической характеристикой эмотивности, получили название *эмотивов*, при этом среди ученых нет единого мнения относительно состава и классификации эмотивной лексики. Так, в классификации, предложенной В.И. Шаховским, выделяются: 1) слова, у которых эмотивное значение является дескриптивным и единственным (такие слова еще называются «аффективы», к ним относятся, например, инвективы и бранные слова); 2) слова с эмоциональной коннотацией («коннотативы»); 3) нейтральные лексические единицы, которые могут приобретать эмотивность в контексте («потенциативы») [Шаховский 2008: 75-77].

Автор отмечает, что номинативы эмоций, как правило, не относятся к собственно эмотивной лексике, так как не выражают эмоцию, а лишь называют ее [Шаховский 2016: 34]. Однако с точки зрения С.Е. Токмаковой, наибольшим потенциалом к приобретению адгерентной (контекстуальной) эмотивности обладают именно номинативы эмоций, так как в них содержатся эмотивные микрокомпоненты [Токмакова 2015: 21]. Результаты настоящего исследования позволяют утверждать, что номинативы эмоций (*asco*, *odio* и др.), используемые мексиканцами для того, чтобы передать свои чувства по отношению к «чужому», содержат ярко выраженные эмоциональные коннотации, которые раскрываются при описании причин, вызвавших данные переживания.

В современном языкознании изучение лексического значения слова и его коннотаций находится в фокусе внимания не только семасиологии, но и других дисциплин, например, таких, как лингвоконфликтология и юрислингвистика, для которых значение слова и специфика его употребления приобретают особую важность. Так, использование той или иной лексической единицы в определенном контексте может сыграть решающую роль при установлении речевого деликта или же стать сигналом угрозы террористического акта. В свою очередь, К.А. Линдквист отмечает, что исследование специфики функционирования языковых средств с эмотивным компонентом в кросскультурном контексте могло бы способствовать повышению эффективности межкультурной коммуникации и дипломатии [Lindquist 2021: 91].

Интересно отметить, что многие исследователи обращают внимание на особую функцию коннотативного значения лексических единиц при их реализации в СМИ – «направлять» мысль реципиента в нужное русло без прямого открытого воздействия. О.С. Иссерс полагает, что в данном случае имеет место особый когнитивный механизм воздействия, при котором говорящий заставляет адресата «как бы самостоятельно, без давления извне проделать интеллектуальную работу», в результате которой последний придет к нужному адресанту выводу. Имплицитная информация, считает О.С. Иссерс, обладает определенными

преимуществами: «она не осознается адресатом и, следовательно, не подвергается критической оценке» [Иссерс 2009: 64].

На данную роль коннотаций в прессе указывает и С.Э. Родригес Гарсия, отмечая, что для понимания коннотативного значения требуется приложение определенных умственных усилий, в связи с чем оказываемое на читателя воздействие является замаскированным и скрытым. Именно поэтому коннотация, по мнению автора, представляет собой лучшее средство для убеждения [Rodríguez García 2008: 10].

К. Трави отмечает связь коннотативного элемента значения лексической единицы и переносного смысла (*sentido figurado*), понимая под ними дополнительные значения слова, отличающиеся от значений, зафиксированных в словаре. Эти коннотативные значения транслируются имплицитно, неявно. Довольно часто их интерпретация зависит от контекста и довольно субъективна. В качестве примера исследователь приводит высказывание: *Marcela es una tortuga*, в котором имеется в виду медлительность женщины, а не то, что она является черепахой [Travi 2024: URL].

Со своей стороны, М.И. Фомина делит лексические значения на прямые и переносные (вторичные) согласно степени их соотношения с реальной действительностью. В то время как прямое значение используется для прямой номинации явления действительности, переносное значение придает высказыванию дополнительный смысл и обуславливается намерением говорящего выразить свое отношение к нему. Важно отметить, что в разные исторические периоды развития лексической системы языка соотношение прямых и вторичных значений может не совпадать [Фомина 2003: 36-37]. На данную социально-культурную обусловленность производного значения слова указывает и испанский исследователь А. Сервера Родригес, используя термины *вторичное значение* (*significado secundario*) и *ассоциативное значение* (*significado asociativo*) при противопоставлении приобретенных словом дополнительных смыслов их прямому лексическому значению (*significado primario*) [Cervera Rodríguez 2012: 18].

Таким образом, не вызывает удивления тот факт, что коннотативное значение слова нередко понимается как составной микрокомпонент прагматического значения [Лаппо 2016: 187].

В трудах испаноязычных исследователей связь между языком и эмоциями, не получила должного освещения, что с сожалением отмечает Л.А. Эрнандес Мартинес. Автор объясняет это тем фактом, что эмоциональное в европейской традиции ставится в подчинение к рациональному, рациональная речь считается нормой, а эмоциональная воспринимается как отклонение от нормы [Hernández Martínez 2002: 87].

Подводя итог вышесказанному, следует признать, что лексика всегда привлекала внимание лингвистов. Особая роль слова в информационном обществе и антропоцентрическая парадигма современной науки определили интерес ученых к выявлению особенностей актуализации когнитивно-прагматического потенциала лексических единиц, а также к рассмотрению различных аспектов их реализации в процессе коммуникации.

2.1.2. Понятие лексического прагматического маркера конфликтности

В свете современной антропоцентрической парадигмы большое внимание уделяется изучению тех языковых средств, которые, обладая высоким прагматическим потенциалом, могут использоваться в процессе коммуникации в качестве инструмента для достижения определенных целей. Так, в центре интересов многих лингвистов находится стилистически окрашенная лексика, которая способна оказывать особое воздействие на адресата. Согласно результатам настоящего исследования, к подобным лексическим единицами следует отнести и большинство *прагматических маркеров конфликтности*, используемых авторами статей, постов и комментариев для выражения ими негативного отношения к явлениям, событиям и персоналиям, а также эскалации межличностного или социального конфликтов.

Следует отметить, что содержание понятия лексический прагматический маркер, как и сам термин, нельзя признать устоявшимся в лингвистической науке. П. Фурко, занимающийся изучением дискурсивных маркеров, полагает, что термин *прагматический маркер (pragmatic marker)* используется как обобщающий для широкого ряда лингвистических единиц: как для тех, которые, как правило, не меняют пропозициональное значение самого высказывания, но при этом важны для организации и структурирования дискурса (*discourse markers, connectives, connectors, etc.*), так и для тех, чьей основной функцией является маркирование отношения автора (*pragmatic particles, pragmatic expressions, pragmatic force modifiers, illocutionary force indicating devices, etc.*) [Furko 2017: 2].

В то же время Ю.А. Горностаева указывает на то, что значительное число подходов к изучению *вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов* определило появление таких терминов, как *дискурсивные маркеры, соединители или коннекторы, межличностные маркеры* или *прагматические частицы, прагматические выражения, просодические маркеры, лингвистические маркеры, лингвистические индикаторы* и др. [Горностаева 2018: 91].

Немало сторонников среди зарубежных (Д. Шифрин 1987, Л. Кардона 2014, Х. Портолес 2016 и др.) и отечественных исследователей (О.Б. Сиротинина 2008, Е.Ю. Викторова 2015 и др.) имеет рассмотрение лексических маркеров как коннекторов. В испанской научной литературе в этой связи, как правило, используются термины *marcadores del discurso, partículas discursivas, operadores discursivos, conectores pragmáticos* [Portolés 2016]. Основное предназначение подобных вспомогательных коммуникативных единиц, по мнению Е.Ю. Викторовой, состоит в помощи коммуникантам в оформлении речи на всех стадиях дискурсивного процесса путем передачи информации коммуникативно-прагматического характера [Викторова 2015].

Б. Фрейзер предлагает свою классификацию прагматических маркеров, в которой дискурсивные маркеры (коннекторы) являются лишь одним из подклассов. Именно на эту классификацию многие авторы опираются как на основную при проведении исследований в данной области. В понимании автора,

прагматические маркеры – это широкий класс единиц, которые следует отделять от пропозиционального содержания высказывания. Они выступают лингвистически закодированными подсказками, сигнализирующими о потенциальных коммуникативных намерениях говорящего [Fraser 1996: 169].

В рамках другого подхода к пониманию маркеров формулируется тезис о том, что лексические прагматические маркеры (далее ЛПМ) влияют на пропозициональное значение самого высказывания, так как передают не только отношение адресанта, но и фактуальную информацию первого плана. При этом общая для всех типов вербальных маркеров функция, как отмечает Ю.А. Горностаева, – «появляться в тех же контекстах, что и некое искомое исследователями явление» [Горностаева 2018: 94].

С точки зрения Е.А. Горло, ЛПМ относятся к лексическим единицам-носителям прагматического значения, при помощи которых отправитель передает различные параметры своего субъективного отношения к предметам изображаемой им действительности.

В настоящем исследовании ЛПМ рассматриваются в качестве прагмем, которые в силу своего высокого прагматического потенциала призваны «маркировать фокус высказывания», отражающий «отношение адресанта к явлениям, событиям, объектам действительности, адресату и т.д., и способствовать достижению определенного прагматического эффекта» [Давтянц 2022: 67].

В свою очередь, *лексические прагматические маркеры конфликтности* (далее – ЛПМК), будучи одним из средств выражения данной категории, в нашем понимании, представляют собой прагмемы с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией и высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, реализация которого способствует возникновению и развитию конфликтных ситуаций. Подобные лексические единицы обладают культурной спецификой и характеризуются регулярностью употребления при обсуждении отдельных социально значимых тем. Выступая в роли речевых сигналов враждебности, они

вместе с тем служат признаками социальной напряженности в обществе, фиксируя возможную сферу конфронтации¹¹.

Тот факт, что ЛПМК не только маркируют речевой конфликт, но и влияют на его развитие, сближает данное понятие с рядом других, которые были предложены современными лингвистами в связи с потребностью и возросшим интересом к диагностике конфликтогенного текста. Обратимся к некоторым из них.

Отечественный исследователь А.П. Костяев среди средств проявления конфликтогенности упоминает *дискурсивные маркеры вербальной агрессии*. К указанным единицам автор относит как речевые акты прямых и косвенных угроз, так и импульсивные инвективные действия в виде оскорбления, передразнивания и др. Ведущая роль при этом отводится лексико-семантическим маркерам, среди которых выделяются инвективная лексика и неинвективная лексика. Если первая группа имеет прагматическую направленность на оскорбление или унижение адресата или третьего лица, то ко второй группе исследователь относит лексику, которая содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент [Костяев 2010: URL].

В свою очередь, Л.А. Махина пишет о *речевых сигналах враждебности*, «которые потенциально или реально вызывают в качестве перлокутивного эффекта появление конфликта и/или враждебности» [Махина 2017: 11]. Данные речевые сигналы исследователь считает неотъемлемой частью конфликтогенных текстов и указывает на то, что их враждебная установка проявляется при выборе автором определенных тем, при формулировании крайне негативной или исключительно позитивной авторской оценки, а также через призывы к осуществлению негативных действий в отношении определенных групп лиц и/или их представителей. В зависимости от реакции на этот «инициальный авторский посыл-конфликтоген» конфликт приобретает «точечную» (не развивается) или «эскалированную» форму [там же: 11-12]. Л.А. Махина отмечает, что нередко конфликтогенные тексты (такие, как песни, плакаты, статьи-комментарии и др.)

---

¹¹ См. Глава 3.

являются монологическими по форме, «однако могут приобретать условно диалогический характер за счет наличия в них риторического противопоставления групп “свой – чужой”, усиливающего создаваемый в подобных текстах “образ врага”» [там же: 28]. В данном ключе в подобных типах текстов выстраиваются особые отношения между говорящим, его адресатом и третьими лицами [там же: 13].

О.П. Семенец использует термин лингвистические конфликтогены и относит к ним языковые средства, создающие конфликтную ситуацию и переводящие ее «в стадию вербализованного противостояния», таким образом «конфликт провоцируется употреблением языкового средства и имеет два варианта развития: он либо обращается в речевой инцидент, который может быть исчерпан, либо переходит на личностный уровень» [Семенец 2021: 17-19]. Важно отметить, что, согласно автору, не всегда речевые поступки, содержащие элементы вербальной агрессии, являются конфликтогенами, так как, при наличии уже имеющейся психологической подоплеки (конфликт складывается в доречевой стадии), они могут быть лишь *экспликаторами конфликта*, которые делают ранее скрытый внутренний конфликт явным. О.П. Семенец отмечает и наличие *лингвистических интенсификаторов конфликта* – «единиц, маркирующих конфликт и своими коннотациями, а также наведенными семами, способствующих его переходу к стадиям эскалации или кульминации» [там же: 17-20]. Сниженную и бранную лексику, которую традиционно относят к лингвоконфликтогенам, исследователь относит именно к интенсификаторам, так как они, в ее понимании, не порождают конфликт, а являются «маркером или лингвистическим средством эскалации конфликта» [там же: 20]. Собственно лингвистические конфликтогены О.П. Семенец распределяет по трем группам: *системные* (определяются системными характеристиками языковой единицы, например, многозначностью слова), *узуальные* (связанные с экстралингвистическими причинами, например, неуместное употребление единиц социальных и/или территориальных диалектов может привести к коммуникативной неудаче) и *контекстуальные* (объясняются ролью фактора адресата и фактора ситуации, различными социокультурными

факторами, которые влияют на возникновение дополнительных сем и коннотаций) [там же 20-25]. Узуальные и контекстуальные лингвоконфликтогены, с нашей точки зрения, могут пересекаться, так как в обоих случаях велика роль социокультурных факторов.

Л.В. Моисеенко и М.А. Викулина, признавая решающую роль вербальных признаков в определении конфликтного дискурса, указывают тем не менее и на наличие паравербальных маркеров (тон, скорость речи), которые в комплексе с вербальными сигнализируют о развертывании некоего конфликтного сценария [Моисеенко 2024: 74].

В работах зарубежных исследователей отмечается более практический и прикладной подход к рассмотрению данной проблематики. Так, в понимании М. Вильямса, вовремя замеченные на платформах социальных сетей признаки роста напряжения в обществе (*tension indicators*) могут помочь предвидеть и предотвратить конфликт, ведущий к общественным беспорядкам [Williams 2013: 461-465]. О возможности обнаружения и оценки степени речевой агрессии в сети пишет и группа словацких исследователей. В качестве индикаторов, которые могут использоваться для автоматизированного поиска, ученые рассматривают негативные стереотипы, неоднозначные хэштеги, прозвища, насмешки, прямые оскорбления, вульгаризмы и другие высказывания, содержащие нападки на расовые, культурные и другие меньшинства, ведущие к разжиганию нетерпимости к представителям «чужой» группы [Parsunova 2021: URL].

В то же время, ученые из Стокгольма, занимающиеся выявлением лингвистических маркеров радикальной жестокости в социальных сетях, цель своего изыскания видят в определении языковых средств, которые могли бы помочь отслеживать и выявлять возможных террористов-одиночек в сети Интернет, так как традиционные методы полиции в данном случае не эффективны. Стоит отметить, что среди рассматриваемых исследователями маркеров есть и группа *маркеров идентификации*, которая предполагает использование лексических единиц, способствующих позитивной репрезентации группы «своих» и негативной – «чужих» [Cohen 2014].

К корпусу *маркеров речевого конфликта*, являющихся носителями конфликтных смыслов на лексическом уровне, отечественные ученые чаще всего относят многозначные слова и омонимы, обценную, инвективную и негативно-оценочную лексику, слова-агнонимы и т.д. [Третьякова 2003: 147]. О.В. Крамкова добавляет в этот список сленгизмы, жаргонизмы, арготизмы, так как употребление подобного класса слов ведет к снижению стиля и, как следствие, «к снижению образа говорящего, а в целом, к понижению своей самооценки и умалению самооценки собеседника» [Крамкова 2011: 332]. Исследователь также подчеркивает, что в качестве конфликтогенов можно рассматривать слова, связанные с неприятными, нежелательными или неэтичными ассоциациями, способствующими созданию напряженной ситуации и взаимонеприятию коммуникантов [там же].

Исследуя данную проблематику на материале англоязычных печатных СМИ, И.В. Глухова среди лексических способов выражения конфликтогенности выделяет негативизмы, метафору, иронию и языковую демагогию [Глухова 2017: 68], негативизмы, по оценке Ю.В. Яковлевой, способны напрямую воздействовать на адресата, на его мысли и чувства, т.к. им свойственна однозначная эксплицитная отрицательная оценочность (отрицательная коннотация) [Яковлева 2017: 77].

Трудно не согласиться с П.А. Маракулиной в том, что «лексическими маркерами речевого конфликта могут стать любые периферийные средства лексической системы языка: пассивная, ненормативная, коннотативно окрашенная лексика, лексика во вторичной функции» [Маракулина 2016: URL]. К ним относятся автором и бранные слова (грубопросторечные, непечатные, инвективные), негативно оценочная и стилистически сниженная лексика, зоосравнения, междометия и релятивы с негативными коннотациями, номинация коммуникантов по примете и т.д. [там же].

Примечательно, что выявленные в результате данного исследования в мексиканских СМИ и социальных медиа ЛПМК, не отличаясь большим разнообразием, включают в себя негативизмы, представляющие собой слова с отрицательными коннотациями или передающие негативную оценку, в том числе

различные виды инвектив (обсценную, сниженную и литературную лексику оскорбительного характера). ЛПМК нередко функционируют в составе стилистических средств, используемых с целью интенсификации негативной оценки «чужого» (ирония и сарказм, метафоры, окказионализмы, гиперболы и литота). Кроме того, нейтральная лексика может приобретать негативную окраску и выступать в роли контекстуальных ЛПМК.

Итак, *лексические прагматические маркеры конфликтности*, охватывая наряду с языковыми и речевые прагмемы, представляют собой одну из констант конфликтного дискурса и способствуют не только созданию и развитию конфликтной ситуации, но и помогают передать негативное отношение адресанта к собеседнику, ситуации, предмету речи и т.д. Важной чертой ЛПМК является их культурная специфика, повторяемость и рост плотности при обсуждении проблемных тем. Исследование подобных лексических единиц в СМИ и пользовательском контенте представляет несомненный интерес для понимания социальных процессов и путей урегулирования потенциально конфликтных ситуаций в процессе межкультурной коммуникации.

2.2. Лексические прагматические маркеры конфликтности как средства языковой объективации бинарности «свой – чужой» в условиях межкультурной коммуникации

Относясь к универсальным категориям, характерным для человеческого мышления, бинарная оппозиция «свой – чужой» находит свою языковую объективацию в каждой лингвокультуре и активно реализуется в условиях межкультурной коммуникации. Образ «чужого» в результате бесчисленного количества коммуникативных актов приобретает конкретные характеристики, ведущие к его «упрощению» и последующей стереотипизации, что становится одним из конфликтных факторов межкультурного взаимодействия.

К одним из наиболее распространенных в человеческом обществе относятся социальные конфликты на почве национальной или этнической принадлежности. О взаимосвязи между неоднородностью населения и ростом напряженности в государстве писал еще Аристотель в своем труде «Политика». Греческий философ был одним из первых мыслителей, указавших на то, что «разноплеменность населения, пока она не сгладится, также служит источником неурядиц ... Поэтому в большей части случаев те, кто принял к себе чужих при основании государства или позднее, испытали внутренние распри» [цит. по Шульц 2014: 119].

Истоки данного явления искали и продолжают искать представители различных научных областей, таких как философия, социология, психология, межкультурная коммуникация и др. При этом авторами, как правило, отмечается тот факт, что на обострение отношений между приезжим и местным населением могут повлиять не только объективные (ухудшение криминальной обстановки, болезни, занятые рабочие места и т.д.), но и субъективные психологические факторы. Как отмечает в этой связи Н.Ф. Герман, «чем больше различий между культурами, тем вероятнее возможность непонимания и даже конфликта» [Герман 2012: 45].

2.2.1. Конфликтогенные факторы межкультурной коммуникации

Среди разнообразных конфликтогенных факторов, которые оказывают влияние на межкультурную коммуникацию, чаще всего выделяют отличия в мировосприятии, несовпадение культурных ценностей, этноцентризм, языковой барьер, предрассудки и др., ведущие к непониманию, конфликтам и нередко дискриминации. Особенно ярко указанные факторы проявляют себя в процессе миграции.

Первое, с чем сталкиваются иммигранты, – это понимание того, что знание языка и наличие работы не гарантирует им ни полной социальной интеграции, ни принятия их в качестве новых членов сообщества. Дело в том, что для эффективной межкультурной коммуникации наряду с языком необходимо понимание

ментальности и культурных особенностей других этнических групп. Данная точка зрения находит отражение в теориях многих исследователей, например, в гипотезе *лингвистической относительности*, согласно которой родной язык оказывает большое влияние на мировосприятие отдельного этноса и характерные для него когнитивные процессы [Blasi 2022: 1153]. Соответственно слова, имеющие схожие значения в разных языках, могут обладать абсолютно различными коннотациями, влияющими на перлокутивный эффект высказывания. Именно эти знания, в понимании В.И. Шаховского, являются наиболее сложной частью языковых знаний, лежащих в основе *межкультурной компетенции* [Шаховский 2016: 72], под которой чаще всего понимается умение действовать гибко и адекватно в ситуации, в которой сталкиваешься с действиями и ожиданиями людей, принадлежащих к другим культурным группам [Salvador 2008: 39]. В качестве частного случая идеоэтнических расхождений в коннотациях, основанных на различных ассоциациях и представлениях у различных этносов, В.И. Шаховский приводит зоолексику. Так, например, зоометафора «слон» в русском языке имеет неодобрительную коннотацию, а у народов Индии – прямо противоположную, т. е. одобрительную коннотацию, связанную с грацией и изяществом движения [Шаховский 2016: 73]. Следовательно, назвав человека «слоном», в разных странах можно в результате получить диаметрально противоположную реакцию.

Еще одним примером может послужить зоометафора «сорока». Так, если в китайском языке, как пишет китайский исследователь Ван Ёинганг, он имеет положительную коннотацию, считается, что сорока приносит благие вести, то в английском языке большинство выражений с этим словом имеют уничижительное значение: *to magpie together*, *a magpie collection* и др. [Wang Yinggang 2015: 60].

В употреблении зоометафор в испанском и русском языках лингвисты также отмечают как сходство, так и различие в плане сопутствующих им коннотаций и проявления национально-культурной специфики. Так, испанская зоометафора «*ravo*» (индюк) характеризует человека как наивного и безразличного, а в русском языке – как напыщенного, имеющего глупый вид [Белова 2019: URL].

По мнению Л.А. Самовара, Р.Е. Портера и Эд.Р. Макдиниэля, на появление подобных коннотаций непосредственное влияние оказывает *мировосприятие* (*мировоззрение*) этноса, которое, включая в себя ценности, верования, отношение к окружающему миру, сценарии поведения и т.д., относится к важнейшим факторам межкультурной коммуникации [Samovar 2012: 14].

Человеку свойственно истолковывать поведение «чужого», опираясь на свою систему координат, в то же время последняя может значительно различаться в отдельных культурах, в связи с чем интерпретация действий представителя иной культуры не всегда оказывается верной, что, в свою очередь, нередко приводит к коммуникативному сбою.

Э. Холл, которого считают одним из основоположников межкультурной коммуникации как науки, разработал свою классификацию культур в соответствии с их отношением ко времени, пространству и контексту. Примечательно, что в данной классификации Мексика по всем параметрам оказывается в группе, противоположной США, на основании чего можно предположить существование значительных различий между двумя культурами и сделать вывод о том, с какими трудностями могут столкнуться граничащие друг с другом государства при взаимодействии [Hall 1959].

Еще одним конфликтогенным фактором межкультурной коммуникации признается иная *система ценностей*, которая, будучи отражением норм и правил, установленных культурой, способствует сокращению неопределенности и уменьшению вероятности конфликта, а также помогает в принятии решения и обеспечивает структурную основу для социальной организации и взаимодействия [Samovar 2012:14]. Вместе с тем, она представляет собой ориентир и движущую силу, влияющие на поведение человека. Развивая идеи Ш.Х. Шварца и Г. Хофстеде, латиноамериканские исследователи Д. Пáес и Е. Субьета определяют три типа потребностей, лежащих в основе системы ценностей: правила организации социальной жизни, потребности человека как живого существа и необходимость выживания и процветания групп [Páez 2001: 286-287]. При этом современные авторы выделяют разное количество ценностей, играющих

решающую роль в становлении общества. В рамках настоящей работы особый интерес вызывает влияние, которое оказывают национальные культурные ценности на объем и содержание понятия «чужой», иными словами, на те существенные признаки, которые оно включает в себя.

Среди важных факторов, выступающих в качестве барьера для эффективной межкультурной коммуникации, выделяется *этноцентризм*, который, в понимании С. Никерсон, выражается в том, что человек рассматривает свое общество или культуру в качестве эталона при оценивании остальных обществ и культур [Nickerson 2023: URL]. Как правило, этноцентризм приводит к возникновению этнических стереотипов, предрассудков и дискриминации, так как предполагает рассмотрение обычаев своей группы как универсальных, что выступает в качестве препятствия к осознанию иной культуры как равнозначной и равноценной. Интересно, что подобное отношение характерно не только для представителей принимающей культуры, но нередко и для иммигрантов, которые отвергают интеграцию и продолжают соблюдать и распространять ценности, обычаи и культуры своих родных сообществ, тем самым бросая вызов ценностям, принятым в местной культуре, что, в свою очередь, способствует возникновению эффекта моральной паники и возникновению страха перед угрозой, что старательно поддерживается средствами массовой информации.

На этноцентрическую особенность человеческого мировосприятия указывают и мексиканские исследователи (С.П. Сальвадор, М.Р. Гарсия, В.Р. Алдая 2008 и др.), полагающие, что людям свойственно считать только свой образ жизни лучшим и правильным, лишь свою культуру ценной, тем самым обесценивая и отказывая в равноправии иной точке зрения, усложняя принятие чужого жизненного уклада и образа мышления [Salvador 2008: 20]. В современной науке выделяются различные виды этноцентризма: расовый, религиозный, лингвистический и др.

Исходя из целей данного исследования, представляется необходимым обратиться к понятию *American Exceptionalism* (Исключительность Америки), которое используется для обозначения превосходства США над другими нациями

и предполагает, что образ жизни американцев следует считать единственно верным [Nickerson 2023: URL]. С. Никерсон указывает на то, что подобный подход может привести к напряженным отношениям и конфликтам с другими нациями. Кроме того, вера в исключительность Америки, по мнению ученого, приводит к тому, что в сознании американцев представлены довольно «примитивные» (*less nuanced*) стереотипы о других нациях [там же]. В свою очередь З. Мофрад и С.Р. Амели обращают внимание на следующие выделяемые различными авторами характеристики понятия *American Exceptionalism*: самобытность, уникальность, имеет особый путь развития и не может оцениваться по общим критериям (двойные стандарты), пример для подражания, особая миссия по распространению своей системы ценностей. Исследователи отмечают, что в академической среде есть как последователи, так и оппоненты данной идеи, находящей свое отражение в мировом процессе глобализации, который часто называют *американизацией* [Ameli 2022: 245, 247].

В качестве понятия, противоположного этноцентризму, используется *ксеноцентризм*, который характеризуется признанием превосходства чужих культур над своей и предпочтением чужого стиля жизни¹². Следует отметить, что для жителей Мексики по большей части характерен именно ксеноцентризм¹³, что обусловлено близостью такого мощного соседа, как США, и историческими особенностями колониального развития. Многие мексиканцы, как и граждане других стран Латинской Америки, приезжают в США, чаще всего нелегально, в погоне за «американской мечтой», что значительно осложняет ситуацию на границе, представляющей собой, по мнению известного мексиканского ученого, писателя, журналиста и сценариста К. Фуэнтеса, единственную видимую границу между мирами: развитым и развивающимся [Fuentes 2013: 161]. Жители Мексики хотят видеть свою страну частью современного технологического мира, однако

---

¹² Англо-русский социологический словарь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://gufo.me/dict/enru_social/xenocentrism

¹³ Вопрос о том, какое влияние на становление национальной идентичности и формирование национального коммуникативного стиля, а также на появление социального феномена *roschos* оказало стремление мексиканцев подражать чужой культуре, рассматривается в следующих параграфах данной работы.

препятствием на пути достижения подобной цели, как отмечает К. Фуэнтес, встают неграмотность и бедность, ведущая к голоду [там же: 167].

Нередко этноцентризм приводит к появлению *этностереотипов*, которые играют большую роль в процессе межкультурной коммуникации. Опираясь на них, многие выстраивают свои отношения с представителями иной культуры.

Появление теории стереотипов связывают с именем американского социолога, психолога и журналиста У. Липпмана. Согласно его позиции, стереотипы, всегда связанные с групповыми чувствами и действиями, лежат в основе манипуляции общественным сознанием. «Самые тонкие и самые распространенные механизмы воздействия – это те, что создают и поддерживают репертуар стереотипов» [Липпман 2004: 104]. У. Липпман подчеркивает тот факт, что стереотипы не просто влияют на наше восприятие действительности, но и конструируют ее [там же: 96].

В настоящее время существует такое большое количество подходов к пониманию стереотипов, что возникает вопрос о том, всегда ли авторы имеют в виду одно и то же явление [Condor 1990: 230]. Так, согласно С. Кондор, стереотип – «это все то, что мы ожидаем или не ожидаем от группы людей» [там же]. В свою очередь, В.В. Красных предлагает рассматривать стереотип как собирательный образ, в котором «происходит редуцирование качеств и свойств предмета до значимого минимума (значимого прежде всего в когнитивном и дифференциальном планах)» [Красных 2002: 39].

Разновидностью стереотипов являются упомянутые выше *этностереотипы*. Ж.Б. Абильдинова называет этностереотип «эталоном, в соответствии с которым человек мотивирует собственное поведение и ожидает определенного типа поведения от реальных этнических прообразов» [Абильдинова 2011: 3]. Как правило, выделяются *авто- и гетеростереотипы*, являющиеся представлением общественности о своей и о чужой нации соответственно. При этом важно упомянуть о том, что из-за стремления человеческого мышления к упрощению окружающей действительности происходит не только генерализация и абсолютизация некоторых характерных для данного этноса черт, но и

приписывание как «своему», так и «чужим» этносам несуществующих черт [Ильющкин 2015: URL].

Этностереотипы, как правило, отражаются в языке и речи, на что указывают многие ученые. Так, Л.Б. Савенкова подчеркивает, что происходит этот процесс нередко через «фразеологию, паремнику, клишированные тексты фольклорного характера (примером могут служить анекдоты). Причем переменную составляющую этнических стереотипов можно отчетливо увидеть в публицистических и художественных текстах» [Savenkova 2014: 257]. В то же время, как полагает автор, этностереотип «корректируется своеобразием культурно-исторической ситуации» [Savenkova 2014: 257].

В.В. Ильющкин, трактуя вопросы, связанные с когнитивным компонентом национальных и этнических стереотипов, утверждает, что именно этот компонент, вместе с эмоционально-аффективным и поведенческим компонентами, отвечает за норму восприятия объекта [Ильющкин 2015: URL].

Довольно часто в этнических стереотипах на когнитивном уровне проявляется собирательный образ «чужого». Появление подобных стереотипов, как и деление мира на *своих и чужих* во многом связано с *когнитивным процессом категоризации*, который в понимании отечественных и зарубежных авторов (Г. Тэшвела 1971, Е.С. Кубряковой 1999, Л.П. Халяпиной 2006, Ф. Шарифиан 2011, Н.Ю. Шнякиной 2015 и др.) представляет собой важнейшую способность классифицировать явления, судить «об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив различиях» [Кубрякова 1999: 97], что помогает человеку упорядочивать и систематизировать знания о мире, упрощая действительность для приспособления к ней.

Многие ученые-когнитивисты отмечают языковой характер категоризации, указывая на то, что изучение языка нации позволяет понять языковую картину мира отдельного этноса. Так, Л.П. Халяпина признает язык и результатом, и инструментом этноспецифической культурной деятельности каждого народа, который по-своему «представляет действительность, что влияет на особенности ее восприятия и концептуализации» [Халяпина 2006: 68]. В.В. Корнева выделяет

лексические единицы языка в качестве первичного средства объективации фрагментов языковой картины мира [Корнева 2008: 12]. А Н.Ю. Шнякина отмечает особую роль когнитивно-семантического анализа языка, опирающегося на смысловое наполнение лексемы и позволяющего выявить ее ключевые значения. Такие значения исследователь называет категориальными узлами [Шнякина 2015: URL].

В современных исследованиях активно используется подход, при котором укрупненные ментальные единицы называются *концептами*, что способствует сближению понятий категоризации и концептуализации. Более того, Т.В. Борисенко указывает, что в современной лингвистической теории используется понятие «категориальный концепт», под которым, как правило, понимается «ключевой» концепт, который организует вокруг себя другие концепты, «формируя при этом концептуальные категории» [Борисенко 2022: 132].

В понимании Ф. Шарифиана, *концептуализация* – общий термин, который используется для обозначения таких когнитивных процессов, как схематизация и категоризация. Ученый утверждает, что большое количество концептов/представлений передаются людьми в рамках одной культурной группы, что позволяет им иметь схожие представления о мире и образе мышления [Sharifian 2011: 3-5]. Собственно, речь идет о когнитивной базе этноса (когнитивном пространстве на национальном уровне, национальном культурном пространстве), под которой в настоящей работе, вслед за В.В. Красных понимается «информационно-эмоциональное (“этническое”) поле как совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств, как все многообразие реально существующих и потенциально возможных знаний и представлений носителей национального ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 23].

Понятие когнитивной базы этноса тесно связано с языковой и концептуальной картинами мира. «Во взаимодействии средств языкового выражения», как отмечает Н.Г. Мед, «оказываются представленными и сам объективный мир, и суждение о нем, его ценностные характеристики и

субъективное отношение к нему со стороны членов данного социума» [Мед 2008: 3].

Будучи неотъемлемой частью человеческого мировосприятия и национальной картины мира, этностереотипы оказывают большое влияние на процесс межкультурной коммуникации и на его результат. Именно они во многом служат основой для формирования предубеждений и проявления дискриминации по отношению к другим этническим группам. Образ «чужого», представляя собой одну из культурных универсалий, тесно связан с этностереотипами и нередко вызывает страх, так как на когнитивном уровне воспринимается несущим угрозу обществу.

Этнические стереотипы, особенности языковой структуры, различия в мировосприятии, культурные ценности, этноцентризм, предубеждения и др. часто приводят к конфликтной коммуникации между представителями местного населения и мигрантами. Формированию отношения к «чужим» активно способствует и информация, предоставляемая СМИ, которые в целях усиления воздействия на аудиторию нередко используют ассоциативно-вербальные связи, составляющие содержание концепта «чужой». Важную функцию в процессе создания образа «чужого» в массмедиа выполняют средства выражения категории конфликтности, о которых пойдет речь далее, и использование инструментария конфликтного дискурса. Необходимо признать, что обращение к образу «чужого» приобретает особое значение в контексте проблематики международной миграции.

2.2.2 Специфика лексических прагматических маркеров конфликтности и стратегий конфликтного типа взаимодействия в контексте мексиканского коммуникативного стиля

Культурное столкновение (постоянное или единичное) может вызывать у участников межкультурной коммуникации самые различные эмоции: от простого удивления или восхищения до отторжения, а реакция общества на «чужого» может

выражаться в различных формах от гостеприимства и толерантности до экстремизма.

Намерения и цель коммуникантов определяют выбор стратегий и тактик речевого поведения и влияют на выбор используемых адресантом языковых единиц. О.С. Иссерс, соотнося стратегии и тактики со сверхзадачей и коммуникативными ходами, которым следуют участники диалога, отмечает, что, в то время как сверхзадача (коммуникативное намерение), как правило, остается прежней, тактики могут отличаться и корректироваться в процессе коммуникативного акта, так как речевое поведение вариативно и находится в зависимости от действий партнера [Иссерс 2009: 177-178]. В частности, при инвектогенной ситуации, когда в качестве сверхзадачи рассматривается высказывание негативной оценки кого- или чего-либо, способы ее вербализации могут отличаться. «При стремлении оскорбить, задеть достоинство адресата на исходную информацию накладываются усилители – негативная экспрессия, эмоциональность, яркая стилистическая окраска, увеличивающие силу воздействия. При противоположной установке... эти усилители нейтрализуются» [Кузьмина 2006: 324]. Таким образом, отбор языковых средств носит неслучайный характер и направлен на достижение коммуникативной цели. Комплекс подобных речевых действий, согласно О.С. Иссерс, представляет собой *речевую стратегию* [Иссерс 2009: 180].

Одной из деструктивных конфронтационных стратегий, в ходе реализации которой находят свое активное применение ЛПМК, является *стратегия дискредитации*, направленная на порождение сомнений в положительных качествах кого-либо путем оскорбления, издевки, насмешки, нанесения обиды, обвинения. Среди коммуникативных ходов, характерных для реализации данной стратегии, отмечается прямое оскорбление, косвенное оскорбление, развенчание притязаний, навешивание ярлыков [Иссерс 1999: 285]. Важно отметить, что для реализации данной стратегии присутствие оскорбляемого лица не является необходимым условием, прагматический эффект усиливается через воздействие на адресата-наблюдателя. Тактика оскорбления, характерная для стратегии

дискредитации, часто сопровождается тактикой положительной самопрезентации, что соответствует «идеологическому квадрату» Т.А. ван Дейка [Dijk 2003: 44].

Рассматривая вопросы, связанные с деструктивными речевыми приемами, к которым собеседники прибегают в конфликтных ситуациях для оказания влияния на эмоциональное и психологическое состояние адресата и, как следствие, на его поведение, М.Ю. Федосюк выделяет такие свойственные данным приемам черты, как высокая степень обобщения при неодобрительной характеристике поступков адресата (чтобы поступок выглядел не единичным, а регулярно повторяющимся действием); использование стилистически окрашенных языковых средств, в том числе отрицательно оценочных существительных; утверждение о несамостоятельности поступков или суждений адресата; утверждение о низменных мотивах действий собеседника; отказ от продолжения разговора; использование приказной формы; осознанное нарушение норм речевого этикета [Федосюк 1993].

И.В. Певнева, в свою очередь, при составлении классификации основных коммуникативных стратегий исходит из вектора направленности на партнера по коммуникации: на собеседника, против него или на его игнорирование. В итоге выделяются три базовые коммуникативные стратегии: стратегия кооперации, конфронтационная стратегия и стратегия дистанцирования. В рамках настоящей работы наибольший интерес представляет *стратегия конфронтации*, предполагающая использование *тактик манипулирования* (упрек, угроза, возмущение, отказ, прерывание, давление, требование, апелляция к власти) и *тактик речевой агрессии* (оскорбление, возмущение, ирония, упрек, критика, издевка/колкость, провокация) [Певнева 2008: 12]. Среди наиболее «сильных» лексических маркеров конфронтационной стратегии в русском языке исследователь отмечает употребление оскорбительной лексики или инвектив, целью использования которых является стимулирование негативных эмоций у речевого партнера. Различные виды тропов (метафора, гипербола, метонимия), модальные глаголы, повелительное наклонение, усилительные частицы, междометия, дифференциальное использование местоимений «ты» – «Вы» также относятся автором к арсеналу языковых средств стратегии конфронтации. В

современном американском варианте английского языка маркерами конфронтационной стратегии коммуникации, по мнению И.В. Певневой, могут выступать слова с широкой семантикой («stuff») и инверсия. При этом отмечается, что в конфликтных ситуациях американские респонденты чаще обращаются к коммуникативной стратегии кооперации и реже придерживаются агрессивной линии коммуникативного поведения, чем русскоговорящие респонденты, что объясняется важностью сохранения «лица» речевого партнера для американской лингвокультуры [там же: 14-17].

Значимость лингвокультур, формирующих *национальный коммуникативный стиль*, под которым в данном исследовании вслед за А.А. Ивановой понимается «исторически сложившаяся совокупность национально-коммуникативных средств, представлений и норм, детерминируемых культурой и существующих в коммуникативном сознании носителей языка» [Иванова 2012: 4], признается многими современными исследователями, изучающими вопросы выбора стратегий и тактик в процессе коммуникации. Несмотря на важность индивидуально-личностных особенностей коммуникантов, национальные модели речевого поведения, представленные в когнитивной базе лингвокультурной общности, оказывают решающее влияние и на определение индекса конфликтности текста, так как предопределяют восприятие и оценку языковых единиц в контексте и тем самым обуславливают прагматический эффект его использования в высказывании.

Среди особенностей культурно-маркированных коммуникативных стилей Л.В. Куликова помимо паралингвистических и просодических средств (громкость, интонация, паузы), выделяемых отечественными и зарубежными исследователями, фиксирует следующие: многословность / лаконичность, интенсивность / расслабленность речи, фактическая / аналитическая направленность высказывания, пессимистическая / оптимистическая тональность, эмоциональный / деловой подход, открытый прямой / вежливо косвенный стиль, этикетно-формальный / свободный неформальный, с обязательным зрительным контактом / с избеганием зрительного контакта и др. [Куликова 2006: 165].

О.С. Чеснокова отмечает тот факт, что выбор тем для обсуждения, их предпочтение или уклонение от них, также во многом определяется коммуникативным стилем, который регламентирует речевой этикет общения [Чеснокова 2012: 178]. Например, существуют табуированные темы, обсуждение которых в данном социуме считается неуместным. В силу своей природы табу относятся к факторам, осложняющим межкультурную коммуникацию, так как о них открыто не говорят, и иностранцу бывает очень трудно их определить. Примечательно, что понимание норм вежливого поведения также имеет чрезвычайную важность для повседневной коммуникации, так как их нарушение может привести к возникновению и развитию конфликта.

В то же время представители лингвистического направления Университета Мурсии (Испания) У.Д. Шо-Лотген и Дж.М. Эрнандес-Кампой среди составляющих коммуникативного стиля помимо типичных речевых формул, допустимых тем и просодических моделей отдельно выделяют и особенности выражения вербальной агрессии [Scheu-Lottgen, Hernández-Campoy 1998: 379]. На наличие речеповеденческих стереотипов представления о конфликте указывает и М.Ю. Никитин [Никитин 2023: 10].

Трактуя вопросы специфики коммуникативного стиля и конфликтного типа взаимодействия, характерных для мексиканской лингвокультурной модели, представляется целесообразным обратить внимание на те отрицательные качества, которые чаще всего лежат в основе негативной оценки, выражаемой мексиканцами. Согласно О.С. Чесноковой, среди лексических единиц, наиболее активно реализуемых в составе обращений, назывных предложений, именной части составного именного сказуемого, выделяются следующие: «глупость, невежество (отсюда – инвективы со смыслом “идиот”, “придурок”: *pinche*, *pendejo*, *relado*), назойливость, навязчивость, вмешательство в чужую личную жизнь (им соответствуют инвективные квалификации *metiche*, *metelón*), грубость, наглость, незнание своего места (*igualado*), неискренность и лицемерие (*mañoso*), праздность (*gandaya*), неопрятность внешнего облика (*mugroso*)» [Чеснокова 2012: 186]. К ядру мексиканских инвектив автор относит табуированный в литературном языке глагол

chingar, который во время коммуникации помимо своего основного значения – «производить насильственный половой акт», может приобретать ряд переносных значений, таких как «мешать», «надоедать». «Грубейшие же оскорбления содержат недостойные и табуированные общественной моралью намеки в адрес матери» [Чеснокова 2012: 187]. В то же время исследователем отмечается словесная вежливость и учтивость мексиканцев, их склонность к иносказательности и косвенным речевым актам [Чеснокова 2012: 178-180].

В свою очередь, И.В. Гусева, вслед за мексиканским лингвистом Д. Рубио, в работе, посвященной особенностям мексиканской языковой личности, указывает на то, что склонность мексиканцев к экспрессии ограничена традиционным консерватизмом мексиканского общества, в результате чего сферы применения прямых инвектив в устной речи сужены, а в письменной речи полностью исключено использование обценной лексики. Вместо подобной табуированной лексики с целью смягчения выражений используются эвфемизмы. Вместо прямого отказа и четких оценок используется витиеватая речь [Гусева 2013: 16-17]. Ф. Варона, М. Перес и П. Ватерико-Мехиа также говорят о том, что быть вежливым для мексиканца может быть важнее, чем говорить правду [Varona 2007: 191], а И.Р. Абкадырова отмечает, что важную роль в мексиканском коммуникативном стиле играет такой критерий, как «сохранение лица» [Абкадырова 2017: 54].

Еще одной важной чертой мексиканского коммуникативного стиля, на которую указывают многие исследователи, является дистанцирование от власти и чиновничества, преклонение перед более развитыми культурами, что во многом объясняется колониальным прошлым страны. Например, по мнению Ф. Варона, при общении с «вышестоящими», к которым они относят граждан США, мексиканцы, как правило, проявляют большую склонность к неконфликтному коммуникативному поведению и стремлению избежать конфликт, чем, например, финны [Varona 2007: 189]. Примечательно, что результаты настоящего исследования также позволяют утверждать, что при описании *gringos*, которые позиционируются как чужаки, используются ЛПМК с меньшей степенью выраженности негативного признака и их плотность ниже, чем при описании

pochos, своих, перенявших чужой образ жизни. Однако и *gringos*, несмотря на то, что воплощают в себе образ человека, силу имеющего, становятся предметами насмешек и осуждения, что в определенной мере объясняется укоренившейся в менталитете мексиканцев необходимостью выполнять требования человека более высокого статуса, породившей «негативно-ироничное отношение к начальнику», при этом подчиненный воспринимается как жертва [Гусева 2013: 18].

Рассматривая вопросы, связанные с мексиканским коммуникативным стилем, нельзя не отметить, что его национальную самобытность во многом определили более чем двухвековой период колониальной зависимости и то огромное европейское влияние, которое в течение долгого времени испытывала Мексика вопреки провозглашению независимости в начале XIX века. По мнению мексиканского философа С. Рамоса, воздействие чужой европейской культуры и стремление подражать ей (*el mimetismo*) привели мексиканцев к духовному побегу с собственной земли (*una fuga espiritual de su propia tierra*), раздвоенности их этнического сознания и желанию скрыть недостаток самобытности, что способствовало появлению в их национальном характере таких черт, как чувство этнической неполноценности (*sentimiento de inferioridad étnica*) и самоуничижение (*la autodenigración*) [Ramos 1951: 20-22].

О двойственности национальной идентичности мексиканцев и о ее «неподлинности» писал и О. Пас, полагая, что участь мексиканцев – одиночество, а все европейское в их поведении и характере не более, чем маска, под которой скрывается истинная индейская сущность. Для того чтобы пройти «лабиринт одиночества» и избавиться от тревоги и непостоянства, мексиканцу нужно сбросить маску и встретиться со своим прошлым, потому как именно в неоднозначном отношении к своему прошлому, лежат истоки его замкнутости, боязни открыться внешнему миру и комплекс неполноценности, утверждает О. Пас. Современные мексиканцы, в понимании автора, испытывают чувство стыда, которое порождается их нежеланием отождествлять себя ни с индейцами, ни с испанцами, другими словами, ни с Малинче (быть детьми униженной матери – *hijos de la chingada* [Paz 1998: 31]), ни с Кортесом (отцом-насилемником). Причину

«родовой травмы» нации мексиканский поэт и писатель видит в Конкисте, представляющей собой не что иное, как физическое и духовное насилие над индейцами и их миром [там же].

Идеи О. Паса о гибридной первооснове мексиканской нации нашли отражение в работах многих исследователей и прежде всего в произведениях и трудах К. Фуэнтеса, понимавшего национальную культуру как сплав разнородных начал и обратившегося к исследованию истоков мексиканской истории. Примечательно, что в понимании обоих авторов, настоящей основой мексиканской культуры является единство индейского и европейского начал, их равноправие и неразрывность. В то же время у К. Фуэнтеса проблема идентичности мексиканской нации объясняется не только насилием и самоуничижением, но и предательством, которое имело место в период завоевания Мексики и которое ассоциируется в сознании мексиканцев с личностью Малинче, матерью первого метиса, первого мексиканца, появившегося на свет от смешения индейской и испанской крови, ср.: «... pero su pueblo la lamó La Malinche, la mujer del conquistador, la traidora a los indios» [Fuentes 2013: 49].

Чувство неполноценности (*el sentimiento de inferioridad*) и ощущение одиночества (*el sentimiento de soledad*) в какой-то мере определили ту сдержанность (*la reserva*), которую проявляют мексиканцы в общении [Paz 1998: 5], утверждает О. Пас. В начале второй главы эссе «El laberinto de la soledad» («Máscaras mexicanas») автор акцентирует внимание читателей на тех чертах, которые характерны для речи мексиканца: на колкости, презрительности, ироничности и вместе с тем – вежливости, учтивости и покорности. Всё служит ему для того, чтобы защитить себя (*todo le sirve para defenderse*): и молчание, и слово [Paz 1998: 10].

Мексиканец так стремится сохранить не только свое, но и чужое личное пространство, что «даже не осмеливается поднять глаза на соседа», «все может его ранить – слово или тень слова. Его речь полна умолчаний, риторических фигур и намеков, многоточий... Даже во время спора он прибегает к эвфемизмам... Одним словом, между собой и действительностью он возводит стену бесстрастности и

отдаленности...» [Глагощук 2018: 132]. Любое проявление благосклонности или враждебности (*la benevolencia o la hostilidad*), в понимании мексиканца, таит в себе опасность, поскольку оставляет брешь в его «я», в его мужской цельности и мужественности. Если для других народов идеал мужественности заключается в открытой, агрессивной готовности к бою, то для мексиканцев важное значение имеет оборонительный характер и готовность к отражению атаки, а также проявление выдержки и терпения, смирение и покорность [Paz 1998: 10-11].

Анализ частотности реализации лексических прагматических маркеров конфликтности и их плотности в тексте (концентрации в рамках одного высказывания / абзаца / текста), определение уровня когнитивно-прагматического потенциала используемых ЛПМК, а также степени проявленности в их значении негативной оценки / коннотации / признака способствуют выявлению индекса конфликтности высказывания.

Развивая тезис о влиянии на плотность ЛПМК и на общий индекс конфликтности текста национальной коммуникативной модели, обратимся к мексиканским и американским СМИ, освещающим общую для этих стран проблему миграционного кризиса¹⁴. Важно подчеркнуть, что нормы американской лингвокультуры значительно отличаются от мексиканской. Как отмечает Р.Д. Льюис, американский английский, для которого характерна склонность к преувеличениям и сенсациям, всегда прямой, жесткий и грубый (*irrevocably tough*) [Lewis 2006: 184]. При ведении бизнеса американцы следуют конфронтационной стратегии и часто ведут себя агрессивно [там же: 69], а их стремление к неформальному общению может быть расценено представителями других культур как фамильярность [Гудина 2010: 199].

Рассмотрение публикаций ведущих американских СМИ (CNN, The Fox News, The New York Times, The New York Post, Los Angeles Times) позволяет утверждать, что индекс конфликтности англоязычной американской (особенно прореспубликанской) прессы, освещающей миграционный кризис, необычайно

¹⁴ См. Давтянц И.И. Лексические прагматические маркеры конфликтности в свете проявления национального коммуникативного стиля (на материале СМИ Мексики и США) // Филология: научные исследования. 2024. № 5. С. 22-33.

высок: на одну статью объемом 800-1200 слов приходится от 5 до 50 ЛПМК, при этом в 80% публикаций (в 160 из 200) было выявлено наличие более 10 ЛПМК в каждой. Лидером в плане использования ЛПМК с ярко выраженной негативной оценкой при описании мигрантов является медиаресурс «The Fox News», в котором нелегальные мигранты позиционируются как террористы и преступники, несущие угрозу национальной безопасности. В газете даже присутствует раздел, который называется «*Migrant Crime*». Стоит заметить, что американские СМИ очень политизированы и поэтому неоднородны в плане использования ЛПМК. Так, например, тон публикаций в газете «CNN» более сдержанный. Большое внимание уделяется проблемам, с которыми сталкиваются иммигранты, что в некоторой степени сближает данное издание с мексиканскими СМИ. Тем не менее, в целом конфликтогенные темы американских массмедиа, характеризующиеся высокой плотностью ЛПМК в контексте оппозиции «свой – чужой», отличаются от тех, которые освещаются в мексиканских СМИ¹⁵. Более того, индекс конфликтогенности публикаций в мексиканских и испаноязычных американских СМИ значительно ниже: плотность ЛПМК составляет от 0 до 35 на одну статью, более 10 ЛПМК встречаются лишь в 15% рассмотренных статей. Помимо меньшей плотности маркеров при характеристике «чужих» (американцев) отмечается обращение к ЛПМК с более низким уровнем выраженности негативного признака и отрицательной оценки, что объясняется высокой степенью учтивости мексиканского коммуникативного стиля, ср.:

	Мексиканские СМИ (испанский язык)	Американские СМИ (английский язык)
ЛПМК-определения	Con poder adquisitivo mayor, (manera) unilateral	Criminal (migrants), illegal (aliens), extremely alarming
ЛПМК-существительные	Racismo, intervención, discriminación, precios (increíbles), violador sistemático de los derechos humanos	Risk of terrorism, (serious) threat to public safety, drugs, violence, murders, rapists, kidnapping, human trafficking, (noncitizen) offenders

¹⁵ Подробнее см. Глава 3.

ЛПМК-действия	Inundar, ingresar (armas), contradecir (las promesas)	To crush (the city), to ruin (the city), to rush a (border), to take advantage of the American people
---------------	--	---

Следует добавить, что в мексиканском медиадискурсе, в отличие от американского, ЛПМК нередко актуализируют свой конфликтогенный потенциал имплицитно. Так, например, вместо ЛПМК, передающих прямую негативную оценку действий США в отношении мигрантов, используются ЛПМК, описывающие последствия этих действий, ср.:

– *...los solicitantes de asilo estaban expuestos a graves peligros mientras esperaban en México...*¹⁶

– *...más de 72 mil personas regresadas a México... [el Protocolo 'Quédate en México'] las colocó como carne de cañón de secuestros, extorsiones, abusos de autoridad, violaciones de derechos, condiciones precarias de vida, y la muerte...*¹⁷

Таким образом, для мексиканцев, не склонных вести коммуникацию, ведущую к конфликту, роль маркеров конфликтогенного дискурса, наряду с языковыми прагмемами, нередко выполняют слова и выражения, передающие имплицитную отрицательную оценку (намек, завуалированную критику), и даже незначительные нарушения норм речевого этикета. При этом следует признать, что современная онлайн-коммуникация в силу ее анонимности и демократизации общения стала оказывать значительное влияние на уровень конфликтогенности мексиканского национального коммуникативного стиля, что нашло свое отражение в социальных медиа.

Выводы по второй главе

1. Структура лексического значения слова представляет собой комплексный феномен и предполагает наличие различных подходов к изучению лексических единиц, их систематизации и классификации. Рассмотрение системы и структуры языка в тесной связи с анализом функционирования языковых единиц в речи дал

¹⁶ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/09/04/politica/juez-federal-falla-a-favor-de-los-solicitantes-de-asilo-en-eu/>

¹⁷ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/08/13/sociedad/mexico-complice-de-violacion-a-dh-de-migrantes-acusan-organizaciones/>

мощный стимул к исследованию прагматического макрокомпонента значения слова, актуализация которого определяется интенцией говорящего в конкретном коммуникативном акте.

2. Изучение прагматических значений слова тесно связано с изучением его *коннотативного* макрокомпонента, представляющего собой дополнительное значение слова, которое передает эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова, а также придает высказыванию определенную стилистическую окраску, позволяющую передавать имплицитную информацию и воздействовать на формирование мнения реципиента.

3. В лексической системе языка можно выделить *информемы*, передающие информативное содержание, *языковые прагмемы*, носители константной прагматической информации, и *речевые прагмемы*, чей *когнитивно-прагматический потенциал* реализуется в определенном контексте, позволяя оказывать влияние на восприятие информации представителями той или иной культурной общности и достигать тем самым необходимого прагматического эффекта. Когнитивно-прагматический потенциал лексической единицы включает в себя как ее категориальные значения, так и те импликатуры, которые могут актуализироваться в речи на основе имеющихся в когнитивной базе этноса ассоциативных связей.

4. Существуют различные подходы к осмыслению понятия лексический прагматический маркер. В данном исследовании ЛПМ рассматриваются как прагмемы, обладающие высоким прагматическим потенциалом, призванные маркировать фокус высказывания, указывающий на отношение адресанта к явлениям, событиям, объектам действительности, адресату, и т.д., и способствующие достижению определенного прагматического эффекта воздействия.

5. Среди ЛПМ выделяются ЛПМК, которые не только выступают в роли речевых сигналов враждебности, но и служат признаками социальной напряженности в определенном культурном сообществе. Характерной чертой подобных ЛПМК является их регулярная повторяемость в конфликтогенном

дискурсе той или иной группы людей (этноса), позволяющая выявить наиболее острые социальные проблемы конкретного социума. ЛПМК этноспецифичны и в полной мере реализуют свой когнитивно-прагматический потенциал лишь в определенном культурном сообществе.

6. Среди конфликтогенных факторов межкультурной коммуникации выделяются различия в мировосприятии, несовпадение аксиологических систем, этноцентризм, языковой барьер, предрассудки и т.д., ведущие к появлению этностереотипов, непониманию, конфликтам и нередко дискриминации по отношению к иностранцам, и прежде всего к мигрантам. Для Мексики в значительной степени характерен *ксеноцентризм*, который оказал влияние как на формирование национальной идентичности, так и на особенности мексиканского коммуникативного стиля, проявляющиеся в той сдержанности, которая характерна для мексиканцев при общении.

7. Национальный коммуникативный стиль оказывает большое влияние на специфику конфликтного типа взаимодействия в социуме, на тип допустимых к использованию лингвоконфликтогенов и их плотность. В мексиканской лингвокультуре под влиянием ряда экстралингвистических факторов (колониальное прошлое, социальное неравенство, экономически более развитый сосед и др.) сложилась тенденция к внешнему соблюдению высокой степени учтивости, в связи с чем индекс конфликтогенной напряженности текстов мексиканских СМИ при языковой объективации образа «чужого» довольно низок (в частности, по сравнению с англоязычными американскими онлайн изданиями).

Глава 3. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в мексиканском информационном поле миграции

Общественная реакция на миграцию во многом определяется той позицией, которую занимают средства массовой информации по отношению к иностранцам, и непосредственно к мигрантам. Массмедиа поддерживают и формируют существующие стереотипы образа «чужого» и, как правило, обвиняют приезжих во всех проблемах социума. Тот факт, что общество с готовностью принимает такую позицию, во многом объясняется архетипичностью оппозиции «свой – чужой», которая выступает в качестве одной из ключевых в человеческом сознании и согласно которой инаковость несет угрозу ценностям и благополучию общества. Не случайно В. Браун отмечает, что образ иностранца превращается в «многоголового дракона» (*un dragón de muchas cabezas*), «причину самых разных национальных проблем, от потери национальной этнической идентичности до употребления наркотиков, преступности и снижения заработной платы» [Brown 2012: 132].

В 1978 году британский социолог С. Холл, занимаясь изучением актуальных социальных и культурных процессов, связанных в том числе и с развитием массовых коммуникаций, опубликовал совместно со своими коллегами книгу под названием «Как управлять кризисом» («Policing the crisis»). В данной работе учеными рассматривался вклад СМИ в создание нового образа общественного врага – человека с черной кожей, черного грабителя, который стал собирательным символом всего того, что пошло не так в Великобритании [цит. по Barker 1994: 99].

В качестве одного из методов воздействия на аудиторию авторами «Policing the crisis» выделялось обращение газет к выражениям, направленным на убеждение читателей в том, что массмедиа, будучи ретрансляторами общественного мнения, озвучивают ту позицию, которая характерна для большинства членов социума (например, «*the public believes*»). Однако в действительности многие читатели до знакомства со статьей не имели никакого мнения по поводу описываемых в ней событий. По сути пресса и другие виды СМИ, считают исследователи, зачастую

нацелены на продвижение определенных идей, исходя из установок «сверху» [Hall 1978: 63]. Эту функцию СМИ С. Холл и его коллеги называют активной вовлеченностью СМИ в проведение кампании/агитации/пропаганды [там же].

Большой вклад в исследование той роли, которую играют массмедиа в процессе создания и поддержания образа «чужого», внес нидерландский ученый Т.А. ван Дейк, изучающий идеологическую основу дискурса и его роль в воспроизводстве идеологии в социуме. Под идеологиями Т.А. ван Дейк понимает базисные системы социального познания, которые формируются в результате релевантного отбора социокультурных ценностей и структурируются с помощью идеологической схемы, представляющей собой форму самоидентификации конкретной социальной группы. Помимо социальной функции, заключающейся в поддержке интересов той или иной группы, идеологии выполняют и когнитивную функцию. Последняя заключается в организации социальных репрезентаций группы (ее установок и знаний), что позволяет косвенно контролировать действия социального характера и тем самым влиять на устную и письменную коммуникацию членов группы [Dijk 1995: 248].

Ассиметричному представлению «своих» и «чужих» в потоке информации, поступающей через СМИ, по мнению Т.А. ван Дейка, способствует использование «идеологического квадрата», включающего в себя четыре основные стратегии:

- акцентирование внимания на всем положительном у НАС;
- акцентирование внимания на всем отрицательном у НИХ;
- отвлечение внимания от чего-либо отрицательного у НАС;
- отвлечение внимания от чего-либо положительного у НИХ [Dijk 2003: 44].

При этом, для достижения поставленных целей используются повторяющиеся лексические единицы и выражения [Dijk 1995: 157].

Упомянутый «идеологический квадрат» можно наблюдать и в мексиканских СМИ, где разделение на «свой – чужой» происходит при помощи идеологически нагруженной лексики. Если для характеристики *своих*, как правило, используются

такие слова, как *defender*¹⁸ (защищать), *hermanos*¹⁹ (братья), *vulnerable*²⁰ (уязвимый), то, например, при описании действий представителей США используются: *chantajear*²¹ (шантажировать), *ofensiva*²² (нападение), *peligro*²³ (опасность), ср.:

Свой	Чужой
<p>- ...gobierno de México, siempre en beneficio de las personas migrantes y de las personas mexicanas²⁴</p> <p>- El gobierno de México ha manifestado ante el de Estados Unidos diversas preocupaciones por algunas medidas en materia migratoria tomadas en aquel país²⁵</p>	<p>- Con el MPP o Quédate en México, se obligaba a los migrantes solicitantes de asilo en Estados Unidos a esperar en territorio mexicano, particularmente en ciudades fronterizas – exponiéndolos a los peligros de la violencia en el país como secuestros, agresiones sexuales, extorsiones y hasta asesinatos – hasta que las cortes en la materia decidieran sobre su situación. El programa inició a principios de 2019 y perjudicó miles de personas²⁶</p>

Согласно мексиканскому изданию «La Jornada», в то время как правительство Мексики заботится о благополучии мигрантов, правительство США своими действиями подвергает их различным опасностям (16,1% всех выявленных ЛПМК в контексте оппозиции «свой – чужой» в мексиканских СМИ маркируют действия США как несущие угрозу благополучию и даже жизни мигрантов).

Как полагает Т.А. ван Дейк, «идеологический квадрат» находит свою реализацию на всех возможных уровнях дискурса и лежит в основе продвижения современного *расизма*, понимаемого автором как неравенство, возникающее в результате того, что система общественных отношений строится на принципе доминирования одной нации / этнической группы над другой [Dijk 1995: 145]. Важно отметить, что идеологическая основа отношения к мигрантам

¹⁸ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/01/19/politica/eu-considera-aprobar-estrictas-medidas-antimigratorias-alerta-hrw-8934>

¹⁹ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/10/14/sociedad/cem-pide-a-gobierno-retirar-la-represion-de-su-politica-migratoria/>

²⁰ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/10/15/politica/reporta-eu-asistencia-adicional-por-mas-de-20-mdd-a-migrantes/>

²¹ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/02/07/politica/pide-galvez-a-eu-no-dejarse-chantajear-con-tema-migratorio-4885>

²² <https://www.jornada.com.mx/noticia/2022/06/30/mundo/que-es-201cquedate-en-mexico201d-que-corte-autorizo-a-biden-terminar-960>

²³ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2022/06/30/mundo/que-es-201cquedate-en-mexico201d-que-corte-autorizo-a-biden-terminar-960>

²⁴ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/10/14/sociedad/cem-pide-a-gobierno-retirar-la-represion-de-su-politica-migratoria/>

²⁵ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/10/14/politica/mexico-manifiesta-a-eu-preocupaciones-por-medidas-migratorias/>

²⁶ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/10/14/politica/mexico-manifiesta-a-eu-preocupaciones-por-medidas-migratorias/>

закладывается на основе фактов, которые преподносятся «элитами» (ведущими изданиями, продюсерами, влиятельными личностями, политическими группами и т.п.) таким образом, что способствуют формированию предубеждений и расистских установок [Dijk 1995: 145].

В 2008 году У. Эко, выступая в Болонском Университете с лекцией «Сотвори себе врага» («*Construir al enemigo*»), предпринял попытку объяснить потребность человека в наличии персонифицированного образа «чужого», которого бы он мог ненавидеть и с которым мог бы бороться. Итальянский философ, писатель и публицист признает, что подобная фигура никогда не исчезнет, так как иметь врага важно не только для определения собственной идентичности, но и для приобретения препятствия, относительно которого, с одной стороны, можно выстраивать свою систему ценностей, а с другой, преодолевая это препятствие, показывать своё превосходство. Поэтому, иронизирует У. Эко, если врага нет, то его нужно создать [Есо 2012: 15]. Л.М. Лодоньо в этой связи отмечает, что довольно часто фигура «чужого» ложится в основу предвыборных кампаний, ведь враг объединяет, соединяет, сплачивает, примиряет, вместе с тем происходит не просто поиск врага, а его демонизация. Даже тогда, когда он не несет в себе прямую угрозу [Lodoño 2016: 42].

Исследование лексики, реализуемой в современной испанской прессе при описании быта и нравов иммигрантов, позволило К.М. Лёрка прийти к выводу о том, что чаще всего в публикациях используются лексические единицы, для которых характерны различные негативные коннотации, способствующие созданию образа «чужого», несущего угрозу и создающего проблемы [Llorca 2014: 360].

Об особой роли языка в конструировании идей *расизма* и поддержании бинарной оппозиции «белый – черный» пишут и индонезийские исследователи Ал-Хафиж, М. Фарук и Дж. Джулиасих. В качестве примера, доказывающего важность языка для сохранения веры в превосходство людей с белой кожей над людьми с черной кожей, приводится тот факт, что до XVI века в Оксфордском толковом словаре слово *black* ассоциировалось с грязью, аморальностью и глупостью. Таким

образом, черный цвет кожи связывался с подчиненным положением, преступностью, опасностью и отвращением. Согласно мнению исследователей, идеи расизма, искусственно распространяясь в обществе, находят свое отражение в расовых предрассудках, ярлыках, этностереотипах и дискриминации по национальному признаку. [Al-Hafizh 2016: 74-76].

Подобные предубеждения, безусловно, осложняют межкультурную коммуникацию, приводя к росту социальной напряженности, которая нередко перерастает в конфликты между местными и чужими. Л.М. Лодоньо, анализируя данную особенность социума, вслед за У. Эко, приходит к выводу о том, что люди сами строят свой собственный ад на земле, поскольку представленность такого рода дискурсов в СМИ может порождать демонов, которые со временем становятся неотъемлемой частью их мировосприятия [Lodoño 2016: 44].

Современная коммуникация существенно отличается от традиционных способов общения из-за стремительного развития технологий виртуального взаимодействия, позволяющих не только оставаться в курсе тех событий, которые происходят в данный момент времени, но и обсуждать их с другими пользователями. Значительно увеличилось количество каналов, по которым поступает информация. Сегодня это не только традиционные, но и сетевые СМИ, а также социальные медиа, к которым относятся социальные сети, блоги и другие формы публикации пользовательского контента. Подобная многомерность СМИ получила название информационного пространства, состоящего из информационных полей различных типов. С точки зрения лингвистики любое информационное поле можно представить «как выраженный в языковой форме сгусток информации (знаний о мире)», причем в качестве значимого элемента данного поля выступает элемент интерпретации [Болотнов 2015: 29].

Мексиканское информационное поле миграции формируется на основе тех данных, которые мексиканцы получают из официальных СМИ и многочисленных социальных медиа. Важную роль в этом процессе играют ЛПМК. Благодаря своей повторяемости и даже клишированности, они становятся теми точками притяжения, вокруг которых концентрируются другие ЛПМК сходной тематики,

тем самым оказывая влияние на закрепление определенного образа «чужого» в мексиканской лингвокультуре.

В данном контексте видится необходимым проведение анализа не только традиционных СМИ, но и пользовательского контента, который является стремительно развивающимся видом речевой деятельности, представленным в сети Интернет. Мнения, высказываемые в виде комментариев на различных социальных платформах, несомненно, субъективны, но при этом, как отмечает С.М. Карпоян, социально обусловлены, так как это они несут информацию не о самой действительности, а об имеющемся в сознании пользователя образе действительности. Подобный обмен мнениями ведет к формированию собственных ценностей виртуального сообщества, которые воспринимаются его членами как универсальные и общезначимые и вне виртуального пространства. В то же время этот процесс характеризуется большей, по сравнению с реальностью, скоростью продвижения и распространения [Карпоян 2015: 243]. Особую функцию пользовательских комментариев в восприятии информации отмечает и И.В. Топчий, подчеркивая, что «дискурсивная практика комментария является средством познания действительности через интерпретацию фактов, средством миромоделирования и корректировки картины мира собеседников, а значит средством изменения реальности, прежде всего социальной» [Топчий 2020: 158].

В мексиканском сегменте социальных сетей, где ведется оживленное обсуждение общественно-политической ситуации в Мексике, большое внимание уделяется проблемам, вызванным миграционными процессами в регионе, в связи с чем значительное количество комментариев сфокусировано на обсуждении взаимоотношений с англоговорящими соседями. Анализ лексических единиц, используемых в процессе обмена мнениями, позволяет выявить ряд понятий, определяющих образ «чужого» в языковой картине мира мексиканцев.

Исходя из целей настоящего исследования, представляется целесообразным взять за основу следующие критерии организации лексических прагматических маркеров конфликтности в мексиканском варианте испанского языка:

- 1) по каналу общения (официальные СМИ или социальные сети);

- 2) по конфликтогенным темам и объектам иллокуции;
- 3) по используемому лексическому средству.

При проведении компонентного анализа лексики в примерах, приводимых в качестве иллюстрации, *сохраняется орфография и пунктуация авторов публикаций и постов в социальных медиа.*

3.1. Конфликтогенные темы и объекты иллокуции негативно-оценочных высказываний в мексиканском медиадискурсе

Современный медиадискурс в большинстве случаев характеризуется высокой степенью оценочности суждений, их бескомпромиссностью и нацеленностью на конфликтную тематику. В качестве объектов негативного отношения в медиадискурсе выступают как личности или группы людей, так и ситуации или события, которые в силу своей социальной значимости могут со временем перерасти в конфликтогенные темы, отличающиеся высокой плотностью ЛПМК.

Согласно мнению Т.А. Воронцовой, объекты речевой агрессии, представляющие собой понятия с «размытым смыслом», приобретают негативную социальную оценку только в том случае, если они действительно важны для всего общества, и «воздействие на массового адресата осуществляется многократно, множеством адресантов, через большое количество дискурсов» [Воронцова 2006: 85]. Одним из подобных ключевых понятий, являющихся отражением конфликтогенности миграционных процессов в мексиканской языковой картине мира, является понятие *lo anglo*, выступающее в оппозиции к «*lo mexicano*» – всему мексиканскому.

3.1.1. *Lo mexicano* у *lo anglo* в аспекте дихотомии «свой – чужой»

На развитие этнического самосознания нации оказывают влияние различные факторы, среди которых можно выделить территориальные особенности

проживания, общность происхождения, язык, религию и мн. др. Вместе с тем, как отмечает Ф.С. Файзуллин, проявление этнического самосознания невозможно вне соприкосновения с другими этносами. Осознать свою самобытность возможно, лишь осознав свое место среди других народов [Файзуллин 2013: 62]. Таким образом, геополитический фактор играет решающую роль в самоопределении нации.

Несомненное влияние на формирование мексиканской национальной идентичности оказали США. Различия и сложности в отношениях между странами послужили одной из базовых составляющих при формировании образа «чужого» в мексиканской языковой картине мира и, как следствие, легли в основу понимания мексиканской коллективной идентичности. Между тем, по мнению Ф. Альварес Симан, когда два столь разных мира с разными системами ценностей, традициями и уровнем экономического развития оказываются связаны общими проблемами из-за геополитического фактора в виде одной из самых протяженных сухопутных границ в 3 326 км конфликты неизбежны [Álvares Simán: URL].

Отношения между США и Мексикой отличаются противоречиями и разногласиями, а также периодами обострения напряженности, ведущими к росту взаимного недоверия, неприязни и предубеждений. Территориальная экспансия США (американо-мексиканская война 1846-1848 годов, в результате которой Мексика потеряла более половины своих территорий) и последующее регулярное вмешательство во внутреннюю политику Мексики по праву сильного способствовали росту антиамериканских настроений.

Возведение стены на границе с Мексикой стало материальным манифестом желания США разделить мир на «своих» и «чужих», отгородиться от латиноамериканского мира и таких его проблем, как голод, бедность, нелегальная миграция, наркоторговля и преступность. Данный демонстрационный акт получил широкий резонанс в мексиканских СМИ и пользовательском контенте. Многие ученые, в частности, мексиканские исследователи А.Х. Арройо и А.Д. Родригес, подчеркивают, что наличие упомянутой стены способствует росту неравенства как между странами, так и между отдельными регионами Мексики. Важным моментом

для авторов является тот факт, что стена между Мексикой и США строится на территории, где изначально проживали мексиканцы и которая была аннексирована США в результате неравной и несправедливой войны [Arroyo 2017: 97-111].

Миграционный кризис на границе между Мексикой и США расколол американское общество, поделив его на два лагеря. На одной стороне оказались те, кто придерживается мнения о необходимости оказывать всестороннюю поддержку мигрантам из других стран, а на другой – те, кто видят в мигранте потенциального преступника и угрозу экономике своей страны.

Однако важно подчеркнуть, что с миграционным кризисом столкнулись не только США. Мексика, благодаря своему географическому положению, климату и относительно невысоким ценам, стала одной из самых привлекательных стран для временного, а иногда и для постоянного проживания американских граждан, которые из-за экономического кризиса и высокого уровня инфляции в США приняли решение перебраться на новое место жительства. Покупательная способность американцев значительно выше, чем у мексиканцев, что послужило причиной стремительного роста цен, главным образом в столице и на курортах Мексики. Поведение релокантов, которые ведут себя в другой стране как дома, усугубляет ситуацию и широко обсуждается на просторах Интернета. Использование в СМИ и постах достаточно большого количества ЛПМК в условиях, как было упомянуто ранее, неконфликтного национального коммуникативного стиля позволяет говорить о росте социальной напряженности в мексиканском обществе. Негативная иллокуция при этом оказывается направленной преимущественно на граждан США, которые являются олицетворением англоговорящего мира, захватывающего Мексику.

Обращаясь к рассмотрению данного аспекта проблемы, необходимо отметить, что мексиканцы негативно относятся к использованию слова *americanos* для обозначения граждан США. В словаре «Diccionario panhispánico de dudas» (далее DPD) отмечается, что отождествление названия континента с Соединенными Штатами Америки ошибочно [DPD 2005: 45]. При этом первое значение слова *americano*, согласно словарю «Diccionario del español de México»

(далее DEM), ‘коренной житель Америки или находящийся на этом континенте’²⁷[DEM: URL]. Таким образом, те, кто называет граждан США американцами, словно отказывают в этом праве мексиканцам. Тот факт, что употребление указанной лексической единицы в подобном контексте вызывает у коренных жителей Мексики негативные эмоции, подтверждают многочисленные посты в социальных сетях (на долю ЛПМК, отражающих данную проблематику, приходится 2,3% от всех выявленных в социальных медиа), ср.:

– *Si nacieron en EU son **americanos**, no mexicanos.*

– ***Estadounidenses.***²⁸

– *Es simple geografia. **America es un continente** y punto. Que los **gringos se hayan apropiado** de el gentilicio "americano" para si mismos...*

–...[los mexicanos] no quieren llamarles así es porque sienten que es exclusivo o ***nos hace menos "americanos" a nosotros***...²⁹

Наглядной иллюстрацией протеста мексиканцев против использования слова *americanos* только по отношению к гражданам США выступает песня «Somos más americanos» («Мы больше американцы») (2011) мексиканской группы «Los Tigres del Norte», которая была выложена на платформе Youtube и за три года набрала более 17 000 000 просмотров и около 7 500 комментариев. Подобный рост интереса к песне был вызван тем фактом, что президент Мексики А.М. Лопес Обрадор в 2022 г. публично напомнил о ней после заявления губернатора Техаса о том, что иммигранты из Латинской Америки, в частности, мексиканцы, захватывают этот штат³⁰. В песне поется о том, что не мексиканцы, а *gringos* перешли границу и оккупировали часть территории Мексики. Таким образом, мексиканцы стали чужими на своей родной земле. Многие пользователи в своих комментариях пишут, что хотя они и не мексиканцы, а граждане Колумбии, Никарагуа, Бразилии, Аргентины и других Латино-Американских стран, но они считают эту песню гимном Латинской Америки в борьбе с алчностью *gringos*:

²⁷ 1 Que es natural de América o pertenece a este continente [DEM: URL]

²⁸ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/2j24w0/qu%C3%A9_opinan_los_mexicanos_en_m%C3%A9xico_de_los/

²⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5x4x07/por_qu%C3%A9_hay_tanto_naco_en_m%C3%A9xico_que_sigue/

³⁰ <https://www.elsoldepuebla.com.mx/local/amlo-responde-con-cancion-somos-mas-americanos-de-los-tigres-del-norte-a-gobernador-de-texas-8237051.html>

- *Mas que una canción, debería de considerarse un himno a la patria grande latinoamericana en lucha frente a la voracidad y rapiña de los gringos.*
- *Una canción de pueblo mexicano que habla por toda latinoamerica.*
- *... nosotros también somos Americanos no Latinos.*
- *Así es América es nuestra, ellos llegaron de Europa, nosotros somos 100% americanos*³¹.

Лексическая единица *gringos* используется мексиканцами для обозначения прежде всего жителей США. Однако в Мексике так могут называть и других светлокожих иностранцев, говорящих на иностранном языке [DEM: URL], подчеркивая тем самым их *инаковость* (другой внешний вид, язык, ценности и др.) и противопоставляя испаноговорящему латиноамериканскому сообществу. Несмотря на тот факт, что в DLE и в DEM нет указаний на негативную коннотацию значения данного культурно-специфичного слова, в речи мексиканцев оно чаще всего используется с уничижительным оттенком, реализуя различные имплицитные смыслы. В связи с высокочастотным употреблением данного ЛПМК в контексте оппозиции «свой – чужой» при статистических подсчетах этот маркер не учитывался.

Для понимания образа *gringo*, представленного в когнитивной базе мексиканцев, и их отношения к нему, целесообразно обратиться к статье К. Ломнитца «Please don't feed the gringos: the US – Mexico divide». Уже в названии проявляется отношение к *gringos*, которые сравниваются с домашними питомцами, сытыми и ухоженными:

- *Es la propia imagen de Nietzsche del hombre moderno como una mascota, bien alimentada, bien peinada, bien capada, y bien desgarrada. “Don't feed the gringos”, que ya tienen su alimento en un plato de plástico en la cocina. El orden estadounidense y el desorden tijuanense aparecen, aquí, como una frontera entre el humano domesticado y el humano (un poquitín) más salvaje [Lomnitz, 2017: URL].*

³¹ <https://www.youtube.com/watch?v=0ue-YP-wvsY>

Далее автор сравнивает отношения мексиканцев и граждан США с отношениями Тома и Джерри, причем если Джерри описывается с восхищением («*un animal más pequeñito, pero todavía en estado libre, que no tiene que responder a su dueño*»), то Том вызывает ироническое сочувствие («*el orgullo mancillado del gato Tom ante la astucia del ratón Jerry y ante la represión invisible de la ley de su amo. El pobre gatito frustrado se fue a comprar una doble barda marca ACME, con todo y torres con sensores, para que ya no lo burlen los ratones*») [Lomnitz 2017: URL].

Использование диминутивного суффикса при описании gringos (в данном случае через образ кота Тома) связано с реализацией стратегии дискредитации «чужого» и вызвано желанием «снять с него корону», ведь gringos, как считают мексиканские пользователи социальных сетей, «se creen superiores»³². 22,2% используемых в социальных медиа ЛПМК подчеркивают дискриминационное и пренебрежительное отношение gringos к мексиканцам (*mantener a México abajo, servidumbre, EEUU no respeta a México, falta de respeto, despectivos, racistas, racismo, humillar, chistes sobre la raza, fascista, Hitler, campos de concentración, neonazis* и др.), из них 4,9% – слова, передающие ‘высокомерие’ gringos (*arrogantes, se creen superiores / con muchos derechos / dueños, aires de superioridad, como realeza, en un pedestal, hacer un favor a vivir en México, inferioridad de mexicanos, los mexicanos son menos que ellos* и др.). В традиционных СМИ эти цифры несколько меньше, но вполне сопоставимы: 17,6% – характеризуют дискриминационное и пренебрежительное отношение gringos к мексиканцам (*políticas detestables y xenóforas de Donald Trump, deportaciones xenóforas, racismo, xenofobia, discriminación, discriminatorio, represión, separatismo, manera unilateral, historia de violencia racista, la época de esclavitud, la explotación, vaqueros con riendas, azotar, maltratar, intimidar, amenazar, las políticas antimigrantes, desigual* и др.), из них 2,2% говорят об их высокомерии (*síndrome de hubris, arrogancia, los aires de superioridad moral* и др.). Рассмотрим несколько фрагментов:

³² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

– ...lo que mueve a la xenofobia mexicana, es el hecho de que muchos llegan con **aires de superioridad inherentes al hecho de ser gringos ...**

– Muchas personas no quieren ser parte de Mexico ellos quieren vivir en una burbuja de extranjeros sin tener que tratar con personas mexicanas mas que lo básico por que existe este sesgo en el que **los mexicanos son menos que ellos ...**

– Las personas que vienen además son **arrogantes**, como si nos estuvieran **haciendo un favor...**

– ...lo que rechaza es en especifico a esos gringos que creen que por ser "americanos" **merecen un trato especial y diferente ...**

– El problema no es inmigrantes llegando a Mexico, es **problema son los gringos que creen que pueden llegar y exigir que se le trate como realeza ...**

– ...el problema de **pendejos** como tu es que no es que tengan que migrar por necesidad como los centroamericanos, simplemente migran porque aquí tienen 20 veces más poder adquisitivo y las leyes no les aplican y los **pendejos** los tienen en un **pedestal solo por haber nacido en el culo de Europa.** ³³

Особый интерес из приведённых выше постов представляют собой 3 последних, так как в них речь идёт не только о высокомерии граждан США и об их чувстве превосходства, которое они демонстрируют, находясь в Мексике. В этих высказываниях прослеживаются и ряд других оценок и суждений по линии *lo mexicano – lo anglo*. Например, в последнем комментарии хорошо видна разница между тем, как мексиканцы дифференцируют мигрантов, исходя из причин, побудивших их переехать в Мексику и из оценки их поведения в чужой стране.

– Si eres **anglosajón o europeo** **OBVIAMENTE** vienes porque aquí **tienes más y saqueas más...** ³⁴

В своих постах и комментариях мексиканцы очень часто указывают на тот факт, что граждане Европы и Северной Америки считают себя выше латиноамериканцев уже по праву своего рождения и не хотят становиться частью

³³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

³⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

местного общества, продолжая жить в Мексике обособленно от мексиканцев и вне принятых в мексиканском обществе правил поведения.

– *Y aparte se dan aires de grandeza porque "white/americano" y piensan que todos los mexicanos les van a lamer los pies por algún tipo de sentimiento de inferioridad...*³⁵

В последнем комментарии находит отражение расовая составляющая: американцы чувствуют себя представителями белой расы, в связи с чем относятся к мексиканцам как к людям второго сорта, которые должны «лизать им ноги» (*lamer los pies*) и испытывать чувство уничижения.

Несмотря на то, что ЛПМК, обозначающие высокомерие и дискриминационное поведение, являются ключевыми при описании *gringos*, в социальных медиа объективируются и другие их негативные черты: невежественные, «тупые» – 6,6% (*estúpidos, ignorantes, mente putrefacta, loco, tocadito de la cabeza, se lo creen ciegamente, escaso cerebro, cero profundidad, falta de educación, no tener la inteligencia, idiota* и др.), лицемеры и обманщики – 5,5% (*hipocresia, hipócritas, falsos impulsores de democracia, mentir* и др.), преступники – 3,2% (*terroristas, criminal, crímenes contra la humanidad, asesinar a inocentes, hacer cosas malas, violación a los derechos humanos* и др.), жадные – 0,6% (*voracidad, rapiña, robar todo* и др.), прочее – 5,5% (*groseros, ruidosos, sucios, culero, horrible, terrible* и др.).

В СМИ не встречается такое разнообразие ЛПМК, передающих черты характера граждан США: лицемеры и обманщики – 5,5% (*las acciones contradicen las promesas, pretende serlo, presentar algo como, haz lo que yo digo y no lo que yo hago, buscar justificación / excusa* и др.), безразличные – 1,9% (*indolencia* и др.).

Среди используемых авторами постов многочисленных ЛПМК своей интенсивностью и индексом конфликтности при характеристике *gringos* выделяются обценная и сниженная лексика оскорбительного характера (17% от всех ЛПМК, используемых в социальных медиа). Одним из подобных ЛПМК,

³⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

которое отличается частотностью употребления в социальных медиа, является слово *pendejo*, ср.:

– ...cada vez veo a más y más **extranjeros pendejos**, pero ya se viene **con ganas de la invasión**...³⁶

Pendejo трактуется DEM как грубое слово, обозначающее что-то или кого-то очень глупого и ничтожного³⁷ [DEM: URL], а в словаре «Vocabulario esencial Mexicano» (далее VEM) отмечается, что это разговорное слово, имеющее значения ‘глупый’, ‘тупой’, ‘тупоумный’, ‘придурковатый’ [Macazaga Ordoño 1999: 287]. Подробнее инвективная лексика будет рассмотрена позже.

Более 26% ЛПМК, выявленных в СМИ, используются при критике действий США (ставящих мигрантов в опасность – 16,1%, нарушающих права человека – 2,2%, ведущих к распространению оружия в Мексике – 1,9%, и др.). Однако, ЛПМК, реализуемые в СМИ, как правило, не обладают ярко выраженной негативной окраской при их прямой направленности на США, ср.:

– *Estos incidentes no son problemas aislados, sino que son parte de una falla sistémica agravada que ignora los derechos y el bienestar de las personas refugiadas y migrantes*...³⁸

– ...los defensores de derechos dijeron que dejó a los **migrantes vulnerables**, incluidas las familias **con niños pequeños, en peligro**.³⁹

Приведенные выше примеры демонстрируют имплицитную критику действий могущественного соседа Мексики, не обвиняя его напрямую. Так, если в первом случае фокус внимания направлен на проблемы, вызванные миграционной политикой, то во втором высказывании критика осуществляется опосредованно: как мнение защитников прав человека.

Результаты анализа фактологического материала позволяют говорить об осознании гражданами Мексики того факта, что отношение к иммигрантам в их стране и в США резко контрастирует:

³⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

³⁷ I (Groser) Que es tonto en extremo, que resulta despreciable [DEM: URL]

³⁸ <https://www.excelsior.com.mx/global/muere-nina-migrante-de-guatemala-bajo-custodia-de-eu/1597232>

³⁹ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2022/06/30/mundo/que-es-201cquedate-en-mexico201d-que-corte-autorizo-a-biden-terminar-960>

– ...*las autoridades mexicanas son más flexibles con los indocumentados del país vecino*...⁴⁰

– ...*la situación de mexicano en USA vs gringo en México es súper diferente*...⁴¹

– “*Es injusto*”, dijo. “*Si vamos a Estados Unidos, se espera que hablemos inglés*”.⁴²

Подобные двойные стандарты ведут к росту социального напряжения из-за негативных эмоций, вызываемых чувством несправедливости. В СМИ (1,6%) и в пользовательском контенте (2,9%) присутствует большое количество ЛПМК, так или иначе указывающих на данное положение дел.

Помимо общей номинации *gringos*, относящейся к людям с белой кожей – чужакам для мексиканского народа, в мексиканском медиадискурсе реализуются и другие ЛПМК. Например, имя *Karen* (Кáрен), будучи речевой прагмемой с отрицательной коннотацией, также является частотным ЛПМК, используемым в социальных сетях. Так называют недалеких высокомерных женщин со светлой кожей, которые нередко являются сторонниками идеологии Д. Трампа. Важной особенностью этих представительниц женского пола является то, что они ведут себя «по-хозяйски» даже в чужой стране:

– ...*no tardan en llegar las pinches Karens a humillarnos en nuestras propias tierras*...⁴³

– *El nombre Karen q se refiere el data. Es q toda mujer q sea una perra de mierda q le apeste la vida y se queje de todo con todos y todo le cae mal. No en q sea nombre de verdad. Embez de decir. Ella es una perra. Le dicen. Ella es una Karen. Oh "miren esta Karen en un supermercado haciendo un show" y el vídeo es de una americana llamándole la policía a un moreno/morena por stereotypical q es racista.*⁴⁴

Опираясь на представленное выше определение, предложенное пользователем, и на результаты анализа фактологического материала, можно утверждать, что чаще всего данное слово используется в качестве инвективы.

⁴⁰ <https://www.excelsior.com.mx/nacional/2017/02/28/1149157>

⁴¹ <https://www.24-horas.mx/2022/06/06/youre-a-fucking-plague-vecino-de-la-roma-contra-los-nomadas-digitales-de-eu/>

⁴² <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

⁴³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

⁴⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/i6b3bm/popularidad_del_nombre_de_karen_en_m%C3%A9xico/

Однако помимо чисто негативной оценки, характерной для этой прагмемы, следует отметить и некий ироничный оттенок по отношению к подобным женщинам:

– *¿Solucion para el fenómeno **Karen**? Militares.*

– *...pinche guardia nacional, efectiva para sacar **Karens** del aeropuerto...*⁴⁵

Что касается мужчин с европейской внешностью (преимущественно англосаксонского происхождения), то для их обозначения нередко используется слово *Chad*. Так неуважительно называют brutальных молодых людей с нордической внешностью, которые демонстрируют свое физическое или любое другое превосходство над другими людьми. Как правило, они придерживаются ультраправых взглядов. В сети встречается следующая трактовка данного понятия: «...forma despectiva hacia esos jóvenes blancos que solo buscan ligar con chicas. Es decir, Chad es la representación del estereotipo de hetero-básico blanco... se utiliza para burlarse de alguien que intenta denigrar a otra persona por su físico, por sus gustos o por su personalidad...»⁴⁶. В отличие от *Karen* данное слово имеет визуальную репрезентацию, так как является популярным мемом.

Рис.1. Образ Чада, используемый в мемах.

Следующий пост говорит о том, насколько *Карен* и *Чад* являются чужаками в Мексике: им пришла в голову идея, как можно уменьшить свои бытовые расходы и одновременно развлечься, и они отправились в Мексику на поиски приключений, а то, что в этой стране из-за миграционного потока таких релокантов цены выросли вдвое их не волнует, ср.:

⁴⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/18cdfhy/biden_se_declara_listo_para_hacer_compromisos/

⁴⁶ <https://www.rtve.es/noticias/20211003/quien-chad-por-tan-popular-twitter/2177540.shtml>

– *Los precios de renta, restaurantes, bares y demás servicios están duplicando sus precios. Solo porque a Karen y a Chad se les ocurrió la gran idea de ahorrar dinero de renta y vida en general, y emprender una vida de aventura en México.*⁴⁷

Прагмема *vida de aventura* приобретает в данном контексте негативный оттенок и имплицитно передает раздражение автора: жизнь в Мексике, как и в других странах Латинской Америки, нелегка для простых людей, а для этих авантюристов с деньгами – это приключение. В своей стране они вынуждены экономить, а здесь чувствуют себя богачами.

Одно из значений *aventura*, согласно DEM, это случайное или малозначительное действие⁴⁸ [DEM: URL]. Что способствует проявлению мнения автора о том, что, данный переезд в Мексику не имеет особой важности для Карен и Чадов, в то время как на жизнь самих мексиканцев он оказывает большое влияние.

В свою очередь, слово *ocurrirse*, которое, согласно DEM, используется, когда кому-то в голову неожиданно приходит какая-то идея или мысль или какое-то слово неожиданно срывается с языка⁴⁹ [DEM: URL], призвано подчеркнуть идею о том, что переезд не был тщательно продуман, а был вызван сиюминутным желанием без анализа последствий.

Языковая объективация образа «чужого» в мексиканском сегменте социальных сетей и СМИ помогает лучше понять социальный контекст миграции, и, прежде всего, те проблемы, которые связаны в сознании мексиканцев с миграцией граждан США в Мексику. Поскольку, как отмечалось ранее, если, с одной стороны, область языковых (речевых) конфликтов является «реализацией конфликтного потенциала самого языка», то, с другой – она относится к сфере социальной жизни [Мамсурова 2015: 99].

В мексиканских соцсетях можно отметить большое количество обсуждений с хэштэгом *#mexicoissocheap*, посвященных критике потребительского подхода обеспеченных белых иностранцев, которые не думают о последствиях своей

⁴⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_esto_sub_siendo/

⁴⁸ 2 Hecho casual o de poca importancia en la historia de alguien [DEM: URL]

⁴⁹ Venirle a alguien de repente una idea o un pensamiento a la mente o una palabra a la boca [DEM: URL]

готовности платить любую цену. 11,8% ЛПМК социальных медиа обозначают экономические последствия от проживания большого количества американцев в Мексике (*el precio de todo suba, la renta se incrementa, pinches rentas, mucho más caro, duplicar los precios, encarecer, imposible vivir / rentar, desplazar a los locales de sus propias tierras* и др.), из них 5,2% маркеров указывают на финансовую обеспеченность gringos (*con dinero, provocar que la renta se incremente, tomar las mejores áreas de México, salarios mucho mayores* и др.).

В текстах традиционных СМИ, посвященных проблеме джентрификации и росту цен, реализуются 18,6% от общего числа ЛПМК в СМИ (*precios increíbles, incremento de los precios, aumento en los precios, el peso se desplomó, la depreciación, el peso ha caído, los alquileres se han duplicado, mucho más caro rentar, tráfico está fatal, una especulación inmobiliaria, desigualdad, burbujas inmobiliarias* и др.), из них на финансовую обеспеченность граждан США указывают 1,9% ЛПМК (*gente adinerado, alguien dispuesto a pagar, con mayor poder adquisitivo, un público específico, barato para los extranjeros* и др.), ср.:

– ...y ahora ves estos **precios increíbles** y es como ¿cómo? Pero siempre hay alguien dispuesto a pagar ...⁵⁰

– ...al final se vuelve un **desbalance gigante**, generando aún mayor **desigualdad** y cómo dije antes, **inflación** en mercados que antes no las había...⁵¹

Хуже всего обстоят дела с ростом цен на жилье. Обратимся к следующим фрагментам:

– ...debido a la pandemia muchos **gringos** y muchos se vinieron a Tijuana a vivir, **provocando que la renta se incremente**...⁵²

– Lo que me da miedo es que se vengan muchos **extranjeros pendejos** a Mexico haciendo trabajo remoto y el **precio de todo suba**, además de las **pinches rentas**. Para los mexicanos ya no sería tan barato vivir aquí... sería bien **pinches imposible**...⁵³

⁵⁰ <https://www.nytimes.com/es/2022/07/29/espanol/estadounidenses-mexico.html>

⁵¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

⁵² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

⁵³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

То, что жители такой многонациональной страны, как Мексика стали воспринимать большинство обеспеченных, по их меркам, иностранцев как *pendejos* (придурки, ослы и т. д.), говорит не только о сильном раздражении мексиканцев, но и о росте социальной напряженности. В свою очередь, *pinche* является грубым словом и означает ‘паршивый’, ‘убогий’, ‘ничтожный’⁵⁴ [DEM: URL]. В VEM данная лексическая единица имеет пометку *despectivo*, которая указывает на то, что это слово используется при выражении презрения и пренебрежительности [Macazaga Ordoño 1999: 292]. Высокая частотность использования подобного ЛПМК с широкой семантикой и ярко выраженной негативной окраской также свидетельствует о сильных отрицательных эмоциях адресанта по отношению к иностранцам и спровоцированному ими росту цен.

В социальных медиа негативные эмоции, которые испытывают мексиканцы, передают 4,6% ЛПМК (*me da miedo, me molesta, me da cringe, no los soporto, me dan asco, me cagan, odio, odiados* и др.), в традиционных СМИ – 2,7% (*quejarse, manifestar preocupaciones, tensión, miedo* и др.), ср.:

– *Los locales se **quejan** de esta situación, que causa un fenómeno llamado **gentrificación**, el cual provoca que las rentas de los inmuebles aumenten, así como los precios de comida, ropa y otros negocios locales.*⁵⁵

Согласно DEM основным значением *quejarse* является выражение чувства боли, печали или дискомфорта словами, криками или стонами⁵⁶ [DEM: URL]. Подобные чувства вызваны джентрификацией, в результате которой исконное население района стало вытесняться теми, кто обладает большей покупательной способностью. То, что мексиканцы вынуждены покинуть свои родные дома и уезжать на окраину, так как у них нет возможности оплачивать такую стоимость аренды жилья, которую с лёгкостью платят «кочевники» иностранцы, вызывает у них настоящую боль, ср.:

– *Nuestros hogares ... ahora albergan a **nómadas digitales**...*⁵⁷

⁵⁴ 1 (Groser) Que es despreciable o muy mezquino [DEM: URL]

⁵⁵ <https://www.infobae.com/america/mexico/2022/06/07/el-mensaje-sobre-los-extranjeros-en-la-colonia-roma-que-desato-un-debate-en-tiktok/>

⁵⁶ 1 Expresar un sentimiento de dolor, pena o molestia con palabras, gritos o gemidos [DEM: URL]

⁵⁷ <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

Построение высказывания способствует актуализации когнитивно-прагматического потенциала лексической единицы *hogar*, помогая передать чувства, которые испытывают мексиканцы по отношению к своему дому: они вынуждены покинуть свой семейный очаг и оставить его цифровым кочевникам. Высокий когнитивно-прагматический потенциал словосочетания *nómadas digitales*, под которым в Мексике понимаются IT специалисты, приезжающие в страну для временного проживания, помогает подчеркнуть равнодушие новых хозяев к домам, в которых они живут, и ко всему принимающему их миру. На земле Мексики их удерживает только возможность при меньших затратах реализовать свои потребительские запросы. Несмотря на то, что эти дома дают им приют (*albergan*), а чужие очаги (*hogares*) дарят им свое тепло, они не представляют для «кочевников» никакой ценности. Контекстуальный ЛПМК *nuestros* (наши) позволяет актуализировать имплицитные смыслы, говорящие о захватническом характере происходящего, так как настоящие жители этих домов должны их оставить.

Подобное поведение граждан США напоминает мексиканцам очередную интервенцию и колониальные отношения, о чем свидетельствуют обращения к многочисленным ЛПМК, так или иначе связанным с данной проблематикой: в социальных медиа – 8,3% (*ganas de invasión, invasores, imperio yankee, imperio, imperialistas, colonizar, la colonización, la intervención gringa, se creen dueños de la tierra, actitudes coloniales, bajo una mente colonial* и др.); в традиционных СМИ – 6,4% (*defender la independencia y la soberanía de México, somos libres, exterminación de los indígenas, la explotación de esclavos, no necesitan hablar español, el inglés se convierte en el idioma oficial de ciertas colonias, no encontrar mexicanos, convertir a la capital mexicana en su hogar* и др.), ср:

– *Creo que la gente está odiando las "actitudes coloniales" de los extranjeros, en especial los angloparlantes, que, nos ven a nosotros como un país barato para que puedan vivir cómodos...*⁵⁸

⁵⁸ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

Согласно DEM, одно из значений слова *colonia* – это территория или страна, над которой другая страна осуществляет военное, экономическое, политическое или социальное господство⁵⁹ [DEM: URL]. Принимая во внимание историческое прошлое Мексики и историю развития ее отношений с США, необходимо признать высокий КПП данного слова для мексиканцев. При обсуждении ими проблемы отношений с мигрантами из США реализуются и другие ЛПМК со схожей семантикой, ср.:

- ...una sensación de *imperialismo* ...⁶⁰
- ...está transformando algunos de los barrios más preciados de la ciudad en *enclaves de expatriados*...⁶¹
- ...veo a más y más *extranjeros pendejos*, pero ya se viene con ganas la *invasión*...⁶²

Мексиканцы в социальных сетях и в своих интервью официальным СМИ отмечают, что в связи с постоянным ростом числа граждан США, проживающих в Мексике, стали формироваться настоящие анклавов. В информационном пространстве данная ситуация сравнивается с империалистическим захватом. Указанный процесс активно влияет на языковую ситуацию в стране и приводит к тому, что английский язык начинает конкурировать с испанским, вытесняя его в отдельных регионах Мексики и прежде всего – в столице, ср.:

- *Y la colonia estadounidense es tan grande que incluso muchos no necesitan hablar español*...⁶³
- ...es una locura llegar a lugares y ya *no encontrar mexicanos*... *el inglés se convierte en el idioma oficial de ciertas colonias* ...⁶⁴
- *Y el inglés, bueno, está en todas partes: suena en los supermercados, en los bares de vinos y en las clases de fitness en el parque*.⁶⁵

⁵⁹ 3 Territorio o país sujeto al dominio militar, económico, político y social de otro; periodo durante el cual se ejerce este dominio [DEM: URL]

⁶⁰ <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

⁶¹ <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

⁶² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

⁶³ <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-48998509>

⁶⁴ <https://www.infobae.com/america/mexico/2022/06/07/el-mensaje-sobre-los-extranjeros-en-la-colonia-roma-que-desato-un-debate-en-tiktok/>

⁶⁵ <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

– *Pero recientemente han habido muchos inmigrantes que esencialmente quieren convertir ciertas áreas del país en "All-inclusives" donde no tendrán que aprender nada sobre el lugar donde están, donde podrán vivir en sus condos super baratos (para ellos) y nunca tener que hablar el idioma local o ajustarse a la cultura local o tener respeto por los locales. Eso es lo que caga a la gente ver...*⁶⁶

Как следует из приведенных комментариев и фрагментов публикаций, вопросы, связанные с языковой политикой, лингвистической безопасностью и ролью родного языка, вызывают большую озабоченность у мексиканцев. Поведение gringos в отношении испанского языка рассматривается как угроза стране и национальной идентичности, ср.:

– *...la movilidad de la era tecnológica, y que está obligando a México a enfrentarse a su propia historia y a su identidad...*⁶⁷

– *...Ahora, ha decidido convertir a la capital mexicana en su hogar...*⁶⁸

– *...los lugares que hemos perdido a causa del aburguesamiento, la turistificación y el desplazamiento forzoso...*⁶⁹

Между тем отношение к мигрантам из других стран Латинской Америки иное. Мексиканское Интернет-сообщество, включая СМИ, в целом симпатизирует им, так как они являются другими, но в то же время «своими», с такими же проблемами, цветом кожи и языком:

– *...somos hermanas y hermanos, hijas e hijos de un mismo Dios, sin fronteras, prejuicios, odios o xenofobia...*⁷⁰

Из приведенного анализа можно заключить, что когнитивно-прагматический потенциал ЛПМК, используемых в контексте бинарной оппозиции «lo mexicano – lo anglo», способствует достижению определенного прагматического эффекта, помогая передать неприятие мексиканцами существующей ситуации, обнажая их усталость и опасения. Кроме того, можно утверждать, что в свете истории Мексики и формирования национальной идентичности мексиканцев, оппозиция «lo

⁶⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_esto_sub_siendo/

⁶⁷ <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

⁶⁸ <https://www.nytimes.com/es/2021/01/03/espanol/america-latina/mexico-coronavirus-viajes.html>

⁶⁹ <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

⁷⁰ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2021/10/14/sociedad/cem-pide-a-gobierno-retirar-la-201crepresion201d-de-su-politica-migratoria-7535>

«lo mexicano – lo anglo» представляет собой одну из основных лингвокультурных характеристик дихотомии «свой – чужой». Следует также отметить, что в связи с ростом социальной напряженности в мексиканском информационном поле миграции появляются всё более нелицеприятные посты и комментарии. Не случайно, говоря о росте числа американцев, проживающих в Мексике, авторы публикаций нередко прибегают к слову *avalancha* – снежная лавина, которая способна снести всё на своём пути и глаголу *inundar* – наводнять, заполнять.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что среди имплицатур, характерных для большинства мексиканских ЛПМК, отражающих отношение к чужаку с Севера, имеет место чувство несправедливости, которое ощущается мексиканцами в силу стремления *gringos* доминировать над ними не только в США, но и в Мексике. Сравним наиболее частотные и обладающие высоким когнитивно-прагматическим потенциалом группы ЛПМК, представленные в традиционных СМИ и в социальных медиа в контексте оппозиции «lo mexicano – lo anglo»:

	СМИ	Социальные медиа
Дискриминационное отношение <i>gringos</i>	17,6% (из них высокомерие – 2,2%, двойные стандарты – 1,6%)	22,2% (из них высокомерие – 4,9%, двойные стандарты – 5,5%)
Другие негативные черты <i>gringos</i>	лицемеры и обманщики – 5,5%, безразличные – 1,9%	глупые, «тупые» – 6,6% лицемеры и обманщики – 5,5%, преступники – 3,2%, жадные – 0,6%, безразличные – 0,6%, прочее – 5,5%
Джентрификация и другие экономические последствия от проживания большого количества <i>gringos</i> в Мексике в последние годы	18,6% (из них 1,9% указывают на финансовую обеспеченность граждан США)	11,8% (из них 5,9% указывают на финансовую обеспеченность граждан США)
Критика действий США	26,6% (действия США, ставящие мигрантов в опасность – 16,1%, действия США, нарушающие права человека – 2,2%, действия США, ведущие к распространению оружия в Мексике – 1,9%, имплицитная (косвенная) критика – 6,4%)	нет четкой спецификации
Империалистический характер действий <i>gringos</i>	6,4%	8,3%

Эмоции, которые вызывают gringos у мексиканцев	2,7%	4,6%
Большое количество иностранцев в Мексике	5,2%	– (см. группа «Джентрификация и другие экономические последствия от проживания большого количества gringos в Мексике в последние годы»)
«America es un continente»	–	2,3%
Сниженная и обценная лексика оскорбительного характера в адрес gringos	–	17%
Прочее	15,5%	11,8%

Таблица 1. Частотность использования ЛПМК в СМИ и социальных медиа согласно проблематике.

На особенности актуализации оппозиции «lo mexicano – lo anglo», а также на объективацию образа «чужого» в СМИ и социальных медиа активно влияет миграционная политика США и их лидеров.

3.1.2. Особенности актуализации лексических прагматических маркеров конфликтогенности при освещении миграционной политики США в СМИ и пользовательском контенте

Реализация значительного числа ЛПМК (22,5%) в социальных медиа связана с обсуждением американских президентов, чьи действия оказали значительное влияние на развитие миграционного кризиса и в Мексике, и в США. И если на характеристику Дж. Байдена приходится 6,9% ЛПМК, то на Д. Трампа – 15,6% ЛПМК.

Во времена предвыборной агитации и нахождения у власти Д. Трампа продвижение проекта по постройке стены на границе, сопровождалось жестким антимиграционным дискурсом, поэтому не удивительно, что Д. Трампа часто винят в «демонизации» мигрантов и крайней нетерпимости к ним. С именем именно этого президента США связывают кризис на границе между Мексикой и США, возникший из-за введения в 2019 году Протокола о защите мигрантов (Protocolos

de Protección al Migrante (MPP))⁷¹, более известного как программа «Оставайся в Мексике» (Quédate en México). Согласно упомянутому протоколу, предполагается немедленная (без какого-либо расследования) депортация всех нелегальных мигрантов в Мексику, где они должны находиться до проведения слушаний по их делу. Кроме того, при правлении Д. Трампа был активирован Раздел 42 Свода законов США (el Título 42) от 1944, в соответствии с которым при возникновении угрозы системе здравоохранения США все мигранты (исключая тех детей, которые пересекают границу без сопровождения взрослых) должны быть сразу же депортированы в Мексику.

Данный этап взаимоотношений между Мексикой и США характеризуется полным отсутствием диалога. Точка зрения экономически менее развитого соседа не представляла интерес для Д. Трампа. Так, он даже пытался обязать Мексику оплатить постройку стены на границе, что мексиканцы сочли демонстрацией откровенного неуважения к их стране, ср.:

– ...*el hecho de que sigan insistiendo que nosotros lo pagaremos es una falta de respeto enorme a nuestra soberanía como país...*⁷²

Отстаивание своего суверенитета и требование уважения к себе играют важнейшую роль в геополитике Мексики – 5% от всех ЛПМК, используемых в традиционных СМИ, приходится на эту группу маркеров (*de manera soberana, EU deben partir del respeto a la soberanía, México es libre de tomar sus propias decisiones, nuestra independencia, pedir permiso a EEUU* и др.). Так, в относительно небольшой статье «Acuerdos con EU deben partir del respeto a la soberanía: AMLO», опубликованной в октябре 2021 года в мексиканском Интернет-издании «La Jornada» и посвященной необходимости уважать суверенитет Мексики, слова, однокоренные со словом *respetar*, встречаются 12 раз, в том числе несколько раз упоминается, что Мексика – свободная страна, которая не нуждается в разрешении других стран для осуществления тех или иных действий.⁷³ Примечательно, что,

⁷¹ Court Ordered Reimplementation of the Migrant Protection Protocols [Электронный ресурс]. – Режим доступа – <https://www.dhs.gov/migrant-protection-protocols>

⁷² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construcci%C3%B3n_del_muro/

⁷³ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/10/08/politica/acuerdos-con-eu-deben-partir-del-respeto-a-la-soberania-amlo/>

согласно DEM, значение слово *respeto* (уважение) включает в себя в том числе признание права другого следовать своей воле и интересам, исходя из своих взглядов и убеждений и права быть таким, какой он есть ⁷⁴ [DEM: URL].

По мнению мексиканцев, уважение подразумевает отсутствие навязывания чужих правил жизни и чужого образа мышления, что представляется особенно важным в контексте развития отношений между Мексикой и США, когда граждане США зачастую ведут себя в чужой стране как хозяева. Наряду с этим, если представители США демонстрируют свое уважение к Мексике, то отношение к ним меняется, ср.:

– *...pero cualquier turista o gringo viviendo en México que se pronuncie en contra de ellas, que **muestre respeto** por nuestra cultura, es mejor recibido.*⁷⁵

В глазах мексиканцев, «чужой», не понимая и не уважая их уклад жизни, мнения, желания и потребности, навязывает им свои ценности, представления и формы бытия.

Антимиграционный дискурс Д. Трампа и его последователей сыграл большую роль в усилении негативного отношения мексиканцев к США и способствовал появлению новых характеристик в образе «чужого». Так, мексиканцы для номинации трампистов используют ЛПМК *фашисты*, а их выступления сравнивают с речами Гитлера, исходя из того, что одним из ключевых направлений политики фашизма является национализм:

– *Esos terminos eran usados por **Hitler** en su manifestó...*⁷⁶
 – *Creo que en este caso la palabra **fascista** no se usa como hipérbole...*⁷⁷
 – *...es **fascismo** porque los inmigrantes son un chivo expiatorio para problemas sistémicos de la economía estadounidense...Si de un día para otro se hicieran **campos de concentración** donde se llevaran a todos los inmigrantes ilegales, ¿se resolvería algún problema de EU? la respuesta es fácil, NO.*⁷⁸

⁷⁴ 1 Actitud moral por la que se aprecia la dignidad de una persona y se considera su libertad para comportarse tal cual es, de acuerdo con su voluntad, intereses, opiniones, etc, sin tratar de imponerle una determinada forma de ser y de pensar [DEM: URL]

⁷⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/2j6ard/que_opinan_los_gringos_de_nosotros_realmente/

⁷⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/18m23hb/donald_trump_refuerza_su_ret%C3%B3rica_xen%C3%B3foba/

⁷⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construcci%C3%B3n_del_muro/

⁷⁸ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construcci%C3%B3n_del_muro/

В DEM среди компонентов значения слова «hitleriano» фигурируют *sus crímenes (de Adolfo Hitler)* (преступления Адольфа Гитлера). Таким образом, речи и поступки Д. Трампа представляются мексиканцам преступными. С их точки зрения подобная политика приведет американцев к созданию концентрационных лагерей для иммигрантов.

Следует обратить внимание и на то, что одним из важнейших показателей «чужого» для мексиканцев до сих пор остаётся цвет кожи:

– *Político blanco con dinero y de tendencia fascista de derecha...*⁷⁹

Чужакам с белой кожей, в данном случае Д. Трампу, все можно, так как они, обладая деньгами, которых у мексиканцев нет, могут все купить и всех подкупить, ср.:

– *No irá a la cárcel tiene dinero y apoyo político. Recuerda las leyes solo existen para los pobres y ricos que hacen enojar a la mayoría de los otros ricos.*⁸⁰

– *Fue el presidente mas transa de la historia de USA...*⁸¹

DEM предлагает следующее определение слова *transa*: обман, взяточничество или подкуп для решения юридического или административного вопроса⁸² [DEM: URL], а в VEM оно имеет значения ‘мошенник’, ‘обманщик’, ‘жулик’ [Macazaga Ordoño 1999: 362] Следовательно, Д. Трамп характеризуется как большой мошенник и обманщик, решающий свои проблемы нечестным путем.

Граждане Мексики считают Д. Трампа худшим президентом за всю историю США и часто используют в качестве его прозвищ созвучные его фамилии лексические единицы с негативной коннотацией, которые имеют значение *жулик, тупица, шут* и др.:

– *Si Biden es buen presidente o no, no tiene nada que ver con que Trompo haya sido un terrible presidente.*⁸³

В DLE среди предлагаемых дефиниций слова *trompo* можно встретить следующую: очень глупый человек⁸⁴ [DLE: URL]. Выбор слова обуславливается

⁷⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/160qmfv/donald_trump_el_pol%C3%ADtico_e_%C3%ADdolo_de_culto/

⁸⁰ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/160qmfv/donald_trump_el_pol%C3%ADtico_e_%C3%ADdolo_de_culto/

⁸¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/16ximsi/fue_trump_un_buen_presidente/

⁸² I Trampa, soborno o cohecho con que se resuelve un asunto legal, administrativo o sujeto a cierto reglamento [DEM: URL]

⁸³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/16ximsi/fue_trump_un_buen_presidente/

⁸⁴ Persona muy torpe [DLE: URL]

желанием оскорбить бывшего президента США, воспользовавшись созвучностью слова со значением ‘тупица’ с фамилией последнего.

Рассмотрим следующие высказывания:

– *No es algo que debería admirar **señor trompetas***

– *Soy de los EEUU y estoy aprendiendo español. Ahora voy a usar **señor trompetas** en inglés. Genio.*

– *Otro más: **Don Altrón***⁸⁵

Одним из значений слова *trompeta*, согласно DLE, выступает презренный / отвратительный / ничтожный человек⁸⁶ [DLE: URL].

Что касается выражения *Don Altrón*, то в данном случае имеет место аллюзия на злого персонажа комиксов издательства Marvel Comics – робота Альтрона. Этот неуклюжий громоздкий робот был создан ученым для добрых целей, но произошёл сбой, и цели сменились на противоположные. Теперь он борется с несовершенством человечества, представляющего собой органическую жизнь. Ироничный оттенок прозвища усиливается благодаря использованию имени Альтрон с почтительным обращением Дон (господин).

Нередко мексиканцы обвиняют Д. Трампа во лжи:

– *Trump **miente** de la manera **mas cínica**...*

– *...ese wey **miente** hasta cuando no hay ninguna necesidad de mentir...*⁸⁷

В мексиканском пользовательском контенте присутствуют многочисленные замечания об умственных способностях Д. Трампа лично и его последователей, что является примером одной из тактик дискредитации «чужого» путем использования ЛПМК. Рассмотрим несколько случаев актуализации ЛПМК с указанной целью:

– *Hasta los **imbeciles** que votaron por Trump que saben eso les vale madres. En **su mente putrefacta** es mas cuestion de mandarle un mensaje a Mexico de que son un pais de indeseables.*⁸⁸

⁸⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/kocjp4/dice_trump_quiero_hacer_lo_que_hace_m%C3%A9xico_ellos/

⁸⁶ coloq. Hombre insignificante o despreciable [DLE: URL]

⁸⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/50sq8/clearly_they_arent_sending_their_best_donald_trump/

⁸⁸ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construcci%C3%B3n_del_muro/

DEM предлагает следующие определения слову *imbécil* с пометкой, что данная лексическая единица является *ofensivo* (оскорбительной): крайне глупый человек, идиот или человек с умственными проблемами⁸⁹ [DEM: URL].

Метафора⁹⁰ «*su mente putrefacta*» используется для усиления дискредитации умственных способностей Д. Трампа, так как языковая прагмема *putrefacto* (гнилой, разложившийся, сгнивший) интенсифицирует ярко-выраженную негативную оценку при использовании данного прилагательного в переносном значении.

– *Trump admitiendo que discutió con Peña Nieto ese tema, en su manera tan estúpida de hablar.*⁹¹

Estúpido, согласно DEM, также используется в высказываниях оскорбительного характера и означает ‘тупой, глупый’. В словаре есть указание, что данное слово может использоваться при выражении раздражения, гнева или пресыщения чем-либо⁹² [DEM: URL]. Именно это значение реализуется в приведенном примере: мексиканцев очень раздражает манера речи Д. Трампа.

– *Siempre fue una broma el señor, pero no quita que ganara la próxima elección.*⁹³

DLE определяет слово *broma* при использовании по отношению к человеку, как того, кто вызывает раздражение⁹⁴ [DLE: URL].

Итак, Д. Трамп, воплощая в себе большинство негативных характеристик «чужого», которые, как правило, выделяются исследователями при рассмотрении данного концепта в различных языковых картинах мира, внушает мексиканцам чувство ненависти, что находит свое отражение в Интернет-коммуникации, ср.:

– *Yo odio a Trump y el partido republicano...*⁹⁵

Внешняя политика, будучи важной составляющей геополитики США, лежит в основе политического курса правящей партии и предопределяет отношения с

⁸⁹ 1 Que carece de inteligencia y sensibilidad; que es torpe; 2 Que carece por completo de inteligencia, que es sumamente tonto, estúpido o idiota; 3 Que es retrasado mental [DEM: URL]

⁹⁰ Троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего нек-рый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в др. класс, либо наименования др. класса объектов, аналогичного данному в к.-л. отношении [ЛЭС 1990: 296].

⁹¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/50sq8/clearly_they_arent_sending_their_best_donald_trump/

⁹² 1 Que es tonto, limitado o torpe; que muestra falta de inteligencia o de ingenio; 2 Expresión ofensiva que manifiesta enojo o hartazgo [DEM: URL]

⁹³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/160qmfv/donald_trump_el_pol%C3%ADtico_e_%C3%ADdolo_de_culto/

⁹⁴ 3. Persona, cosa o situación pesada y molesta [DLE: URL]

⁹⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/160qmfv/donald_trump_el_pol%C3%ADtico_e_%C3%ADdolo_de_culto/

соседними государствами. Приход к власти в 2021 году Дж. Байдена, члена демократической партии, означал изменение отношения к мигрантам. Как было отмечено ранее, именно при Дж. Байдене произошел отказ от слова *alien* при обозначении эмигрантов. Вместо него стало активно использоваться выражение *undocumented individual*. Дело в том, что слово *alien* обладает высоким когнитивно-прагматическим потенциалом в области негативной оценки и способствует восприятию иммигрантов как «чужих», несущих угрозу.

Однако новость о победе Дж. Байдена на выборах была встречена по-разному в официальной мексиканской прессе и социальных сетях. Если в газетах нашла отражение надежда на возобновление диалога между Мексикой и США, то в социальных сетях к смене американского президента отнеслись более сдержанно. Демократов обвиняли в лицемерии и не ждали от них значительных изменений:

– *Como me cagan los Democratas, tanta hipocresia. Son literal los panistas gringos ...*

– *Los dos son mierda, pero Trump es claramente mas mierda que el otro...*

– *No se si un vato con comportamientos medio pedofilos y actividad sospechosa en Ucrania sea mejor que un pinche wey hocicon, misogino y racista.*⁹⁶

Использование ЛПМК с высокой степенью проявленности негативного признака и увеличение их плотности при характеристике Д. Трампа говорит о крайне враждебном отношении мексиканцев к бывшему президенту.

Согласно результатам анализа фактологического материала, в пользовательском контенте представлены негативные образы двух последних президентов США, являющихся воплощением лицемерной политики США, для которых Мексика является лишь разменной монетой. При их характеристике используются разнообразные лексические средства, среди которых преобладает экспрессивно-окрашенная оценочная лексика с отрицательными коннотациями. В контексте реализации стратегии дискредитации при описании «чужого» данные лексические единицы можно отнести к ЛПМК, так как они способствуют росту

⁹⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

напряженности в обществе. Однако конфликтогенная проблематика, связанная с особенностями взаимоотношений между Мексикой и США, а также миграционными процессами, не исчерпывается развитием образа чужого через обращение к личностям американских президентов. События последних лет, в частности пандемия Covid-19 и связанные с ней ограничения, введенные в различных странах, в том числе в США, вызвали новый вид миграции, связанный с переходом специалистов отдельных сфер деятельности на дистанционную форму работы, которая позволяет работать из любого уголка мира. Поток обеспеченных иностранцев, заполонивших Мексику, способствует появлению в мексиканской когнитивной базе новых черт в образе «чужого».

3.1.3. Феномен *Rochos* как проявление кризиса национальной идентичности

Одной из основ мексиканской национальной идентичности является противопоставление себя светлокожим англоговорящим соседям, которые представляют иную культуру и уклад жизни. Однако соседство со значительно более развитой в экономическом плане страной, определило появление в мексиканском обществе особой социальной группы людей, которую местные жители определяют как *rochos*.

Согласно DLE, так называют мексиканцев, которые переняли обычаи и привычки граждан США⁹⁷ [DLE: URL]. DEM предлагает более развернутое определение, согласно которому *rocho* может быть гражданином США с мексиканскими корнями или же мексиканцем, иммигрировавшим в США и говорящим на плохом испанском с использованием заимствований из английского языка⁹⁸ [DEM: URL]. Важным элементом в мексиканском определении данной социальной группы является указание на то, что они не только плохо говорят на испанском, но и не демонстрируют достаточного уважения к нему: «*muestra poco*

⁹⁷ 4. Méx. Dicho de un mexicano: Que adopta costumbres o modales de los estadounidenses [DLE: URL]

⁹⁸ 1 Que descende de mexicanos pero es de nacionalidad estadounidense, o que es mexicano pero emigrado a los Estados Unidos de América y al hablar español introduce anglicismos y muestra poco conocimiento y aprecio de la lengua [DEM: URL]

conocimiento y aprecio» [DEM: URL]. Под *aprecio* при этом понимается признание ценности качеств, свойств, возможностей или достоинств кого-либо или чего-либо⁹⁹ [DEM: URL].

Значение понятия «*rocho*» частично пересекается со значением «*chicano*», которое подразумевает граждан США с мексиканскими корнями¹⁰⁰ [DEM: URL]. В отличие от *rocho* у *chicano* есть и положительная коннотация, а именно отстаивание своего права на культуру и язык и другие социальные права в США.

В связи с тем, что *rochos* воспринимаются мексиканцами как предатели своей культуры, в мексиканском сегменте социальных сетей представлено большое количество постов с обсуждением их поведения, в процессе которого для акцентирования наиболее значимых для говорящего моментов используются многочисленные ЛПМК. Маркеры, которые чаще других применяются в социальных медиа именно для передачи отношения мексиканцев к *rochos*, целесообразно распределить по следующим тематическим группам: отражающие отказ от своей культуры и языка и попытку стать частью иного общества (34,8%); характеризующие *rocho* как врага (6,6%); передающие высокомерное поведение *rocho* по отношению к мексиканцам (7,8%); выражающие негативную оценку по отношению к попыткам *rocho* продемонстрировать свою принадлежность культуре Мексики (12,6%); представляющие собой языковую объективацию чувств, которые испытывают мексиканцы по отношению к *rocho* (13,8%). Оскорбления в адрес *rochos* представляют 16,9% ЛПМК. Прочее – 7,5% ЛПМК.

Рассмотрим данные группы более детально.

1. Наибольшей частотностью и разнообразием выделяются ЛПМК, которые характеризуют отказ *rochos* от своей культуры и языка и попытку стать частью иного общества – 34,8%. Имея мексиканские корни, *rochos* тем не менее относят себя к *gringos* (4,8% ЛПМК – [*EEUU*] *mi país, se cree gringo, se molestaba si le decían mexa* и др.) и ведут себя так, как в их понимании должны вести себя истинные граждане США. Неслучайно мексиканские пользователи отмечают, что

⁹⁹ 2 Reconocimiento del valor de las cualidades, virtudes o capacidades de alguien o de algo [DEM: URL]

¹⁰⁰ Ciudadano de Estados Unidos de América, de origen mexicano, que milita en la defensa de sus derechos sociales, laborales, culturales y lingüísticos como minoría en ese país; que forma parte de esa comunidad o se relaciona con ella

само слово *pocho* – это «*una forma "despectiva" para inmigrante agringado...*»¹⁰¹. Согласно DEM *agringado* относится к просторечиям и используется для описания поведения, имитирующего *gringos*¹⁰² [DEM: URL]. Однако, как бы *pochos* не старались скрыть свою этническую принадлежность, их, по мнению мексиканцев, выдает внешний вид (7,2% от общего числа ЛПМК), ср.:

– *Lo peor es que tenia skin de fedelobo*¹⁰³ *como la mayoria de nosotros jajajaja...*¹⁰⁴

Первым маркером процесса отказа от традиционной системы ценностей в пользу «чужой» является отречение от родного языка, на что указывает уже само определение *pocho*, которое было приведено выше. В DEM есть даже указание, что данное слово может функционировать в выражениях типа *escribir en pocho*, *un anuncio en pocho*, где под словом *pocho* понимается смесь испанского языка с английским¹⁰⁵ [DEM: URL].

Другим названием для смешения английского и испанского языков служит *Spanglish*. Как отмечает В.Т. Парада, некоторые исследователи считают его диалектом или вариантом испанского или английского языка, другие – разновидностью жаргона или сленга, а третьи говорят о рождении нового языка. Однако, несмотря на наличие различных подходов к определению данного лингвосоциокультурного феномена, нельзя отрицать важность и влияние, приобретенные им за последние годы [Parada 2011: 69].

Хотя слово *Spanglish* и не содержит пометок о негативных коннотациях, в мексиканском варианте испанского языка оно чаще всего реализуется в окружении слов с выраженной негативной оценкой. Обладая высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, данная речевая прагмема нередко выступает в Интернет-дискурсе в качестве ЛПМК, ср.:

– *Y luego su puto spanglish, como me reventaba en los huevos...*

¹⁰¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹⁰² (Popular) Cuyo comportamiento adopta o imita costumbres características de los gringos [DEM: URL]

¹⁰³ Federico Díaz Acuña, más conocido como El Fedelobo, es un youtuber mexicano [https://youtube.fandom.com/es/wiki/El_Fedelobo#:~:text=Federico%20D%C3%ADaz%20Acu%C3%B1a%2C%20m%C3%A1s%20conocido,%20ese%20cr%C3%ADticas%20y%20opiniones.]

¹⁰⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹⁰⁵ 2 Mezcla de español con inglés, al hablar o escribir [DEM: URL]

– *Su pinche acentillo y que hablan bien rapido como para lucirse jajajajaa ches mamadores que son...*¹⁰⁶

– *...me caga el spanglish en la tv y en la vida real. Pinche forma de hablar ridícula...*

– *Odio el spanglish en las películas y en la vida...*

– *Spanglish = Pendejo...*¹⁰⁷

Многих мексиканцев раздражает именно то, что, как они считают, *pochos* намеренно говорят на плохом испанском, чтобы подчеркнуть свою принадлежность США (13,2% от общего числа ЛПМК), ср.:

– *Nah wey de siempre los pochos son eso weyes mexas que se van a alla se vuelven mamones*¹⁰⁸ *y hasta se les "olvida" el español...*

– *...pretenden que no hablan bien español...*¹⁰⁹

Отрицательные эмоции вызывает у мексиканцев и то, что *pochos* предпочитают американскую еду мексиканской (3,6% от общего числа ЛПМК):

– *La cocina MEXICANA es una de las mejores del mundo, ellos solo conocen la cocina de pollos de Washington* 🤔...¹¹⁰

В 2023 году много критики обрушилось на представителей молодежной американской группы с мексиканскими корнями «Yaritza y su Escencia» из-за их негативного высказывания по отношению к мексиканской национальной кухне:

– *Es desendiente azteca y tiene toda la cara ancestral y sale con esa mamada de que no le gusta México y nada de ese bello país, en resumen la cagaron...*¹¹¹

Исходя из результатов исследования можно утверждать, что среди важнейших культурных ценностей мексиканцы особо выделяют испанский язык и мексиканскую кухню.

2. К ключевым ЛПМК, используемым при описании поведения *pochos* по отношению гражданам Мексики, относятся слова, передающие их

¹⁰⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹⁰⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/11w1rc4/su_opinion_del_spanglish_en_las_pel%C3%ADculas/

¹⁰⁸ Tonto, estúpido, imbécil [14. Simeónova 2001: 102].

¹⁰⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹¹⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=vjFctbVCj4g>

¹¹¹ <https://www.youtube.com/watch?v=vjFctbVCj4g>

высокомерное, заносчивое поведение (7,8% от общего числа ЛПМК), такие как *aires de superioridad, pretender ser superior, arrogante, alardeo, presumido, humillar*:

– *Vienen a México sintiéndose superiores y humillando a medio mundo...*¹¹²

– *En resumen, ha sido de las personas más presumidas, intolerantes y más desesperantes que he conocido.*

– *el problema siempre es el alardeo, como si esa situación de ahora vivir en gabacholandia y ganar en dolares te hiciera mejor persona.*¹¹³

В понимании мексиканцев, *rochos* позиционируют себя выше них, так как живут в США и получают зарплату в долларах. Они ведут себя с мексиканцами высокомерно и пренебрежительно, унижая их чувство собственного достоинства.

3. ЛПМК, характеризующие *rocho* как врага (6,6%): *enemigo, xenofobo, tratar mal a los mexicanos.*

Отличительной чертой *rochos* является их демонстративно пренебрежительное отношение к мексиканцам. Доказывая «превосходство» *gringos*, *rochos* заходят иногда так далеко, что их обвиняют в ксенофобии и называют худшими врагами мексиканцев, а так не называют даже *gringos*:

– *Los Pochos son los verdaderos enemigos de México....claro.*¹¹⁴

– *...lo que mas se odia, que son los que peor tratan otros mexicanos ...*¹¹⁵

– *Cuando fui a San Antonio, el peor grupo de personas que me topé ahí fueron los mismos mexicanos...*¹¹⁶

Отмечается, что некоторые *rochos* поддерживают «антимиграционную» идеологию Д. Трампа, что рассматривается мексиканцами, как предательство:

– *Es como un negro que se pone una manta blanca y una máscara puntiaguda para apoyar el KKK, quizá pueda verse igual que todos los demás con el traje encima pero a fin de cuentas sigue siendo de piel negra...*¹¹⁷

¹¹² <https://www.youtube.com/watch?v=vjFctbVCj4g>

¹¹³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹¹⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/104c1p2/pochos_be_like/

¹¹⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹¹⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹¹⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/3eqm7h/c%C3%B3mo_te_sientes_acerca_de_otros_hispanos/

Под аббревиатурой ККК в данном фрагменте подразумевается Ку-клукс-клан (Ku Klux Klan) – террористическая организация, основанная в 1865 г. в США, целью которой было «не допустить равенства белых и негров»¹¹⁸.

4. К следующей группе можно отнести ЛПМК, **выражающие негативную оценку по отношению к попыткам rochos продемонстрировать свою принадлежность к культуре Мексики** (12,6% от общего числа ЛПМК), т.к. они, ничего не зная об этой стране, как считают мексиканцы, берутся рассуждать о ее внутренней политике, обычаях, традициях и т.д.

К ключевым понятиям, объединяющим ЛПМК в данном случае можно отнести слово *ignorancia* (6% от общего числа ЛПМК), которое, согласно DEM, означает невежество, отсутствие знаний о чем-либо¹¹⁹ [DEM: URL]. Интересно отметить, что при объяснении гражданину США, имеющему мексиканские корни, почему мексиканцы не любят rochos, внимание фокусируется именно на этой их черте, причем многие мексиканцы намеренно переходят на английский язык, показывая тем самым, что испанский уже не является для них общим языком:

– *I don't like them. They think they know better than us, and I've seen them blaming other people for cultural appropriation and stupid things like that, they say things like "This is our culture" when they don't even know what crotolamo is or they don't even know they smell of obo.*¹²⁰

Желание некоторых rochos подчеркнуть свои мексиканские корни, следуя моде «*de ser latino*», также подвергается негативной оценке (6,6% от общего числа ЛПМК), так как лишь усиливает стереотипы о Мексике и является всего лишь карикатурой на страну: «*una caricatura de los países que dejaron atrás*».¹²¹

5. Отдельную группу ЛПМК представляют собой **лексические единицы, объективирующие чувства, испытываемые мексиканцами по отношению к rochos** (13,8% от общего числа ЛПМК): *odio, arto, asco, molestar, cagar, desesperante, insoportables*. Значительной частотностью выделяются выражения,

¹¹⁸ [БПЭ: URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2120002]

¹¹⁹ Situación o estado del que desconoce o no sabe alguna cosa; falta de conocimiento de algo [DEM: URL]

¹²⁰ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/oykxhb/what_do_mexicans_born_and_living_in_mexico_think/

¹²¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

указывающие на то, что к *pochos* плохо относятся и в Мексике, и в США, что они везде чужие, ср.:

– *No logran conectar del todo con los americanos por que los rechazan. Ni siquiera con los mexicanos por que se volvieron a otras costumbres. La neta me dan mucha pena, son huérfanos culturales.*¹²²

– *...nunca seran lo suficiente mexicanos para ser aceptados por los mexicanos ni lo suficientemente gringos para ser aceptado por los gringos.*¹²³

Следует отметить также наличие обценной и сниженной лексики оскорбительного характера, направленных на *pochos*: 16,9% от общего числа ЛПМК (из которых 2,4% указывают на их низкие умственные способности).

Рассмотрим наиболее частотные и обладающие высоким когнитивно-прагматическим потенциалом группы ЛПМК, представленные в социальных медиа при описании *pochos*:

Отказ от своей культуры и попытка стать частью иного общества	34,8% (отказ от родины – 6%, считают себя <i>gringos</i> - 4,8%, отказ испанского языка – 13,2%, отказ от мексиканской кухни – 3,6%, внешний вид, выдающий их корни – 7,2%)
Высокомерное поведение	7,8%
Враги	6,6%
Негативная оценка попыток <i>pochos</i> продемонстрировать свою принадлежность к культуре Мексики	12,6% (стереотипное представление о жителях Латинской Америки – 6,6%, невежество – 6%)
Языковая объективация чувств мексиканцев	13,8%
Ругательства и оскорбления	16,9%
Прочее	7,5%

Таблица 2. Частотность использования ЛПМК, описывающих *pochos* в социальных медиа.

Таким образом, среди ключевых слов и повторяющихся оценок по отношению к *pochos* наиболее частотными можно назвать следующие: *verdadero enemigo, odio, aire de superioridad, puto Spanglish, ignorancia*.

¹²² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹²³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/137obyp/mexicanos_y_pochos_be_like/

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что архетипическая бинарная оппозиция «свой – чужой» претерпела определенные изменения в процессе формирования мексиканской национальной идентичности. Дихотомия «mexicano/latino – gringo/angloparlante» дополнилась промежуточным членом, в роли которого выступил не положительный образ «чужого» - «другого», а крайне отрицательный образ «своего», сознательно отказавшегося от родного языка, истории и культуры, принявшего ценности чужого народа. Превращение дихотомии «свой – чужой» в градуальную трехчленную систему в данном случае может говорить о тех трудностях, с которыми столкнулись мексиканцы в связи с миграционными процессами, проходящими не только в их географическом ареале, но и во всем мире, а также о проблемах, сопряженных с эволюцией национальной идентичности в современную эпоху.

Этнические конфликты являются закономерным результатом миграционных процессов, происходящих в обществе. Взаимодействие представителей разных культур нередко приводит к непониманию, раздражению и росту социального напряжения, что находит свое отражение как в официальных СМИ, так и в пользовательском контенте. Однако если тематика конфликтогенных публикаций в СМИ и социальных медиа в мексиканском информационном поле миграции во многом пересекается, то в отношении объектов иллокуции негативно-оценочных высказываний наблюдается важное различие: в социальных медиа в аспекте оппозиции «свой – чужой» помимо *lo anglo* (67,6% ЛПМК) появляется - *rocho*, на долю которого приходится 32,4% от всех выявленных в социальных медиа ЛПМК. В традиционных СМИ социокультурный феномен *rocho* не находит своего отражения.

Изучение ЛПМК помогает не только лучше понять национальную специфику языковой объективации образа «чужого» в условиях межкультурной коммуникации, но и определить наиболее важные для данного социума конфликтогенные темы и проблемы.

3.2 Типы лексических прагматических маркеров конфликтогенности в мексиканских и американских испаноязычных традиционных и социальных медиа

В современном обществе информация поступает через различные каналы коммуникации, включающие не только традиционные и сетевые СМИ, но и социальные медиа, представленные различными видами пользовательского контента и комментариями к освещаемому событию или новости. Согласно результатам проведенного исследования языковой инструментарий, используемый мексиканскими традиционными СМИ, значительно отличается от того, к которому прибегают в социальных медиа, что обусловлено не только цензурой, но и разной целевой аудиторией, а также прагматической установкой авторов постов и комментариев, нередко направленной как на поиск поддержки «своих», так и критики «чужих». Вместе с тем и традиционные СМИ, и социальные медиа активно обращаются к ЛПМК в целях формирования общественного мнения и повестки дня.

3.2.1. Реализация лексических прагматических маркеров конфликтогенности в СМИ Мексики и США

В официальных СМИ Мексики и США в качестве лексических прагматических маркеров конфликтогенности реализуются как *слова, изначально имеющие негативную коннотацию* (Группа 1), так и *нейтральная лексика, которая приобретает негативную окраску в контексте* (Группа 2).

Группа 1 представлена Подгруппой 1.1. *Инвективная лексика* и Подгруппой 1.2. *Неинвективная негативно-оценочная лексика*.

Инвективная лексика выделяется среди вербальных средств проявления агрессии, так как ее использование в речи воспринимается в качестве словесной атаки, направленной на личное или заочное унижение или оскорбление собеседника, занимающего другую позицию или относящегося к «они-группе» по

какому-либо признаку. В то время, как одни ученые (В. Перес Родригес, К. А. Уэртас Абрил 2017, А.Ю. Серебрякова 2021 и др.) понимают под инвективной лексикой наряду с собственно бранными словами дисфемизмы, ироничные замечания, пейоративные метафоры и др., другие придерживаются более узкого подхода и практически приравнивают понятие инвективы к обсценной лексике. Например, Г.Н. Салимова и Р.А. Газизов рассматривают инвективную лексику как вербальное нарушение коммуникативных табу, т.е. использование запрещенных слов и выражений. В то же время авторы отмечают, что наличие объекта/субъекта, который является мишенью для оскорбления, отличает инвективную лексику от экспрессивной, служащей для выражения чувств адресанта, и выделяют два типа инвективной лексики: эксплетивную (направленную на ситуацию и используемую для выражения эмоций) и агрессивную (направленную на другого человека) [Салимова 2016: 351].

В настоящей работе, исходя из целей исследования, инвективная лексика не приравнивается к обсценной. В состав лексических маркеров оскорбительного характера, способствующих развитию конфликта, включаются, помимо *обсценной лексики, сниженная лексика и литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности*¹²⁴. Как отмечают некоторые исследователи (Е.П. Белинская 2018, А.Ю. Серебрякова 2021 и др.), в текстах СМИ и социальных сетей, где главными актантами являются «друг» и «враг», регулярно проявляются характерные для виртуальной коммуникации негативные когнитивные искажения, в частности, категорический отказ от компромисса и радикализация, что детерминирует использование языковых прагмем с негативной коннотацией. В то же время, ряд авторов подчеркивает особую роль подобных экстремальных форм оценочных суждений о человеке, так как их эмоционально-экспрессивная семантика четко иллюстрирует систему ценностей конкретного лингвокультурного сообщества и позволяет выявить основные группы пороков, осуждаемых в нем [Позолотин 2005: 3; Заворотичева 2010: 35].

---

¹²⁴ «Нормативная лексика, выражающая отрицательную оценку лица в презрительной модальности ... Подкласс литературных слов, которые могут оскорбить человека» [Алишева 2014: 97].

Группа 1. Слова, изначально имеющие негативную коннотацию

Подгруппа 1.1. Инвективная лексика

1.1.1. Обсценная лексика (не выявлена)

1.1.2. Сниженная лексика оскорбительного характера (не выявлена)

*1.1.3. Литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной
модальности*

Опираясь на итоги проведенного исследования, можно утверждать, что в официальных СМИ Мексики и испаноязычных СМИ США при описании «чужого» не используются прямые оскорбления (обсценная и сниженная лексика оскорбительного характера). Что касается литературной лексики с отрицательной оценкой в презрительной модальности, то с ее помощью чаще всего подвергаются критике такие черты характера политиков США, как *лицемерие* (5,5% выявленных в СМИ ЛПМК), *высокомерие* (2,2%), *безразличие* (1,9%). Иногда для реализации прагматической установки автора привлекаются ЛПМК, имплицитно вводящие такие характеристики, как ‘дурак’, ‘тупица’, ‘обманщик’, ‘самовлюбленный тип’, но не обладающие столь выраженной эмоционально-экспрессивной окраской.

Например, мексиканская газета «Excelsior» отреагировала на высказывание Дж. Н. Кеннеди, сенатора – республиканца из США, о том, что без США мексиканцы бы ели кошачью еду и жили бы в палатках на заднем дворе, следующим высказыванием:

– *Entonces, a nosotros no nos ofende, solamente subraya lo **ignorante** y **pequeño** que es; y no va a tener ningún éxito en ese tipo de cosas porque Estados Unidos necesita a México.*¹²⁵

Использование подобных лексических единиц не характерно для мексиканского медиадискурса в силу низкого индекса его конфликтотензионности, обусловленной особенностями национального коммуникативного стиля, о чем уже упоминалось ранее в настоящей работе. Примечательно, что обращение к иносказанию и завуалированной критике при выражении

¹²⁵ <https://www.excelsior.com.mx/nacional/sin-eu-mexicanos-comerian-comida-para-gatos-y-vivirian-en-una-carpa-john-kennedy/1586546>

недовольства, а также явное предпочтение, которое отдается существительным, а не прилагательным (что предполагает косвенную, а не прямую характеристику объекта через некое дистанцирование от него) в определенной мере можно объяснить желанием мексиканцев сохранить лицо адресата. Рассмотрим несколько случаев, в которых политики США представляются лицемерными и высокомерными:

– *Esta indolencia contrasta con la arrogancia y los aires de superioridad moral con que Washington exige al resto del mundo que se haga cargo de destruir las cadenas de producción y trasiego de estupefacientes destinados al mercado estadounidense...*¹²⁶

– *Esta hipocresía hace pensar que, al menos en parte, lo que está en juego aquí es la hegemonía global más que una cuestión de valores...*¹²⁷

Использование литературной лексики с отрицательной оценкой в конфликтной и презрительной модальности помогает авторам данных статей не только выразить своё мнение по поводу двойных стандартов США, подчеркнув конфликтогенный характер их политики по отношению к другим странам, но и дать оскорбительную характеристику руководству страны.

В предложенном ниже фрагменте встречается прямое оскорбление приезжих граждан США, которые работают дистанционно, воспринимая Мексику как курорт. Автор листовки, о распространении которой сообщается в мексиканском издании онлайн газеты El Imparcial, сравнивает цифровых кочевников с вредителями, с самой настоящей напастью и говорит, что местные их просто ненавидят: «¿Nuevo en la ciudad? ¿Trabajo remoto? Tú eres una **maldita plaga** y los **locales te odian. Vete**»¹²⁸

¹²⁶ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/02/15/editorial/armas-de-fuego-la-indolencia-de-eu-4495>

¹²⁷ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2022/06/22/economia/como-puede-eu-perder-la-nueva-2018guerra-fria2019-joseph-e-stiglitz-9941>

¹²⁸ <https://www.elimparcial.com/mexico/VIRAL-Mensaje-contra-extranjeros-en-colonia-Roma-desata-polemica-en-CDMX-y-redes-20220607-0300.html>

Интересно, что изначально указанная листовка была написана не на испанском, а на английском языке, т.к. мексиканцы, зная, что американцы плохо владеют испанским языком, как правило, стараются при общении с чужаками переходить на английский язык, если хотят, чтобы те их правильно поняли.

Важно также отметить, что если в листовке на английском языке встречается общенная лексика, то при передаче содержания листовки на испанском языке, автор газетной статьи избегает использования указанных средств. Это объясняется не только низким индексом конфликтности мексиканского коммуникативного стиля, но и ограничениями, которые должны соблюдать официальные новостные источники.

Призыв покинуть Мексику и отправиться домой содержится и в следующей цитате, которая приводится в газете «Milenio». Примечательно, что это слова на английском языке выкрикнул один из мексиканцев на церемонии празднования Natalicio de Benito Juárez “Benemérito de las Américas”:

– *¡Yankee go home!*¹²⁹

В данном случае имеет место актуализация одного из тех ЛПМК, которые иногда используются для обозначения англоговорящих чужаков с севера. Однако в отличие от слова *gringo*, данная лексическая единица не представлена ни в DEM, ни в DLE. Оксфордский толковый словарь дает следующее определение данного слова: ‘житель северной или северо-восточной части США или же оскорбительное

¹²⁹ <https://www.milenio.com/politica/yankee-go-home-el-dia-en-que-un-gringo-estuvo-en-guelatao>

название для всех американцев'¹³⁰. Привлекает внимание и тот факт, что указанное выражение имеет статус идиоматического, его возникновение восходит к 60-м годам XX века, когда кубинцы протестовали против размещенных у них на базе в Гуантанамо американских войск.

В целом картина реализации инвективной лексики в СМИ Мексики довольно сдержанная и не отличается разнообразием: обценная лексика и сниженная лексика оскорбительного характера отсутствуют, а с помощью литературной лексики с отрицательной оценкой в презрительной модальности, как правило, передаются значения 'высокомерия' и 'лицемерия'.

Подгруппа 1.2. Неинвективная негативно-оценочная лексика

В работах современных исследователей (Н.Р. Гейко 2013, А.В. Григорьева, Л.В. Шмакова, Т.Б. Яковлева 2021 и др.) отмечается, что использование слов и выражений, в которых уже на семантическом уровне заложена неодобрительная характеристика людей, событий, действий и др., характерно для современных СМИ, так как они придают новостным публикациям большую выразительность и позволяют воздействовать на эмоции читателей. Со своей стороны Е.Н. Басовская подчеркивает тот факт, что применение подобных негативизмов (лексических единиц с отрицательной коннотацией) способствует созданию общей агрессивной тональности в современном медиадискурсе [Басовская 2017: 123].

Все ЛПМК из Подгруппы 1.2. можно отнести либо к *словам и выражениям с негативными коннотациями (1.2.1.)*, либо к *ЛПМК, входящим в состав метафор и образных сравнений с негативными ассоциациями (1.2.2.)*.

1.2.1. Слова и выражения с негативными коннотациями

Рассмотрим следующие высказывания, где с помощью ЛПМК не только передается прямое беспокойство по поводу низкой покупательной способности населения и сильного, до исторического минимума, падения курса песо, что само по себе уже является серьезной проблемой, влияющей на жизнь мексиканцев, но и имплицитно передается указание на связь между ростом песо и появлением в

¹³⁰ <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/yankee>

Мексике большого количества граждан США, работающих дистанционно и получающих заработную плату в долларах (что делает их покупательскую способность выше, чем у мексиканцев):

– *Pero la **preocupación** va más allá de la compra-venta y la **depreciación del peso**, que ha caído a un mínimo histórico de más de 20 unidades por dólar.*¹³¹

– *Eso sí, conforme ha aumentado el número de estadounidenses en la ciudad, también **han subido los precios**.*

– *Yo vi esta ciudad cuando no había nada y ahora ves estos **precios increíbles** y es como ¿cómo? Pero siempre **hay alguien dispuesto a pagar**...*¹³²

Использование ЛПМК *alguien* в последнем высказывании способствует передаче негативного отношения жителей Мексики к гражданам США как к чужакам. Тот факт, что «те, кто готовы платить», не называются прямо, говорит о том, что мексиканцам абсолютно ясно, о ком идет речь в данном случае, так как платежеспособность является характерной чертой образа gringo.

Для передачи атмосферы страха и роста социальной напряженности в медиадискурсе используются также различные лексические единицы, относящиеся к тем же синонимическим рядам, что и слова *miedo*, *tensión* и др. Увеличение плотности подобных ЛПМК приходится на 2016 год, когда ожидался приход к власти в США Д. Трампа, ср.:

– *El **miedo** crece a ambos lados de la frontera...*

– *Acusó a Trump de haber creado "**mucha tensión** entre ambas naciones"...*

– *La esposa de Federico es estadounidense, y ... tiene **pavor** a que crezca la **animadversión** hacia ella, y hacia al millón de estadounidenses que se calcula hay en México.*¹³³

Через использование прагмемы *pavor* автор достигает усиления интенсивности высказывания: граждане США испытывают не просто страх, а настоящий ужас из-за роста враждебности среди мексиканцев по отношению к ним.

¹³¹ <https://www.trt.net.tr/espanol/espana-y-america-latina/2016/11/09/estadounidenses-en-mexico-preven-un-negro-futuro-tras-la-victoria-de-trump-607153>

¹³² <https://www.nytimes.com/es/2022/07/29/espanol/estadounidenses-mexico.html>

¹³³ <https://www.trt.net.tr/espanol/espana-y-america-latina/2016/11/09/estadounidenses-en-mexico-preven-un-negro-futuro-tras-la-victoria-de-trump-607153>

Как было отмечено ранее, внешняя политика США оказывает серьезное влияние на жизнь в Мексике. К примеру, даже введение маркировки «Product of USA» (Сделано в США) было встречено мексиканцами крайне негативно и расценено как дискриминационное действие по отношению к ним, ср.:

– *“Product of USA” ... este etiquetado es **discriminatorio** y ocasionaría **graves impactos** a la producción pecuaria nacional.*¹³⁴

Нельзя не отметить, что ЛПМК, как уже было упомянуто выше, активно реализуются в мексиканской прессе в тех текстах, которые содержат критику американской политики по отношению к мигрантам из Латинской Америки и, конечно, строительства стены на границе, что способствует росту негативного восприятия могущественного соседа, не соблюдающего права человека, ср.:

– *Ante este panorama, pidieron al gobierno federal no repetir “los mismos **errores** y volver a permitir **incalculables impactos** en la salud física y emocional de quienes huyen de su país para salvar su vida”*¹³⁵

– *Defensores de los migrantes criticaron el viernes las políticas de asilo del presidente Joe Biden, pues consideraron que las expulsiones en la frontera entre Estados Unidos y México y otras medidas disuasorias eran “**cruelles, ilegales e ineficaces**”.*¹³⁶

Миграционная политика США вызывает резкое отторжение у жителей Мексики. Ситуацию усугубляет то, что она приводит к многочисленным смертям, в том числе и детским, в местах содержания мигрантов («*bajo custodia de Estados Unidos*», «*bajo jurisdicción de las autoridades estadounidenses*»¹³⁷).

Среди ЛПМК, используемых СМИ для характеристики действий США в отношении Мексики, выделяется глагол «*chantajear*», который характеризуется ярко выраженной негативной окраской и высоким прагматическим потенциалом в плане выражения конфликтности.

– *...la aspirante presidencial de PRI, PAN y PRD, Xóchitl Gálvez, pidió a Washington que “no sean **omisos**” en torno a la democracia en México y no se dejen*

¹³⁴ <https://www.excelsior.com.mx/nacional/ganaderos-mexicanos-van-contra-etiquetado-product-usa/1634720>

¹³⁵ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/08/13/sociedad/mexico-complice-de-violacion-a-dh-de-migrantes-acusan-organizaciones/>

¹³⁶ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2021/08/13/mundo/expulsiones-de-migrantes-en-eu-son-cruelles-e-ineficaces-alertan-activistas-6773>

¹³⁷ <https://www.excelsior.com.mx/global/muere-nina-migrante-de-guatemala-bajo-custodia-de-eu/1597232>

“*chantajear*” por el gobierno del presidente Andrés Manuel López Obrador con el tema migratorio.¹³⁸

В следующем фрагменте автор приводит слова Д. Трампа, указывая на излюбленную стратегию США – диктовать свои условия:

– *Tenemos un tremendo poder económico... si China o algún otro país se está comportando mal, tenemos cosas llamadas aranceles*¹³⁹.

Данная особенность политики gringos реализуется не только при помощи увеличения пошлин, но и путем использования военной силы. Как пишет мексиканская пресса, Вашингтон постоянно ищет поводы и оправдания для своего военного вмешательства, ср.:

– *...la dirigencia estadounidense la presenta como una confrontación entre la democracia y el autoritarismo, lo cual resulta sospechoso, sobre todo cuando esa misma dirigencia corteja activamente a un violador sistemático de los derechos humanos como Arabia Saudita*¹⁴⁰.

– *Ante la superioridad militar rusa en el frente, la OTAN ha optado por el terrorismo puro y duro...la OTAN se prepara para tratar de vencer a Rusia y de paso busca justificar el incremento del gasto militar en los países miembros y la política de militarización de las relaciones internacionales*¹⁴¹.

Как следует из анализа материала, большинство негативизмов используются в СМИ не для прямой характеристики gringos, а для описания ситуации, которую они провоцируют. Таким образом, отношение к «Чужим», как правило, передается имплицитно и опосредованно. Среди наиболее частотных ЛПМК можно выделить следующие: *preocupación, precios increíbles, miedo, tensión, discriminación, peligro, migrantes vulnerables, graves impactos, racismo*.

¹³⁸ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/02/07/politica/pide-galvez-a-eu-no-dejarse-chantajear-con-tema-migratorio-4885>

¹³⁹ <https://www.excelsior.com.mx/global/trump-derogar-orden-biden-cerrar-frontera-mexico/1656163>

¹⁴⁰ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2022/06/22/economia/como-puede-eu-perder-la-nueva-2018guerra-fria2019-joseph-e-stiglitz-9941>

¹⁴¹ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/05/13/opinion/la-otan-y-rusia-escalen-la-guerra-5066>

*1.2.2. ЛПМК в составе метафор и образных сравнений
с негативными ассоциациями*

В силу своей природы метафора является идеальным средством для СМИ, позволяя добиваться определенного прагматического эффекта через высокую образность и экспрессивность. По мнению И.О. Окуневой, авторская оценка рассматриваемого вопроса, дополняясь фоновыми знаниями читателей и порождаемыми ассоциативными связями, передает «идеологические, социальные и культурные ценности и нормы» общества [Окунева 2010: 135]. В то же время конфликтотенная природа миграционного дискурса обуславливает выбор определенного типа метафор, при помощи которого создается образ врага.

Так, огромное количество туристов из США, приезжающих в Мексику и остающихся в ней жить, чаще всего сравнивается с неуправляемой стихией.

– *La avalancha de visitantes estadounidenses comenzó en serio alrededor de 2016...*¹⁴²

– *Estamos viendo a los estadounidenses inundando...*¹⁴³

В связи с большим числом приезжающих в Мексику американцев, мексиканцы нередко сравнивают их со снежной лавиной или наводнением, потоком, несущим угрозу и сметающим все на своем пути. Интересно отметить, что подобное овеществление многими исследователями рассматривается в качестве когнитивной метафоры [Лугуева 2016: 134]. Разграничение разных видов и типов метафор не находится в фокусе внимания настоящей работы, однако представляет несомненный интерес и может выступить одной из перспектив для дальнейшего исследования.

Согласно мексиканским СМИ, угрозу жителям Мексики, их стране и культуре несет в себе не только большой поток светлокожих иностранцев с высокой покупательной способностью, но и внешняя политика США в отношении мигрантов. Так, действия администрации Д. Трампа по отношению к мексиканцам

¹⁴² <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

¹⁴³ <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

воспринимались ими как нападение, а его возможная победа на следующих выборах сулит обострение отношений между США и Мексикой, ср.:

– *Porque el mexicano tiene que reaccionar al **ataque** que nos están haciendo.*¹⁴⁴

– *Estadounidenses en México preven un **negro futuro** tras la victoria de Trump.*¹⁴⁵

Важно отметить: в то время как США обвиняют Мексику в наркотрафике и росте преступности, в мексиканской прессе присутствуют указания на то, что это именно США со своими законами об оружии и его производстве в больших количествах вкладывают это оружие в руки мексиканских преступников, ср.:

– *El presidente Andrés Manuel López Obrador afirmó que en lo que va del sexenio se han decomisado 50 mil armas que han ingresado ilegalmente desde Estados Unidos, país de donde viene 70 por ciento de éstas que utiliza el crimen organizado en México. Pese a su magnitud, esta cifra representa una pequeña parte del parque que fabricantes y distribuidores estadounidenses **ponen en manos de la delincuencia mexicana.***¹⁴⁶

– *...los fabricantes de armamento estadounidense diseñan y comercializan muchos de sus productos **teniendo en mente a la delincuencia como clientela**...*¹⁴⁷

Среди образных сравнений, используемых в мексиканских СМИ, преобладают отсылки к прошлому США, когда ковбои загоняли и били плетьюми темнокожих рабов, к которым относились так же бесчеловечно, как и к нелегальным мигрантам, не имеющим в США никаких прав, ср.:

– *...lo que presenciamos fue **peor** que lo que pasó durante la época de la esclavitud: otra vez vaqueros, con sus riendas, azotando a personas negras, haitianas, que todo lo que están tratando de hacer es escapar de la violencia que viven en su país.*¹⁴⁸

Фотографии американцев с хлыстами на лошадях вызывают у мексиканцев отвращение из-за появляющихся у них ассоциаций. Для их описания нередко используется метафора, уже закрепившаяся в языке в виде фразеологизма [Испанско-русский фразеологический словарь 1985: 142]:

¹⁴⁴ <https://www.trt.net.tr/espanol/espana-y-america-latina/2016/11/09/estadounidenses-en-mexico-preven-un-negro-futuro-tras-la-victoria-de-trump-607153>

¹⁴⁵ <https://www.trt.net.tr/espanol/espana-y-america-latina/2016/11/09/estadounidenses-en-mexico-preven-un-negro-futuro-tras-la-victoria-de-trump-607153>

¹⁴⁶ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/02/15/editorial/armas-de-fuego-la-indolencia-de-eu-4495>

¹⁴⁷ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/02/15/editorial/armas-de-fuego-la-indolencia-de-eu-4495>

¹⁴⁸ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/09/24/politica/por-deportaciones-inhumanas-dimite-enviado-de-eu-a-haiti/>

– *Las imágenes revuelven el estómago.*¹⁴⁹

Обобщая итоги исследования, можно сделать вывод о том, что метафоры и образные сравнения, содержащиеся в своем составе ЛПМК, используя для передачи *негативных ассоциаций и коннотаций*, являются активным средством категории конфликтности и широко используется в СМИ Мексики и испаноязычных СМИ США. Среди реализуемых в медиапространстве метафор присутствуют как универсальные (общечеловеческие) метафоры, так и метафоры, обладающие национальной спецификой.

Примечательно, что если инвективные ЛПМК помогают раскрыть те качества характера, к которым отрицательно относится то или иное общество, то неинвективные маркеры в значительной мере способствуют определению тех причин, которые вызывают рост социальной напряженности.

Группа 2. Нейтральная лексика, которая приобретает негативную окраску в контексте (контекстуальные ЛПМК).

Раскрытие возможностей нейтральной лексики в ракурсе конфликтности в значительной мере зависит от контекста, способствующего усилению их КПП. Так, в понимании Н.В. Осколковой, любой неконфликтный текст может стать конфликтным в определенной ситуации общения [Осколкова 2008: 35]. Данную позицию отстаивают и многие другие исследователи. В частности, по мнению А.Е. Босова, «возможность порождения языкового конфликта заложена в особенностях использования тех или иных единиц языка в тексте», что позволяет говорить о прескриптивной сущности конфликтности наряду с идеологизацией [Босов 2009: 10–12]. Потенциальная способность текста быть конфликтным реализуется при определенных условиях точно так же, «как валентность химического элемента в соединении приобретает значение, отличное от нуля», считает автор [там же]. В.С. Третьякова, в свою очередь, отмечает, что помимо явных (эксплицитных) признаков речевого конфликта, в коммуникативном акте можно выделить такие, которые выявляются «на основе

¹⁴⁹ <https://www.jomada.com.mx/noticia/2021/09/21/mundo/exige-senado-de-eu-a-biden-detener-201cxenofobas201d-deportaciones-de-haitianos-4561>

сопоставления языковых и речевых структур с коммуникативным контекстом и определяются по тому психологическому и эмоциональному эффекту, который возникает у участников коммуникативного акта» [Третьякова 2003: 147]. Таким образом, анализ речевого конфликта не стоит ограничивать рассмотрением только его лингвистической стороны, он требует к себе междисциплинарного подхода.

Исходя из логики исследования, рассмотрим функционирование ЛПМК в контекстах различной тематики: *социально-экономической, политической, лично-ориентированной, этнокультурной*. Однако необходимо принимать во внимание то, что тематика публикаций часто пересекается, предполагая определенную условность в выделении того или иного вида тематического контекста. Речь идет скорее о доминировании одной проблематики над другими. Важно отметить, что лично-ориентированный контекст характерен, прежде всего, для пользовательского контекста, а не для официальных СМИ из-за их направленности на широкую аудиторию и отсутствия прямой межличностной коммуникации.

2.1. Социально-экономический контекст

Социально-экономические факторы играют большую роль в жизни населения, что обуславливает активное обращение мексиканских и испаноязычных американских СМИ к данной проблематике. В статьях, посвященных таким проблемам, как рост цен, джентрификация, социальное неравенство и др., активно реализуются нейтральные лексические единицы, которые приобретая в данном контексте негативные коннотации, начинают выполнять функции маркеров конфликтности.

– *La **gentrificación** ha sido un **descontento** que muchos mexicanos exponen día con día, pues **acusan** que la llegada de **extranjeros** en busca de establecerse en **nuestro país** empieza a ser un **problema** al generar **aumento de costos** en viviendas.*¹⁵⁰

¹⁵⁰ <https://www.milenio.com/virales/mexicanos-enojados-porque-salsas-ya-no-pican-culpan-a-extranjeros>

– ... los efectos de la **gentrificación** que **obliga** a cientos de familias capitalinas a **desplazarse a la periferia** de la ciudad en perjuicio de su calidad de vida, **ante la llegada de estos nuevos turistas con poder adquisitivo mayor** ...¹⁵¹

Если такие ЛПМК, как *problema* (проблема), *aumento de costos* (рост цен), *descontento* (недовольство) и др., изначально можно рассматривать в свете неинвективной лексики с негативно-оценочными коннотациями, то слова подобные *gentrificación* (джентрификация), *turista* (турист), *desplazarse* (перемещаться, переезжать) приобретают негативную окраску, только будучи погруженными в данный случай в социально-экономический контекст. Так, слово *gentrificación*, имея значение реконструкции и благоустройства городских районов, содержит положительно-окрашенную коннотацию. Однако для мексиканцев этот процесс приобретает негативный смысл и превращается в большую проблему, так как они вынуждены переезжать из своих домов на окраину города из-за стремительного роста цен. Отдельного внимания в рамках настоящего исследования заслуживает использование ЛПМК *nuestro país*, который обладает очень высоким КПП в контексте дихотомии «свой – чужой», так как для мексиканцев он несет в себе протест против доминирования граждан США в их родной Мексике. Актуализации прагматического потенциала данного словосочетания в рассматриваемом контексте способствует оппозиция *nuestro país* – *extranjeros*, которая подчеркивает растущую конфликтность ситуации в стране, а также прямо указывает на стороны конфликта.

– **#mexicoissocheap** se ha hecho viral en redes, debido a que muchos alegan que México es **muuy barato** para los extranjeros y por eso se mudan a vivir aquí.¹⁵²

Данный хэштег¹⁵³ стал особо значимым в контексте взаимоотношений между гражданами США и Мексики. Мексиканцы испытывают сильное раздражение из-за сложившейся ситуации, так как для них жизнь в Мексике не является дешевой, а благодаря гражданам США она становится еще дороже. Таким образом,

¹⁵¹ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2023/10/23/capital/sector-turistico-de-la-cdmx-se-recupera-nathalie-desplas-5781>

¹⁵² <https://www.infobae.com/america/mexico/2022/06/07/el-mensaje-sobre-los-extranjeros-en-la-colonia-roma-que-desato-un-debate-en-tiktok/>

¹⁵³ ключевое слово или фраза, привлекающие большее количество пользователей к обсуждению какого-либо события, явления и др. в социальных медиа

выражение, имеющее позитивную окраску, превращается в ЛПМК, используемый большим количеством возмущенных мексиканцев в качестве хэштега, что говорит о высокой степени социальной напряженности в этой сфере.

Еще одним выражением, которое изменило свою коннотативную окраску, можно считать контекстуальный ЛПМК «иметь привилегии», ср.:

– ...*migrante estadounidense en México, tiene "muchos más privilegios" que los mexicanos que emigran a Estados Unidos...*¹⁵⁴

В мексиканских СМИ постоянно высказывается недовольство двойными стандартами, которые применяют по отношению к ним США, и теми привилегиями, которыми пользуются американцы в Мексике. В данном контексте нейтральное слово *privilegio* (привилегия), тяготеющее к положительной оценочной зоне, превращается в ЛПМК, передающий раздражение и указывающий на конфликтную ситуацию.

Согласно результатам анализа, социально-экономический контекст играет большую роль в раскрытии когнитивно-прагматического потенциала нейтральных и положительно окрашенных лексических единиц, которые при получении негативных коннотаций и имплицитных смыслов способны превращаться в ЛПМК.

2.2. Политический контекст

В мексиканских и испаноязычных американских СМИ широко представлены статьи на политическую тематику, интервью политических деятелей и экспертов, публикации колумнистов. Проблемы, связанные с миграционными процессами, остаются в зоне повышенного внимания мексиканского общества. Рассмотрим некоторые случаи реализации нейтральной лексики, которая приобретает характеристики ЛПМК в политическом контексте.

– *Es responsabilidad de Washington regular el comercio de armas y ser tan estricto con lo que sale de su territorio como es, o pretende serlo, con lo que ingresa en él.*¹⁵⁵

¹⁵⁴ <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-48998509>

¹⁵⁵ <https://www.jomada.com.mx/noticia/2024/02/15/editorial/armas-de-fuego-la-indolencia-de-eu-4495>

В данном контексте нейтральное по своему значению слово *responsabilidad* превращается в негативно окрашенный маркер, отражающий отношение к Вашингтону, в связи с тем, что власти США ничего не предпринимают для того, чтобы прекратить поставку оружия на территорию Мексики. Внешне нейтральное высказывание, благодаря использованию сравнительной конструкции, передает раздражение мексиканцев лицемерием политиков США, которые постоянно обвиняют других, а сами, если им это выгодно, закрывают глаза на то, что требует их вмешательства. О том, что их словам нельзя верить, говорит и следующий фрагмент:

– *El presidente de Estados Unidos Joe Biden y congresistas de su país están considerando aprobar “nuevas y estrictas medidas migratorias que contravendrían estándares internacionales” de derechos humanos y expondrían a miles de migrantes y solicitantes de asilo a situaciones peligrosas, alertó la organización Human Rights Watch.*¹⁵⁶

Приведенное выше высказывание состоит из двух частей, представляющих собой антитезу: то, что обещает администрация Дж. Байдена, и то, что ожидает «ищущих убежище» в реальности, что способствует раскрытию прагматического потенциала речевых прагмем по линии конфликтности.

– *Europa y Estados Unidos son muy buenos para dar lecciones a otros sobre lo que es moralmente correcto y económicamente razonable. Pero el mensaje termina siendo haz lo que yo digo y no lo que yo hago.*¹⁵⁷

В свете поведения США и Европы, которые требуют от других стран того, что сами не делают, выражение «учить тому, как вести себя согласно морали» приобретает негативные коннотации, так как мексиканцев явно раздражает лицемерие крупных мировых держав. Лицемерие Вашингтона проявляется и в следующем случае, где содержится указание на то, что истинные мотивы и «оправдания» действий политиков США не совпадают:

¹⁵⁶ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/01/19/politica/eu-considera-aprobar-estrictas-medidas-antimigratorias-alerta-hrw-8934>

¹⁵⁷ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2022/06/22/economia/como-puede-eu-perder-la-nueva-2018guerra-fria2019-joseph-e-stiglitz-9941>

– ...*la OTAN llevan a cabo su mayor simulacro militar desde el final de la guerra fría con la excusa de la “amenaza rusa”*.¹⁵⁸

2.3. Этнокультурный контекст

В мексиканском медиадискурсе довольно часто используются речевые ЛПМК, которые имеют или приобретают негативные коннотации в этнокультурном контексте. К подобным ЛПМК относится ковбой – *un vaquero*. Использование американской полицией лошадей и хлыстов, как это было в прошлом при обращении с рабами, придает образу ковбоя крайне негативные коннотации:

– *Críticos dijeron también que las imágenes de Del Río evocan a vaqueros que arrean ganado o momentos de la historia estadounidense en los que la policía montada, guardias de prisiones o propietarios de esclavos utilizaban látigos contra los negros*.¹⁵⁹

Большую роль при формировании ЛПМК играют и колониальное прошлое Мексики, и территориальная экспансия США. Подобные маркеры обладают высоким когнитивно-прагматическим потенциалом и передают опасения мексиканцев, что Мексика может превратиться в колонию США.

– *Y el inglés, bueno, está en todas partes: suena en los supermercados, en los bares de vinos y en las clases de fitness en el parque*.¹⁶⁰

В рассматриваемом контексте и сам английский язык, как было отмечено ранее, воспринимается как угроза вследствие того, что в некоторых городских районах его использование уже превалирует над испанским. Аргентинская газета «Infobae» указывает на то, что сами мексиканцы замечают доминирование английского языка над испанским в некоторых регионах Мексики:

– *Fer Bustos comentó que es una locura llegar a lugares y ya no encontrar mexicanos, si no mayoritariamente extranjeros haciendo que el inglés se convierta en el idioma oficial de ciertas colonias...*¹⁶¹

¹⁵⁸ <https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/05/13/opinion/la-otan-y-rusia-escalan-la-guerra-5066>

¹⁵⁹ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/09/23/mundo/liberan-a-haitianos-en-texas-tras-el-escandalo/>

¹⁶⁰ <https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>

¹⁶¹ <https://www.infobae.com/america/mexico/2022/06/07/el-mensaje-sobre-los-extranjeros-en-la-colonia-roma-que-desato-un-debate-en-tiktok/>

Мексиканцы широко обсуждают изменения своего уклада жизни, вызванные большим наплывом граждан США, чья культура отличается от мексиканской. Так, джентрификация, о которой шла речь ранее, оказала влияние в том числе и на приготовление блюд в кафе и ресторанах, так как *gringos* не привыкли к такой острой пище, которая характерна для местной кухни, ср.:

– *Las colonias Roma Norte, Condesa e Hipódromo Condesa son las principales zonas que han sido 'gentrificadas a nivel gastronómico', lo cual ha causado inconformidad entre los pobladores, ya que el picante es parte de la cocina nacional.*

– *Fue Lalo Villar, conductor de La Ruta de la Garnacha, quien declaró su descontento con esto durante una entrevista con Diego Ruzzarin, que las taquerías hicieron menos picantes sus salsas con el objetivo de no afectar el paladar de los extranjeros.*¹⁶²

ЛПМК *locura*, *inconformidad* и *descontento*, несущие в себе негативные коннотации и передающие отрицательное отношение к различным явлениям, способствуют появлению негативных коннотаций у других, изначально нейтральных, слов и выражений: *paladar* (нёбо) и *gentrificadas a nivel gastronómico* (подвергшиеся джентрификации на гастрономическом уровне), что приводит к превращению указанных лексических единиц в ЛПМК. Примечательно, что в этой ситуации слово *picante* (острый) приобретает черты одного из ключевых концептов национальной картины мира мексиканцев и воспринимается синонимично слову *nacional* (национальный).

Согласно проведенному исследованию ЛПМК, используемые в официальных СМИ в контексте миграции, отличаются разнообразием, но для них не характерна высокая частотность, что обусловлено как особенностями национального коммуникативного стиля, характеризующегося высокой степенью учтивости и сдержанности, когда необходимость вести себя вежливо становится важнее испытываемых отрицательных эмоций и желания проявить их, так и

¹⁶² <https://www.milenio.com/virales/mexicanos-enojados-porque-salsas-ya-no-pican-culpan-a-extranjeros>

нормами цензуры. Рассмотрим результаты анализа использования ЛПМК в СМИ Мексики и испаноязычных СМИ США:

Группа 1. Слова, изначально имеющие негативную коннотацию	
<i>Подгруппа 1.1. Инвективная лексика</i>	
<i>1.1.1. Обсценная лексика</i>	Не представлена
<i>1.1.2. Сниженная лексика оскорб. характера</i>	Не представлена
<i>1.1.3. Литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности</i>	“síndrome de hubris” estadounidense, egoísta, ignorante, pequeño, indolencia, arrogancia, aires de superioridad moral, hipocresía
<i>Подгруппа 1.2. Неинвективная негативно-оценочная лексика</i>	
<i>1.2.1. Слова и выражения с негативными коннотациями</i>	
<i>Поведение граждан США по отношению к мексиканцам и другим иммигрантам</i>	racismo, discriminación, manera unilateral, explotación, separatismo, xenofobia, chantajear, violador sistemático de los derechos humanos
<i>Миграционная политика США</i>	<p>historia de violencia racista, política cruel y sin ley, preocupación, miedo, tensión, represión, peligro, desastre, “Quédate en México” (MPP), “Título 42”, crisis migratoria, ataque, redadas de migración, expulsiones de migrantes son crueles e ineficaces, incalculables impactos en la salud física y emocional, acciones contrarias a nuestra Constitución, deportaciones inhumanas, extorsiones, abusos de autoridad, violaciones de derechos, abusos contra los derechos humanos, condiciones precarias de vida, reto humanitario, problema humanitario, látigos, inmoral, crisis interna, escándalo, amenazante, horrible, xenóforo, detestable, violencia física, completamente inaceptable, miedo, bajo custodia/jurisdicción de EU</p> <p>estadounidenses: aquejar, perjudicar, denegar, dejar de aceptar, contradecir las promesas, azotar, deportar, maltratar, horrorizar, amenazar, ignorar los derechos y el bienestar</p> <p>mexicanos: peligros de la violencia, peligrosa ruta, animales salvajes, ríos caudalosos, grupos criminales, secuestros, agresiones sexuales, extorsiones, asesinatos, la muerte</p>
<i>Мигранты из Латинской Америки</i>	<p>migrantes vulnerables, personas migrantes, solicitantes de asilo, sujetas a fraude y corrupción, expuestos a graves peligros, carne de cañón de secuestros, refugiados</p> <p>huir de su país para salvar la vida, escapar de violencia, buscar seguridad y asilo, morir, fallecer</p>

<p><i>Граждане США в Мексике</i></p>	<p>intervención, injusto, mudanzas son irresponsables, precios increíbles, a incremento de los precios, aumento en los precios, el peso se desplomó, la depreciación, el peso ha caído, los alquileres se han duplicado, mucho más caro rentar, alguien dispuesto a pagar, tráfico está fatal, una especulación inmobiliaria, desigualdad, burbujas inmobiliarias, trabajadores a distancia, nómadas digitales, crecientes tensiones,</p> <p>estadounidenses: huir de California, vivir como reyes, permitirse todo, asustar, afectar a los mexicanos</p> <p>mexicanos: abandonar sus hogares, buscar otros barrios donde vivir, desplazarse a la periferia, enfrentarse a su propia historia y a su identidad, estar harto, perder lugares, no poder pagar el alquiler</p>
<p><i>1.2.2. ЛПМК в составе метафор и образных сравнений с негативными ассоциациями</i></p>	
<p>- универсальные (общечеловеческие) метафоры</p>	<p>negro futuro, avalancha, inundar, gran éxodo (de California)</p>
<p>- обладающие национальной спецификой</p>	<p>utilizaban látigos contra los negros; época de la esclavitud; azotar a personas negras, sustitución de la población; armas están entrando; poner armas en manos de delincuencia mexicana</p>
<p>Группа 2. Нейтральная лексика, которая приобретает негативную окраску в контексте (контекстуальные ЛПМК)</p>	
<p>2.1. Социально-экономический контекст</p>	<p>gentrificación, un país barato, una urbe barata, bajo costo, ganar en dólares, sin registrarse, la gente blanca y adinerada, número creciente de extranjeros, turistas con mayor poder adquisitivo, con elevado poder adquisitivo, desplazamiento</p>
<p>2.2. Политический контекст</p>	<p>respeto a la soberanía, México es libre, nosotros somos libres, pedir permiso, respeto mutuo, nuestra independencia, defender independencia y soberanía, una decisión soberana, responsabilidad</p> <p>dar lecciones, dar consejos, buscar excusas, buscar justificar</p>
<p>2.3. Этнокультурный контекст</p>	<p>vaqueros, riendas, látigos, colonia estadounidense, muchos más privilegios, convertir a la capital mexicana en su hogar, un público específico, el inglés, el dueño, defender</p>
<p>2.4. Личностно-ориентированный контекст</p>	<p>Не представлена</p>

Таблица 3. Типы ЛПМК в СМИ Мексики и испаноязычных СМИ США.

Итак, наиболее частотными типами ЛПМК, используемыми в СМИ, являются различные виды негативизмов и нейтральная лексика, которая приобретает негативную окраску в определенном контексте.

3.2.2. Реализация лексических прагматических маркеров конфликтности в мексиканском сегменте социальных медиа

Анализ ЛПМК, используемых в мексиканском сегменте социальных сетей, позволяет представить иную картину их реализации по сравнению с той, что имеется в СМИ. С целью сохранения логики изложения рассмотрим ЛПМК социальных сетей в той же последовательности, что и в предыдущем параграфе.

Группа 1. Слова, изначально имеющие негативную коннотацию

Подгруппа 1.1. Инвективная лексика

В отличие от традиционных СМИ, в социальных сетях, где при определенной модерации цензура все же значительно мягче, представлено большое количество сниженной лексики оскорбительного характера и определенное количество обценной лексики.

1.1.1. Обценная лексика

Одним из самых распространенных в мексиканском сегменте социальных сетей является глагол *chingar*¹⁶³. Чаще всего данный ЛПМК актуализирует свой КПП при характеристике действий США по отношению к мигрантам, а также другим странам и национальностям, что призвано подчеркнуть низость и насильственность этих действий.

– *Los Estados Unidos **chingaron** a Guatemala, El Salvador, y Nicaragua en la guerra fría para "detener el comunismo"*¹⁶⁴

– *La neta es los gringos se vuelven locos con la extrema derecha, o sea el derecho de portar armas, el asalto al capitolio, el despliegue de tropas a la frontera para prevenir la inmigración, olas de tiroteos, etc. Están tan **chingados** que creo que viene próximamente la segunda guerra civil.*

В следующем высказывании представлены еще два популярных ругательства:

¹⁶³ 3 vulg. Realizar el acto sexual [Moliner 1999: 614].

¹⁶⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construcci%C3%B3n_del_muro/

– *Su pinche acentillo y que hablan bien rapido como para lucirse jajajajaa ches mamadores*¹⁶⁵ que son...¹⁶⁶

– *Esas mamadas de hablar mezclando las dos es más por querer indicar que saben inglés que por necesidad o realmente "pensar así"*.¹⁶⁷

В приведенных высказываниях ЛПМК, являющиеся производными от глагола *mamar*, использованы для того, чтобы оскорбить *pochos*, которые предпочитают говорить на корявом английском вместо испанского. Значение ЛПМК *pinche* (сниженная лексика оскорбительного характера) было раскрыто ранее.

Среди лексических единиц данной группы можно выделить: *puto, verga, joder* и др. Следует отметить использование заимствований из английского языка при переписке с *pochos* и *gringos*: *fucking dick, bitches, it sucks, shit, damn foreigner, motherfucker*.

1.1.2. Сниженная лексика оскорбительного характера

Большинство ЛПМК, используемых мексиканцами в соцсетях, так или иначе обращены к *gringos* или *pochos*. В отношении *gringos* своей частотностью выделяется позиция, что они чужие на этой земле и им здесь не рады. Высказывая свое отношение к этим людям, как уже упоминалось, мексиканцы часто используют глагол *cagar* и его производные:

– *Ese tipo de gente es muy cagante*^{168, 169}.

– *Vivo en ciudad fronteriza y me cagan los pochos... Más que nada me caga que sean tan codos*¹⁷⁰ ...¹⁷¹

– *Los gringos son gandallas*¹⁷² por naturaleza...¹⁷³

К просторечному слову *gandallas* мексиканцы прибегают для обозначения людей без чести и совести, которые берут силой все, что хотят, не думая о других:

¹⁶⁵ Mamar: hacer una felación [Simeónova 2001: 101].

¹⁶⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos/

¹⁶⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/lgk5zx/que_piensan_de_spanglish_hablar_entre_ingl%C3%A9s_y/

¹⁶⁸ (Popular) Que choca, harta o produce malestar [DEM: URL]

¹⁶⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹⁷⁰ Méj.; inf. Тацаño [Moliner 1999: 664].

¹⁷¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹⁷² (Popular) Que saca partido de todo, sin consideración ni respeto por los demás; aprovechado [DEM: URL]

¹⁷³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/1azv1k9/como_la_ven/

‘низкие’, ‘подлые’, ‘хитрые’, ‘извлекающие из всего пользу’ [Macazaga Ordoño 1999: 173]. Интересно, что в словаре «Diccionario español – ruso» данные значения слова, характерные для мексиканского национального варианта испанского языка, не упоминаются. Вместо этого приводится значение ‘праздный человек’ [Martínez Calvo 1975: 975].

– Los **gringos** del sur son **cabrones**...¹⁷⁴

– ... en realidad los **gringos cochinos**¹⁷⁵ mataron a cientos de miles de personas...¹⁷⁶

Использование таких ЛПМК, как *pendejo*, *cabrón*, *cochino*, *gandalla* и др. чаще всего обусловлено неуважительным отношением американцев к Мексике и всему мексиканскому, а также их претензиями и жалобами на страну временного проживания, ср.:

– *Mira honey, los mexicanos tenemos derecho de quejarnos de lo que se nos de nuestra puta gana, ya sea de delincuencia o de las putizas que nos da el SAT... pero si a ti te molesta cualquier cosa, regrésate a la verga a tu país de mierda cabron!!!!*¹⁷⁷

– *Un wey*¹⁷⁸ ... *Se la pasaba hablando de lo culero que era México, que acabando la uni se regresaba a gringolandia*...¹⁷⁹

Слово *wey* имеет значение ‘человек глупый и недалекий’ [Macazaga Ordoño 1999: 184]. Данное написание слова характерно именно для мексиканского варианта испанского языка, тогда как в испанских словарях, как правило, представлено иное его написание: *güey*.

Заслуживает внимания и тот факт, что, как уже было отмечено, мексиканцы нередко переходят на английский язык, стараясь оскорбить *gringos* или донести до них свою мысль (даже если знают, что последние владеют испанским языком):

– **What a fucking dick** you are...¹⁸⁰

¹⁷⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/2j24w0/qu%C3%A9_opinan_los_mexicanos_en_m%C3%A9xico_de_los/

¹⁷⁵ 5 Que es o está sucio, o carece de limpieza; que se comporta indebidamente, con falta de honradez o lealtad [DEM: URL]

¹⁷⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construcci%C3%B3n_del_muro/

¹⁷⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

¹⁷⁸ <https://www.fundeu.es/noticia/6-palabras-que-solo-los-mexicanos-entendemos/#:~:text=Wey%20buey%20g%C3%BCey%20we,pero%20tambi%C3%A9n%20como%20tonto.>

¹⁷⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

¹⁸⁰ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

– **Cry harder anglo...**¹⁸¹

Привлекают внимание посты, содержащие мнение о Дж. Байдене и Д. Трампе. Примечательно, что обоих кандидатов в президенты называют расистами.

– *Biden es un pedof, anciano, y racista.*¹⁸²

– *No se si un vato [Biden] con comportamientos medio pedofilos y actividad sospechosa en Ucrania sea mejor que un pinche wey hocicon, misogino y racista.*¹⁸³

– *Vete a la mierda Trump. La crisis en Centroamérica es PURAMENTE culpa de los gringos cochinos (Republican Party, Trump, el KKK, Breitbart, etc). Espero otro huracán como Katrina o Sandy llegue y mata a todos ellos. No voy a sentir lástima por ellos.*¹⁸⁴

Обвиняя Д. Трампа, Дж. Байдена и других gringos в кризисе, с которым столкнулась Центральная Америка, авторы постов используют слова и выражения с ярко выраженной негативной окраской для передачи тех эмоций, которые они испытывают.

– *Los dos son mierda, pero Trump es claramente mas mierda que el otro.*¹⁸⁵

В последнем фрагменте интересно использование сравнения со словом, которое в принципе уже обозначает нечто абсолютно плохое.

1.1.3. Литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности

Среди ЛПМК, используемых по отношению к gringos можно выделить три группы: указывающие на их недалекий ум, на их жадность и лицемерие, на их пороки, ср.:

– *...si van a inmigrar, van a pagar impuestos, no como los estupidos nomadas virtuales...*¹⁸⁶

– *El loco tío Jose Cualquier gringo ahora dice ser simpatizante de México sin realmente hacer nada por la gente.*¹⁸⁷

¹⁸¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

¹⁸² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

¹⁸³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

¹⁸⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construccion_de_muro/

¹⁸⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

¹⁸⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/2j24w0/qu%C3%A9_opinan_los_mexicanos_en_m%C3%A9xico_de_los/

¹⁸⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

– *Sera un títere*¹⁸⁸, *Biden apenas y puede hablar...*¹⁸⁹

В последнем случае Дж. Байден сравнивается с безвольной куклой, марионеткой, которая даже не может сама говорить.

– *Población ignorante...*¹⁹⁰

В следующем высказывании автор использует ЛПМК в составе литоты (стилистический прием приуменьшения), чтобы подчеркнуть скудные умственные способности американского президента:

– *La verdad no creo que [Biden] tenga la inteligencia para hacer eso. El wey apenas sabe leer...*¹⁹¹

Лексические единицы, изначально содержащие негативные коннотации и служащие маркером социального напряжения в мексиканском обществе, довольно разнообразны. Все они направлены на дискредитацию «Чужаков», на их оскорбление и унижение. В постах используется как обценная лексика, так и литературная с отрицательной оценкой в презрительной модальности. Рассмотрим неинвективную негативно-оценочную лексику, к которой обращаются пользователи социальных сетей.

Подгруппа 1.2. Неинвективная негативно-оценочная лексика

1.2.1. Слова и выражения с негативными коннотациями

В контексте оппозиции «свой – чужой» подобные лексические единицы, как правило, используются для описания действий gringos, что способствует актуализации их имплицитных характеристик. Так, согласно мнению автора следующего поста, возведение стены на границе между Мексикой и США говорит о недалеких умственных способностях тех, кто это затеял:

– *Un muro físico es una tontería*¹⁹² ...¹⁹³

Gringos и их политики нередко обвиняются мексиканцами в лицемерии, алчности и захватнических наклонностях:

¹⁸⁸ 2 Persona sin voluntad ni decisión propia, que se deja manejar por otra [DEM: URL]

¹⁸⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

¹⁹⁰ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/s43oin/cual_es_tu_opini%C3%B3n_de_los_estados_unidos_de/

¹⁹¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/x4x220/del_discurso_de_biden_sobre_violencia_y/

¹⁹² 2 Acción o dicho que muestra ineptitud o falta de inteligencia [DEM: URL]

¹⁹³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construcci%C3%B3n_del_muro/

– ...*un democrata **hipocrita** que armo a los carteles hasta los dientes...*¹⁹⁴

– ...*en lucha frente a la voracidad y rapiña de los **gringos**.*¹⁹⁵

– *EEUU no tiene amigos, solo **servidumbre**.*¹⁹⁶

Находит отражение в сети и высокомерие американцев (о чем упоминалось ранее), считающих себя выше мексиканцев и ведущих себя как хозяева на мексиканской земле, что вызывает неприятие и отторжение у мексиканцев.

– ...*el hecho de que sigan insistiendo que nosotros lo pagaremos es una **falta de respeto enorme a nuestra soberanía como país***¹⁹⁷

– *Por que EEUU **no respeta** a México sabiendo que este es uno de sus mayores socios comerciales...*

– *La respuesta corta es por el **racismo**.*¹⁹⁸

Причину подобного поведения светлокожих жителей США мексиканцы видят в их расовых предрассудках.

Передавая свое отношение к *gringos* и *pochos*, авторы постов нередко обращаются к выражению *me da asco* и глаголу *odiar* в первом лице единственного числа.

– *Estados Unidos **ha hecho muchas cosas malas pero la historia las pinta como buenas, eso es lo que hace que sean más odiados**.*¹⁹⁹

– *Asco me dan estos **cabrones vende patrias**, "el que no quiere a su bandera no quiere a su madre"*²⁰⁰

А мексиканцев, которые подражают *gringos*, настолько часто называют в соцсетях врагами, что возникает ощущение, что эта фраза уже закрепилась в языке как устойчивое выражение:

– ...*el peor **enemigo** de un mexicano, es un mexicano que se cree **gringo**.*²⁰¹

¹⁹⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

¹⁹⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=0ue-YP-wvsY>

¹⁹⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/s43oin/cual_es_tu_opini%C3%B3n_de_los_estados_unidos_de/

¹⁹⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/5q4yus/trump_ordena_construcci%C3%B3n_del_muro/

¹⁹⁸ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/17ztwys/por_que_eeuu_no_respeta_a_m%C3%A9xico_sabiendo_que/

¹⁹⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/s43oin/cual_es_tu_opini%C3%B3n_de_los_estados_unidos_de/

²⁰⁰ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

²⁰¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

Отдельная группа слов с негативными коннотациями, заслуживающая внимания, это слова, обозначающие нарушение прав человека правительством США, ср.:

– *La CIA debería clasificarse como grupo **terrorista** por todos sus **crímenes** en contra de sus propios ciudadanos y otros países.*

– *Estados Unidos ha cometido **crímenes contra la humanidad**, no solo **bélicos**.*

– *... su historia en **violación a los derechos humanos** es terrible...*²⁰²

Как можно видеть, через использование ЛПМК, изначально имеющих негативную семантику, проявляется не только социальная оценочность пользовательского контента, но и конфликтогенная ситуация, связанная с социальной напряженностью в стране.

1.2.2. ЛПМК в составе стилистических средств, служащих средством усиления интенсивности негативной оценки

Использование метафор в меньшей степени характерно для пользовательского контента по сравнению со СМИ, что объясняется близостью комментариев к устной речи, для которой не свойственно обращение к «громоздким» развернутым структурам. Выявленные метафоры часто являются общеупотребительными фразеологизмами, как в следующих случаях:

– *...el encarecimiento en este pinche pueblo se ha ido por las nubes...*²⁰³

– *...[Biden] que **armo a los carteles hasta los dientes**...*²⁰⁴

– *... Mas aparte burlarte de tu lugar de origen cuando lo tienes **pintado en la cara**...*²⁰⁵ [Испанско-русский фразеологический словарь 1985: 444, 235, 538].

Последнее высказывание привлекает к себе особое внимание тем, что в пользовательском контенте при обсуждении поведения *rochos* постоянно отмечается их презрительное поведение по отношению к мексиканцам. Они подражают *gringos*, но по их внешности всегда можно с уверенностью определить то, к какому этносу они принадлежат.

²⁰² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/s43oin/cual_es_tu_opini%C3%B3n_de_los_estados_unidos_de/

²⁰³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/skn1c3/mexico_is_so_cheap_o_gringos_siendo_gringos/

²⁰⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

²⁰⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/13jpr6h/experiencias_con_los_pochos

Среди широко используемых стилистических средств в пользовательском контенте выделяются *ирония* и *сарказм*. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», отличительный признак иронии – это двойной смысл, и чем больше противоречие между истинным смыслом и внешней формой, тем ярче проявляется осмеяние [ЛЭТП 2001: 316]. В «Diccionario de lingüística moderna» подчеркивается, что важное отличие сарказма от иронии заключается в том, что при сарказме адресант имеет явное намерение причинить моральный вред адресату [Linares Martínez 2004: 501]. Разграничение иронии и сарказма не входит в цели настоящей работы, однако следует отметить, что в мексиканском информационном поле миграции в свете оппозиции «свой – чужой» ирония чаще используется для того, чтобы подчеркнуть негативные черты или поступки англоговорящих соседей.

Рассмотрим следующее высказывание:

– ...*los pobrecitos gringos inocentes*.²⁰⁶

Далее, однако, следует пояснение, из которого видно, насколько *gringos* «невинны»:

– *Las personas que vienen además son arrogantes, como si nos estuvieran haciendo un favor. Son groseros, sucios y ruidosos.*

Согласно мнению автора, приезжие не только высокомерные, но и грубые, грязные и шумные.

Усилению иронического оттенка высказывания способствует и препозиция прилагательного *pobre*, которое в положении перед существительным, как правило, означает ‘несчастный’ (тогда как прямое значение этого слова – ‘бедный’). Однако связь переносного значения слова с его прямым значением (бедный, т.е. бедняк) углубляет иронию в отношении представителя богатой мировой державы. Суффикс субъективной оценки *-ito* помогает придать высказыванию эмоциональную, нарочито сочувствующую и в то же время уничижительную окраску. Следующие высказывания тоже представляют собой примеры иронии, иногда переходящей в сарказм, ср.:

²⁰⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

– *Ah bueno. Ya vino el hombre blanco a abrirnos los ojos raza! Aprovechen las oportunidades que éstos maravillosos expats están trayendo a nuestro país.*²⁰⁷

– *Y se hacen llamar "expats" porque recuerden que sólo la gente feíta morenita es inmigrante ...*²⁰⁸

Автор поста считает, что цвет кожи не является объективной причиной для деления релокантов на экспатов и иммигрантов.

– *...soy británico residente en México. Llámame expat.*

– *Bonita forma de describir la colonización.*²⁰⁹

В постах мексиканцев в свете оппозиции «свой – чужой» с высокой частотностью функционируют такие слова, как *colonización*, *imperialismo*, *invasión*, маркирующие еще одну социальную проблему, волнующую мексиканское общество: национальная идентичность и страх её потерять.

В основу многих ЛПИМК ложатся *оказионализмы (индивидуально-авторские инновации) и неологизмы*²¹⁰, преимущественно представленные производными от имен американских политиков: *señor trompetas*²¹¹, *el trompas*²¹², *trumpismo*²¹³, *Dark Brandon*, *Brandon Oscuro*²¹⁴ (существует целая серия мемов с Дж. Байденом, в которых он изображен как темный суперзлодей с глазами-лазерами)²¹⁵ и др.

Рис.2. Мем Dark Brandon.

²⁰⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

²⁰⁸ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/14xza1q/gringos_que_se_vienen_a_vivir_a_m%C3%A9xico_y_se/

²⁰⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

²¹⁰ Новое слово, фразеологический оборот или заимствование, постоянно появляющиеся в языке [ЛЭТП 2001: 639]

²¹¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/kocjp4/dice_trump_quiero_hacer_lo_que_hace_m%C3%A9xico_ellos/

²¹² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/kocjp4/dice_trump_quiero_hacer_lo_que_hace_m%C3%A9xico_ellos/

²¹³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/hnszge/joe_biden_on_mexico/

²¹⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/x4x220/del_discurso_de_biden_sobre_violencia_y/

²¹⁵ <https://knowyourmeme.com/memes/dark-brandon>

Сами Соединенные Штаты как страна нередко называются мексиканцами как *Gringolandia*.

– *Ya que nos unimos con el Nopal Pride hermanitos y que luchamos por la Reconquista de Gringolandia! Estados Unidos de Aztlan!*²¹⁶

Автор последнего поста призывает отвоевывать земли у «Гринголяндии» и превратить их в Соединенные Штаты Ацтлана (именно так называется мифическая прародина ацтеков).

Группа 2. Нейтральная лексика, которая приобретает негативную окраску в контексте (контекстуальные ЛПМК)

В пользовательском контенте преобладают социально-экономический, этнокультурный и личностно-ориентированный контексты. Нейтральная лексика, приобретающая негативную окраску в политическом контексте, встречается очень редко.

2.1. Этнокультурный контекст

Особенности развития отношений между Мексикой и США сыграли решающую роль в формировании образа «чужого» и мексиканской национальной идентичности. Gringos своими «империалистическими замашками» несут в себе постоянную угрозу мексиканскому обществу, считают себя, согласно мнению мексиканцев, людьми высшего сорта, «хозяевами». Подобное поведение порождает необходимость отстаивать суверенитет Мексики, ср.:

– *Eso mi presidente como siempre de manera sencilla pero firme **defendiendo** la soberanía de México...*²¹⁷

– *Su [EE.UU]sueño siempre fue **colonizar** tierra “nueva”.*²¹⁸

– *Ellos ya **se creen los dueños** de la ciudad...están haciendo imposible para gente como yo que quiere regresar a su país natal poder comprar casa!*²¹⁹

– *Los gringos **se creen con muchos derechos**. Y se creen superior a nosotros los Mexicanos.*²²⁰

²¹⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/137obyp/mexicanos_y_pochos_be_like/

²¹⁷ <https://www.youtube.com/watch?v=0ue-YP-wvsY>

²¹⁸ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/1azv1k9/como_la_ven/

²¹⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/1azv1k9/como_la_ven/

²²⁰ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/1azv1k9/como_la_ven/

Примечательно, что в этнокультурном контексте в ЛПМК превращается и слово *Spanglish* (особенности реализации данного ЛПМК рассматривались ранее), так как данное явление выступает угрозой испанскому языку:

– *Me caga escuchar muchos hablando en spanglish por su celular cuando voy en camión. No me debería importar, pero me recontrapatea.*²²¹

В качестве слов синонимичных слову *gringos*, приобретающих в социальных сетях негативные коннотации, используются такие, как *ingleses*, *anglosajones*, *anglos*, *estadounidenses* и др.:

– 🤔, *la opinion de los ingleses no cuenta...*²²²

– *Creo que la gente está odiando las "actitudes coloniales" de los extranjeros, en especial los angloparlantes, que nos ven a nosotros como un país barato para que puedan vivir cómodos mientras que ellos nos exigen muchos documentos o nos tildan de criminales en esos países.*²²³

– *...cuando ellos vienen siempre quieren que se les acomode y casi casi que se modifique la cultura del país para que ellos estén a gusto...*²²⁴

В последнем высказывании присутствует прямое указание на изменение культуры страны пребывания (язык, питание) для удобства жизни *gringos*.

Подобные двойные стандарты вызывают раздражение у мексиканцев, от которых требуется знание английского и когда они находятся в США, и когда общаются с *gringos* в Мексике.

2.2. Социально-экономический контекст

Ключевым моментом в формировании социально-экономического контекста является наплыв большого количества обеспеченных иностранцев, рост цен и процесс джентрификации, о которых уже упоминалось в настоящей работе.

Высоким КПП обладает притяжательное местоимение *nuestro* в контексте дихотомии «свой – чужой». По мнению мексиканцев, приезжие «цифровые

²²¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/1gk5zx/que_piensan_de_spanglish_hablar_entre_ingl%C3%A9s_y/

²²² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

²²³ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

²²⁴ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/14xza1q/gringos_que_se_vienen_a_vivir_a_m%C3%A9xico_y_se/

кочевники» все отбирают у них. Несмотря на то, что американцы лишь гости, они ведут себя, как хозяева, ср.:

– *Resulta, que los gringos ahora vienen a comprar **nuestra** gasolina, se vienen a atender en **nuestros** hospitales y consultorios dentales.*²²⁵

– *...sin embargo es el punto de vista de un **huésped** en una casa que **no es suya**...*²²⁶

2.3. Политический контекст

В процессе анализа фактологического материала было отобрано незначительное количество лексических единиц, приобретающих негативные коннотации в политическом контексте. Среди них можно выделить слово: *intereses* (интересы). Именно свои интересы Вашингтон ставит превыше всего:

– *EEUU no tiene amigos, solo **intereses**.*²²⁷

– *Los países no tienen amigos, tienen **intereses**. A veces los intereses son compatibles y hay alianza, otras veces no.*²²⁸

Рис.3. Мем, на котором США изображены с улыбкой хищника.

В данном контексте представляется возможным сравнить связи между странами с межличностными отношениями, когда люди вынуждены находиться рядом друг с другом в силу внешних обстоятельств, а не из-за дружеских чувств, ср.:

– *En Norteamérica no hay países amigos, **hay roomates ocupando el mismo piso** y más nos vale llevar la peda en paz o valemos verga todos.*

– *Es como el que cree que todos los compañeros y el jefe de la oficina son sus **amigos**.*²²⁹

²²⁵ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

²²⁶ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_este_sub_siendo/

²²⁷ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/s43oin/cual_es_tu_opini%C3%B3n_de_los_estados_unidos_de/

²²⁸ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/1c02kt3/estados_unidos_el_mejor_amigo_de_m%C3%A9xico/

²²⁹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/1c02kt3/estados_unidos_el_mejor_amigo_de_m%C3%A9xico/

2.4. Личностно-ориентированный контекст

Данный вид контекста при общении онлайн играет несомненно более значительную роль, чем в официальных СМИ. Однако следует отметить, что в свете дихотомии «свой – чужой» представитель «чужих» не воспринимается как отдельная личность, автоматически приобретая все негативные характеристики, свойственные чужакам. Таким образом, даже межличностный конфликт происходит в этнокультурном и социально-экономическом контекстах. Обратимся к следующему примеру, который является ответом на пост иммигранта из Великобритании о том, что жалобы мексиканцев о трудности жизни в Мексике преувеличены:

– *Absolutamente nadie tiene por que venir a quejarse y menos a tener mejores condiciones que nosotros . Atte una Mexicana Y tú, culero Brit...*²³⁰

– *Si cabron, pero nosotros somos de aquí tu no.*²³¹

Как мы видим, нейтральное разговорное название национальности сопровождается сниженным негативизмом с ярко-выраженной отрицательной оценкой. Во втором примере под фразой «мы отсюда, а ты нет» читается информация, что мнение чужаков не имеет значения.

– *Pinches pochote te mamaste jajaj no eres mexicano si no naces en México.*²³²

В приведенном выше высказывании нейтральное по своему лексическому составу выражение (ты не мексиканец, если не родился в Мексике) приобретает крайне негативную оценку в контексте оппозиции «свой – чужой», которая усиливается за счет прямых оскорблений с использованием обценной лексики.

Однако следует отметить, что, когда в обсуждение мексиканцами gringos или rochos вмешивается какой-либо gringo или rocho, они, как правило, его просто игнорируют, не переходя на межличностный конфликт.

Рассмотрим результаты анализа функционирования ЛПМК в мексиканском сегменте социальных медиа:

²³⁰ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_esto_sub_siendo/

²³¹ https://www.reddit.com/r/mexico/comments/wcuopn/viendo_la_ola_de_xenofobia_en_esto_sub_siendo/

²³² https://www.reddit.com/r/mexico/comments/oykxhb/what_do_mexicans_born_and_living_in_mexico_think/

Группа 1. Слова, изначально имеющие негативную коннотацию	
<i>Подгруппа 1.1. Инвективная лексика</i>	
<i>1.1.1. Обсценная лексика</i>	chingar, chingado, mamador, mamada, puto, verga, joder, jodido en la cabeza fucking dick, bitches, it sucks, shit, damn foreigner, motherfucker
<i>1.1.2. Сниженная лексика оскорбительного характера</i>	pinche, cagar, cagante, codo, gandalla, cabrón, cochino, mierda, caca grande, wey, vato, culero, pendejo, mentada de madre, idiota, ultrajar Biden: pedof, hocicón, misogino Trump: wey, transa, Pinche Pajaro Peggy anaranjado, tocadito de la cabeza, no cierra el hocico, escaso cerebro
<i>1.1.3. Литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности</i>	estúpidos, imbéciles, racista, vato, loco, ignorante, ultrajar Biden: anciano, pedofilo, racista, títere, un demócrata hipócrita, no tiene la capacidad mental, apenas puede hablar / leer Trump: fascista, fascismo, campos de concentración, mente putrefacta, Hitler, terrible, el peor, blanco con dinero, una broma, loco, radical, farandulero, manera esporádica, un meme, propaganda, mentir
<i>Подгруппа 1.2. Неинвективная негативно-оценочная лексика</i>	
<i>1.2.1. Слова и выражения с негативными коннотациями</i>	
<i>Образ gringo</i>	Gringo, pocho, chicano, Karen, Chad, yankee, arrogantes, ignorante, le da igual, groseros, sucios y ruidosos, actitudes coloniales, imperialista, invasión, invasores, despectivos, servidumbre, imperio yankee, hipócrita, falsos impulsores de la democracia, criminal ejército, tontería, voracidad, rapiña, servidumbre, falta de respeto, racista, racismo, malo, odiado, terrorista, crímenes, violación a los derechos humanos, chingado, loco Robar, intervenir, mantener México abajo, establecer dictadores, asesinar a inocentes, no respetar a México, hacer cosas malas, dar asco, republicanos: nacionalismo extremo, neonazis, ridículos, bola de pendejos
<i>Образ Pocho</i>	Insoportable, aires de superioridad, ignorante, vender Patria, xenófobo, enemigo, agringado, el peor / verdadero enemigo de un mexicano, burbuja de pochos, mal inglés, mal español, huérfanos culturales, falso, ruidoso, maleducado, ignorante, Latino Man estereotipizado se cree gringo, sentirse superior / especial, se creen polla con cebolla, dar asco, molestar, olvidar el español, no querer adaptarse, no se relaciona con gringos, ganar en dólares, meter en cuestiones nacionales, to dishonour Mexico, OBSESSED with proving they know more than you
<i>Граждане США в Мексике</i>	el precio de toda suba, la renta se incrementa, pinches rentas, mucho más caro, una burbuja de extranjeros, no justo, la situación da miedo

	<p>duplicar los precios, encarecen todo, imposible vivir / rentar cobrar la renta en dólares, humillar, molestar, dar cringe, desplazar a los locales de sus propias tierras, llenar la ciudad, no querer ser parte de México</p>
<p><i>1.2.2. ЛПМК в составе стилистических средств с целью интенсификации негативной оценки</i></p>	
<p><i>Метафоры и образные сравнения с негативными ассоциациями и коннотациями</i></p>	<p>roomates ocupando el mismo piso; el que cree que todos los compañeros y el jefe de la oficina son sus amigos; el encarecimiento se ha ido por las nubes; como un negro que se pone una manta blanca y una máscara puntiaguda para apoyar el KKK; Todo es smoke and mirrors con el Biden; habían judíos que apoyaban a Hitler; los tienen en un pedestal solo por haber nacido en el culo de Europa; pésimos vecinos</p>
<p><i>Ирония и сарказм</i></p>	<p>pobrecitos, inocentes, maravillosos expats, abrírnos los ojos, bonita forma de describir la colonización, cualquier excusa es buena para tirar un par de bombas, Mexicans look like Arabs so they must be terrorists</p>
<p><i>Окказионализмы и неологизмы</i></p>	<p>gringolandia, nomadas virtuales / digitales</p> <p>Trump: señor trompetas, el trompas, trumpismo</p> <p>Bridon: Dark Brandon, Brandon Oscuro</p>
<p><i>Гипербола и литота</i></p>	<p>piensan que todos los mexicanos les van a lamer los pies por algún tipo de sentimiento de inferioridad; vienen a hacernos un favor a vivir acá</p>
<p>Группа 2. Нейтральная лексика, которая приобретает негативную окраску в контексте (контекстуальные ЛПМК)</p>	
<p><i>2.1. Социально-экономический контекст</i></p>	<p>nuestro, huésped, intereses, Mexico is cheap, gringos con dinero, All-inclusive, aventura en México, poder adquisitivo</p>
<p><i>2.2. Политический контекст</i></p>	<p>intereses</p>
<p><i>2.3. Этнокультурный контекст</i></p>	<p>gringo, anglo, inglés, anglosajón, angloparlante, estadounidense, brit, pocho, chicano, spanglish, aprender el idioma, defender, colonizar, creerse dueños, creerse con muchos derechos, creerse superior, modificar la cultura del país para que ellos estén a gusto, querer que se les acomode, nuestras propias tierras, americanos, ser café, dueños, la patria grande latinoamericana, expats</p>
<p><i>2.4. Личностно-ориентированный контекст</i></p>	<p>honey, culero Brit, nosotros somos de aquí tú no, they are from here and you are not, regresar a su país</p>

Таблица 4. Типы ЛПМК в мексиканском сегменте социальных медиа.

Проанализировав ЛПМК, используемые в СМИ и в пользовательском контенте, можно выделить как общие черты (например, придание нейтральным лексическим единицам отрицательных коннотаций в контексте), так и различия. Так, ЛПМК, реализуемые в СМИ, как правило, не обладают ярко выраженной негативной окраской при их прямой направленности на США. Отсутствуют обценные слова и сниженная лексика оскорбительного характера, что объясняется цензурой и нормами национального коммуникативного стиля. В СМИ не используются ЛПМК gringos и pochos. Степень выраженности негативной оценки у коннотативно-окрашенных слов в пользовательском контенте значительно выше.

И в СМИ, и в пользовательском контенте среди ключевых характеристик граждан США, персонифицирующих образ «чужого», можно выделить ЛПМК со значением: ‘дискриминационное отношение’ (‘высокомерие’, ‘двойные стандарты’ и др.), ‘империалистические амбиции’, ‘лицемерие’, ‘финансовая обеспеченность’.

Активно используя как средство объективации оппозиции «свой – чужой» в мексиканском информационном поле миграции, ЛПМК в то же время служат речевыми сигналами, маркирующими наиболее острые проблемы социума и рост социальной напряженности, чему способствует повышение плотности и частотности их использования при обсуждении таких социально значимых тем, как джентрификации, роста цен, миграционной политики США и распространения английского языка в Мексике.

Выводы по третьей главе

1. Современное информационное пространство многомерно и разнообразно, что обуславливается многочисленностью каналов, как новых, так и традиционных, по которым информация поступает к массовому пользователю. В информационном поле миграции активно используются ЛПМК, участвующие в языковой объективации образа «чужого» и его дальнейшем развитии.

2. Среди критериев систематизации ЛПМК в свете оппозиции «свой – чужой» выделяются канал общения (официальные СМИ или социальные медиа), конфликтогенные темы и объекты иллокуции негативно-оценочных высказываний, а также используемые лексические средства.

3. В сознании мексиканцев испаноговорящий латиноамериканский мир противопоставляется англоговорящей североамериканской культуре, ключевым представителем которой является gringo – англоговорящий светлокожий чужак. Среди ключевых ЛПМК находятся маркеры, подчеркивающие такие их черты характера и особенности поведения, как ‘дискриминационное поведение по отношению к мексиканцам’ (СМИ – 17,6%, социальные медиа – 22,2%), включающее ‘высокомерие’ (СМИ – 2,2%, социальные медиа – 4,9%) и ‘двойные стандарты’ (СМИ – 1,6%, социальные медиа – 5,5%); ‘империалистические

амбиции’ (СМИ – 6,4%, социальные медиа – 8,3%); ‘лицемерие’ (СМИ – 5,5%, социальные медиа – 5,5%). Отмечается ‘финансовая обеспеченность’ граждан США (СМИ – 1,9%, социальные медиа – 5,9%), которая является причиной многих социально-экономических проблем мексиканцев.

В основе большинства ЛПМК, используемых при передаче отношения к чужаку с Севера, лежит чувство несправедливости (СМИ – 1,6%, социальные медиа – 5,5%), которое ощущается мексиканцами в силу стремления *gringos* доминировать как в США, так и в Мексике.

4. Высокомерное поведение *gringos* напоминает мексиканцам о колониальном прошлом страны, способствуя использованию в СМИ и социальных медиа лексических единиц, семантика которых связана с захватом чужих территорий (*invasión, imperialismo, perder lugares* и др.). Интенсивное распространение английского языка и изменения, происходящие в мексиканской национальной кухне, видятся жителям Мексики как угроза национальной идентичности. На долю ЛПМК, используемых для обозначения империалистических амбиций граждан США в СМИ приходится 6,4% всех выявленных маркеров, а в социальных медиа – 8,3%.

5. Увеличение плотности ЛПМК при обсуждении таких тем, как рост цен и джентрификация (*precios increíbles, inflación, pinches rentas* и др.), вызванных приездом обеспеченных американцев, готовых платить значительно больше, чем мексиканцы, говорит о высоком индексе их конфликтности для мексиканского общества. На долю ЛПМК с подобным значением в СМИ приходится 18,6% всех выявленных маркеров, а в социальных медиа – 11,8%.

6. Среди объектов-личностей негативной иллокуции, широко обсуждаемых в пользовательском контенте, выделяются Д. Трамп и Дж. Байден, что объясняется важностью миграционной политики США для жителей Мексики. Антимиграционный дискурс Д. Трампа и его последователей привел к употреблению мексиканцами таких ЛПМК, как *racista, fascista, Hitler*, подчеркивающих дискриминационный характер его выступлений. Для описания

Дж. Байдена привлекаются ЛПМК, имеющие значение ‘лицемер’, ‘слабоумный’, ‘старик’ – *hipócrita, anciano, apenas puede hablar* и др.

7. В мексиканских официальных СМИ отсутствует обценная и сниженная лексика оскорбительного характера, а также слова с ярко выраженной негативной оценкой. Актуализация конфликтогенного потенциала ЛПМК способствует появлению имплицитных смыслов: вместо ЛПМК, передающих прямую негативную оценку действий США в отношении мигрантов, используются ЛПМК, описывающие последствия этих действий и др. В то же время в социальных медиа представлены различные виды инвективной (обценная, сниженная, литературная в негативной модальности) и неинвективной негативно-оценочной лексики.

8. В мексиканской лингвокультуре *rochos*, мексиканцы, отказавшиеся от родины и стремящиеся быть похожими на *gringos*, представляют собой промежуточный член оппозиции «свой – чужой». Для объективации указанного отрицательного образа «своего» в социальных медиа чаще других используются ЛПМК *verdadero enemigo, odio, aire de superioridad, Spanglish, ignorancia*. Всего на ЛПМК, отражающих данную проблематику, приходится 32,4% от общего числа маркеров, к которым обращаются авторы постов в контексте оппозиции «свой – чужой» в мексиканском сегменте социальных сетей.

9. ЛПМК актуализируют свой когнитивно-прагматический потенциал в процессе коммуникации и помимо языковых прагмем могут быть представлены речевыми прагмемами, обладающими ярко выраженной национальной спецификой и характеризующимися регулярностью употребления. Большое влияние на раскрытие потенциала ЛПМК оказывают различные виды контекста. В информационном поле миграции мексиканских СМИ преобладают социально-экономический (*gentrificación, un país barato, con elevado poder adquisitivo* и др.), политический (*México es libre, nuestra independencia, buscar excusas* и др.) и этнокультурный контекст (*el dueño, látigos, vaqueros, colonia* и др.). Личностно-ориентированный контекст не представлен.

10. В мексиканских социальных медиа преобладают социально-экономический (*nuestro, All-inclusive, huésped* и др.) и этнокультурный контексты

(gringo, anglo, Spanglish, expats и др.). Личностно-ориентированный контекст в свете оппозиции «свой – чужой» тесно связан с этнокультурным и социально-экономическим контекстами поскольку оппонент не воспринимается как отдельная личность. Его образ упрощается и наделяется стереотипными чертами «чужого». Политический контекст в социальных медиа практически не представлен.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование посвящено многоаспектному рассмотрению лексических прагматических маркеров конфликтогенности в контексте оппозиции «свой – чужой» в мексиканском национальном варианте испанского языка, их выявлению, систематизации и определению специфики реализации в мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа.

Языковые средства выражения категории конфликтогенности, реализуемые в СМИ и социальных медиа, в значительной мере способствуют росту социальной напряженности и развитию межличностных и социальных конфликтов на национальной почве. Радикализация мнений, характерная для виртуального пространства, не только влияет на поддержание существующих стереотипных образов «чужого», но и способствует дальнейшему усилению его негативных характеристик. Готовность общества принимать этностереотипы объясняется архетипичностью оппозиции «свой – чужой», которая лежит в основе нашего самосознания и транслирует образ «чужого» как угрозу.

Высоким конфликтогенным потенциалом в свете указанной проблематики обладает лексика. Использование лексических прагматических маркеров конфликтогенности (ЛПМК), представляющих собой прагмемы с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией и высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, направлено на актуализацию в речи субъективной оценки адресанта через выражение агрессивности, воинственности, враждебности и нетерпимости, что в свою очередь способствует возникновению и развитию конфликтных ситуаций. Плотность и частотность реализации в речи указанных лексических единиц, а также степень проявленности заложенного в них конфликтогенного признака в значительной степени определяются национальным коммуникативным стилем и особенностями конфликтного речевого взаимодействия в отдельной лингвокультурной общности. Определение типичных контекстов употребления ЛПМК в мексиканском информационном поле миграции и их дальнейшая

систематизация позволили изучить особенности языковой объективации образа «чужого» и выявить его национальную специфику.

Сложная история взаимоотношений Мексики и США, а также значительные культурные и экономические различия, определяющие конфликтогенность миграционных процессов в данном географическом ареале, привели к появлению и закреплению в когнитивном сознании мексиканцев образа «чужого», имеющего черты состоятельного англоговорящего светлокожего чужака (*gringo*). Среди характеристик *gringo*, осуждаемых мексиканцами, выделяются *дискриминационное поведение по отношению к мексиканцам*, включающее *высокомерие и двойные стандарты* (СМИ – 17,6%, социальные медиа – 22,2%), а также *лицемерие и невежество*. Значительное количество ЛПМК (26,6%), реализуемых в СМИ, направлены на критику действий США, которые *ставят мигрантов в опасность, нарушают права человека, способствуют распространению оружия в Мексике* и др. В социальных медиа 3,2% ЛПМК характеризуют граждан США как *преступников*.

Наплыв большого числа обеспеченных иностранцев и их высокомерное поведение напоминают мексиканцам колониальное прошлое страны, что обуславливает обращение к ЛПМК, указывающим на *империалистический характер действий gringos* (СМИ – 6,4%, социальные медиа – 8,3%). Высокая частотность и плотность лексических маркеров при обсуждении проблем *джентрификации, использования английского языка и изменения национальной кухни* ради релокантов, свидетельствуют о том, насколько негативно (от *preocupación* в СМИ до *odio, asco* в социальных медиа) воспринимают мексиканцы активную миграцию жителей США в Мексику.

В отношении американских политиков в социальных медиа чаще всего используются лексические маркеры, подчеркивающие *дискриминационный характер политики Д. Трампа* или *недееспособность и лицемерие Дж. Байдена*.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что в мексиканской лингвокультуре в качестве промежуточного члена оппозиции «свой – чужой» актуализируется отрицательный образ «своего», *rocho*, который

отказался от своих корней и стремится походить на *gringos*. Нередко мексиканцы подчеркивают, что *roschos* являются чужими и в Мексике, и в США. Появление феномена *roscho* в мексиканской лингвокультуре обусловлено особенностями становления мексиканской национальной идентичности и миграционными процессами, вызванными соседством двух стран с разным экономическим развитием.

Типы ЛПМК в СМИ во многом отличаются от тех, которые функционируют в мексиканском сегменте социальных сетей. Для традиционных СМИ не характерны такие лексические единицы, как *gringos* и *roschos*, повсеместно встречающиеся в социальных медиа. Авторы статей не обращаются к обценным словам и сниженной лексике оскорбительного характера, в то время как в социальных медиа, на которые большое влияние оказывают анонимность и демократизация общения, на долю различных видов инвектив приходится 17% ЛПМК. Для негативно-окрашенных лексических единиц, используемых в социальных медиа, характерна большая степень проявленности конфликтогенного признака, чем в традиционных СМИ.

Речевые прагмемы, выступающие в роли ЛПМК, чаще всего реализуют свой когнитивно-прагматический потенциал в социально-экономическом, политическом и этнокультурном контекстах. В личностно-ориентированном контексте их актуализация в аспекте оппозиции «свой – чужой» не отличается высокой частотностью, так как представитель «чужих» не воспринимается как отдельная личность, а сразу приобретает все негативные характеристики, приписываемые группе.

В качестве перспектив дальнейших исследований можно отметить выявление ЛПМК в американском и российском пользовательском контенте, а также сравнение ЛПМК, употребляемых в различных национальных вариантах испанского языка. Представляет интерес и дальнейшая теоретическая разработка понятия индекса конфликтогенности текста наряду с его определением в разных социокультурных контекстах.

Список литературы

1. Абильдинова, Ж. Б. Языковые средства экспликации этнических стереотипов русских, казахов и немцев (на материале русскоязычных анекдотов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Абильдинова Жанара Бериковна. - Тобольск, 2011. – 32 с.
2. Абкадырова, И. Р. Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля (на материале современной прозы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 “Романские языки” / Абкадырова Ирина Рустэмовна. – Воронеж, 2017. – 227 с.
3. Аветисян, М. И. Структурно-семантический и семантико-когнитивный подходы к изучению проблем мотивации в словообразовании / М. И. Аветисян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1-2(67). – С. 59-63.
4. Алиева, Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции “свой – чужой” в британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Т. В. Алиева. – М., 2013. – 28 с.
5. Алишева, Н. И. Особенности лингвистической экспертизы в судебных процессах с участием СМИ и журналистов / Н. И. Алишева, А. Б. Алишева. – Общественный Фонд «Институт Медиа Полиси», - Бишкек, 2014. – 152 с.
6. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
7. Афанасьева, О. М. Реализация прагматических свойств языковых единиц в медиатексте: подходы к изучению / О. М. Афанасьева, Я. Е. Каневская // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2018. – №11 – С.132-142.
8. Ахманова, О. С. Основы компонентного анализа / О. С. Ахманова, М. М. Глушко, И. В. Гюббенет и др.; Под ред. Э. М. Медниковой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 98 с.
9. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. М.: ИЛ, 1961. – 394 с.

10. Басовская, Е. Н. Прагматика мерзкого: дистрибуция негативизмов в современном медиатексте / Е. Н. Басовская // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 7(28). – С. 123-131.
11. Басовская, Е. Н. Речевые тактики ответа на критику в советской прессе / Е. Н. Басовская // Конфликт в языке и коммуникации: сборник статей / Российский государственный гуманитарный университет, Институт лингвистики; составитель и ответственный редактор Л. Л. Федорова. – М., 2011. – С. 44-54.
12. Белинская, Е. П. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии / Е. П. Белинская, С. Н. Илюхина // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2018. – № 4(14). – С. 81-95.
13. Белова, С. Е. Сравнительный анализ национально-культурной специфики зоонимической лексики на материале испанского и русского языков / С. Е. Белова [Электронный ресурс] // Филологический аспект. – 2019. – № 3(47). – С. 84-90. – Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/sravnitelnyj-analiz-natsionalno-kulturnoj-spetsifiki-zoonimicheskoy-leksiki-na-materiale-ispanskogo-i-russkogo-yazykov.html>
14. Белоус, П. А. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / П. А. Белоус, Н. В. Осколкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 4-2. – С. 96-107.
15. Болотнов, А. В. Информационное поле и его типы в медиакоммуникации: лингвистический аспект / А. В. Болотнов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9(162). – С. 28-33.
16. Бондарко, А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 20-35.
17. Боргоякова, Т. Г. Репрезентация оппозитивности в хакасском языке: коллективная монография / Т. Г. Боргоякова, Р. П. Абдина, А. Д. Каксин [и др.]. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2018. – 196 с.

18. Борисенко, Т. В. Гиперонимические концепты vs категориальный концепт / Т. В. Борисенко // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – № 3. – С. 129-140.
19. Борисова, А. А. Архетипы как системообразующие понятия / А. А. Борисова // Вестник Якутского государственного университета. – 2009. – Т. 6, № 2. – С. 127-131.
20. Босов, А. Е. Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Босов Артем Евгеньевич; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2009. – 26 с.
21. Брусенская, Л. А. Коммуникативный конфликт и разноуровневые средства его манифестации / Л. А. Брусенская, А. Р. Котаева, И. В. Беляева // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 3. – С. 79-92.
22. Викторова, Е. Ю. Дискурсивы в зарубежной лингвистике / Е. Ю. Викторова // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Вып. 3. – С. 1-10.
23. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме /Т.А. Воронцова. – Вестник ВГУ. – 2006. – № 1. – С. 83-86.
24. Вусик, А. Л. Языковые конфликты как социолингвистическое явление / А. Л. Вусик // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2014. – № 1(25). – С. 56-61.
25. Гейко, Н. Р. Пейоратив публицистического дискурса / Н. Р. Гейко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 21(312). – С. 137-140.
26. Герман, Н. Ф. Оппозиция “свое – чужое” и проблемы взаимопонимания в межкультурном диалоге / Н. Ф. Герман // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 4(32). – С. 45-49.
27. Гилязова, Д. Р. Исследование конфликтного потенциала медийного текста: (на материале текстов масс-медиа и Интернет-текстов): дис. ... канд. фил. наук:

- 10.02.19 / Гилязова Диляра Рифовна. – Башкирский государственный университет. – Уфа, 2022. – 197 с.
28. Гладошук, А. В. "Мексиканские маски": введение в "лабиринт одиночества" О. Паса / А. В. Гладошук // Литература двух Америк. – 2018. – № 4. – С. 114-147.
29. Глухова, И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) / И. В. Глухова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 12(408). – С. 62-70.
30. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
31. Голова, Н. В. Необходимость анализа прагматических компонентов значения при исследовании индивидуально-авторских неологизмов (на примере романов Б. Виана) / Н. В. Голова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5(148). – С. 121-125.
32. Гордиенко, Е. В. Средства выражения оценки в оппозиции "свой – чужой" в англоязычном медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Гордиенко Елена Витальевна. – Тверь, 2022. – 25 с.
33. Горло, Е. А. К вопросу о лексических прагматических маркерах / Е. А. Горло // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7-2(25). – С. 75-78.
34. Горностаева, Ю. А. Опыт выявления вербальных маркеров психологических и когнитивных процессов в лингвистике: к истории вопроса / Ю. А. Горностаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – Т. 8. – С. 91-94.
35. Григорьева, А. В. Лексические средства и инструменты воздействия на массовое сознание в печатных СМИ / А. В. Григорьева, Л. В. Шмакова, Т. Б. Яковлева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6-5(108). – С. 151-156.
36. Григорьева, Т. В. Перцептивная оппозиция в русском языке как способ оценочной категоризации действительности: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Григорьева Татьяна Владимировна. – Уфа, 2019. – 377 с.

37. Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 544 с.
38. Грязнова, Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества [Электронный ресурс] / Ю. Г. Грязнова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 2. – С. 42-47. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16990967_87304971.pdf
39. Гудина, О. А. Особенности американской деловой коммуникации / О. А. Гудина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 8. – С. 196-199.
40. Гудкова, К. В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях / К. В. Гудкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2012. – № 3. – С. 68-71.
41. Гусева, И. В. Национально-обусловленная лексика как культуuroобразующий фактор формирования мексиканской языковой личности: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.05 / Гусева Ирина Валериевна. - М., 2013. – 23 с.
42. Давтянц, И. И. Бинарная оппозиция «свой» – «чужой» в контексте проблемы миграции в мексиканских СМИ / И. И. Давтянц // Испанистика в эпоху цифровизации: материалы V Международного Конгресса испанистов России, Восточной Европы и Центральной Азии, М., 20–22 октября 2021 года / Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2023. – С. 82-88.
43. Давтянц, И. И. Конфликтный текст и его особенности на примере предвыборных агитационных речей Д. Трампа (весна 2022) / И. И. Давтянц // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – № 1(2). – С. 66–69.
44. Дубоссарская, М. Л. Свой-чужой-другой: к постановке проблемы / М. Л. Дубоссарская // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 167-174.

45. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. с сокр. под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
46. Заворотичева, Н. С. Инвективные обозначения недостатков умственного развития / Н. С. Заворотичева // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – № 3. – С. 35-37.
47. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 561 с.
48. Иванова, А. А. Особенности реализации национального коммуникативного стиля в высказываниях о мечте (на материале британского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Иванова Анна Александровна. – Челябинск, 2012. – 21 с.
49. Иванова, Е. В. Архетипический концепт в языке и тексте / Е. В. Иванова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6. – С. 181-190.
50. Ильюшкин, В. В. Роль и значение национальных стереотипов как разновидности стереотипов социальных [Электронный ресурс] / В. В. Ильюшкин // Вестник науки и образования. – 2015. – № 4(6). – С. 193-197. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_23565549_29911019.pdf
51. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. – Омск: ОГУ, 1999. – 285 с.
52. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – М.: Общество с ограниченной ответственностью “ФЛИНТА”, 2009. – 224 с.
53. Каира, Ю. В. Социальная напряженность и протестная активность населения региона / Ю. В. Каира // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12, № 2. – С. 20-28.
54. Карасик, В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / В. И. Карасик // Социоллингвистика вчера и сегодня: Сб. науч. трудов / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Трошина Н.Н. (отв. ред.). – Изд-е 2-е., доп. – М., 2008. – С. 127-155.

55. Карповская, Н. В. Интенсивность атрибутивного признака как лингвопрагматическая категория (на материале испанского языка) / Н. В. Карповская // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 1(61). – С. 176-181.
56. Карповская, Н. В. Когнитивно-прагматический потенциал интенсификатов в свете процесса метафоризации (переводческий аспект проблемы) / Н. В. Карповская // Древняя и Новая Романия. – СПбГУ, 2015. – № 16. – С. 497–506.
57. Карповская, Н. В. Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений (на материале испанского языка) / Н. В. Карповская. – 3-е издание – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. – 208 с.
58. Карповская, Н. В. Формирование образа “чужого” в контексте проблематики международной миграции: когнитивно-прагматический потенциал лексических единиц (на материале СМИ Мексики) / Н. В. Карповская, И. И. Давтянц // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2022. – № 4(40). – С. 122-139.
59. Карпоян, С. М. Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей / С. М. Карпоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11-2. – С. 242-245.
60. Кессиди, Ф. Х. Гераклит и диалектический материализм / Ф. Х. Кессиди // Философия и общество. – 2009. – № 4(56). – С. 64-73.
61. Киселев, В. И. Социальная напряженность как социально философская категория (постановка проблемы) / В. И. Киселев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 160. – С. 166-174.
62. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия / Л. А. Киселева. – Ленинград: ЛГУ, 1978. – 160 с.
63. Колмогоров, Е. В. Становление и развитие понятия “социальная напряженность” в социологической научной мысли / Е. В. Колмогоров // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 119-125.

64. Комалова, Л. Р. Язык вражды в публичном дискурсе Интернета / Л. Р. Комалова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2021. – № 2. – С. 92-118.
65. Корнева, В. В. Наречие как специализированное средство объективации испанской пространственной картины мира: автореф. дис. ...док. фил. наук: 10.02.05 / Корнева Валентина Владимировна. – Воронеж, 2008. – 40 с.
66. Костяев, А. П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] / А. П. Костяев // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010. – № 2 (19). – С. 101-109. – Режим доступа: http://www.tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf
67. Кошкарлова, Н. Н. Конфликтный дискурс в политическом интервью: взгляд через призму межкультурной коммуникации / Н. Н. Кошкарлова // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований: сб. науч. тр. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т; науч. ред. Т. А. Знаменская. – Екатеринбург: Издательство РГШУ, 2010. – С. 84–91.
68. Кошкарлова, Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве: монография / Н.Н. Кошкарлова. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. – 360 с.
69. Крамкова, О. В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности / О. В. Крамкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6-2. – С. 332-335.
70. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. - Министерство образования РФ, Волгоградский государственный педагогический университет, Научно-исследовательская лаборатория “Аксиологическая лингвистика”. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ “Перемена”, 2001. – 495 с.
71. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

72. Кубрякова, Е. С. Семантика когнитивного в лингвистике (о принципах, контейнерах и формах их объективации в языке) / Е. С. Кубрякова // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. - 1999. - Т. 58. - № 5-6. - С. 3-99.
73. Кузьмина, Н. А. Стратегия уклонения от оскорбления: экспериментальное исследование / Н. А. Кузьмина // Антропотекст-1: Сб. статей. – Томск, 2006. – С. 321–331.
74. Кулешова, А. В. Категории контраста и оппозиции в лингвистическом анализе / А. В. Кулешова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2(87). – С. 4-7.
75. Кулешова, А. В. Лингвопрагматическая категория дистанцирования (на материале французской прессы): автореф. дис. ... канд. фил. наук / Кулешова Анна Васильевна. – М., 2008. – 23 с.
76. Куликова, Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л. В. Куликова. Краснояр. гос. пед. Ун-т им. В. П. Астафьева. – Монография– Красноярск, 2006. – 392 с.
77. Лаппо, М. А. Структура прагматического макрокомпонента значения (на материале группы слов, обозначающих национальность) / М. А. Лаппо // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6(34). – С. 186-200.
78. Лаптева, М. Л. “Свое” и “Чужое” в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Лаптева Мария Леонидовна – Волгоград, 2013. – 46 с.
79. Ларионова, Т. В. Механизм преобразования дискурсивного пространства вследствие речевого конфликта / Т. В. Ларионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 3. С. 220-225.
80. Леонов, Н. И. Конфликтология / Н. И. Леонов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 232 с.
81. Леви-Строс, К. Структурная антропология / Пер. с фр. под ред. и с прим. В. В. Иванов. – М.: Наука, 1985. – 399 с.

82. Липпман, У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой; редакторы перевода К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Институт. Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
83. Лихачева, О. Н. Понятие антонимов и антонимии в русском и английском языках / О. Н. Лихачева // Кубанский научный медицинский вестник. – 2006. – № 11. – С. 73-75.
84. Лугуева, Р. Г. Концептуальная метафора как средство создания образа врага в англоязычных СМИ / Р. Г. Лугуева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-3(66). – С. 134-136.
85. Майорова, А. В. Конфликтогенность как социально-психологический феномен студенческого социума / А. В. Майорова // Лесной вестник (1997-2002). – 2001. – № 3. – С. 164-169.
86. Макаренко, Г.С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Г. С. Макаренко– Уфа, 2018. – 192 с.
87. Мамсурова, З. Р. Конфликт как когнитивно-коммуникативное пространство / З. Р. Мамсурова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 28(739). – С. 98-103.
88. Мануйлова, Н. А. К вопросу о прагматическом потенциале слова / Н. А. Мануйлова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 4. – С. 23-30.
89. Маракулина, П. А. Языковые маркеры конфликтности / П. А. Маракулина [Электронный ресурс] // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 1. Минск, 2016. С. 317-321. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/154201/1/П.А.Маракулина%20Языковые%20маркеры%20конфликтности.pdf>
90. Маслова, С. В. Бинарные оппозиции в современном массовом сознании / С. В. Маслова, А. В. Усова // Вестник науки Сибири. – 2014. – № 4(14). – С. 152-155.
91. Матвеева, А. А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории “свой – чужой” (на материале современного английского языка):

- автореф. дис. ... канд. фил. наук / Матвеева Анна Анатольевна. – Уфа, 2011. – 22 с.
92. Матвеева, Т. В. Параметрическая семантика и экспрессивность слова / Т. В. Матвеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 9. – С. 92-98.
93. Махина, Л. А. Вербальные и невербальные средства выражения коммуникативно-прагматической категории “враждебность” в конфликтных текстах (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Махина Людмила Алексеевна – Санкт-Петербург, 2017. – 22 с.
94. Мед, Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.05 / Мед Наталья Григорьевна. – Санкт-Петербург, 2008.
95. Микулина, И. В. Конфликтные тексты СМИ в судебной практике Белгородской области: типологический, лингвоправовой и профессионально-этический аспекты: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.10 / И. В. Микулина. – Воронеж, 2011. – 23 с.
96. Милянчук, Н. С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Милянчук Наталья Сергеевна. – Владивосток, 2005. – 23 с.
97. Мириманова, М. С. Конфликтология / М. С. Мириманова. – М. : Academia, 2004. – 320 с.
98. Михеев, И. В. Понятие социальной напряженности в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке / И. В. Михеев // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 5. – С. 206-212.
99. Мищенко, В. И. Конфликтность личности как предмет психологического исследования / В. И. Мищенко // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2020. – № 1. – С. 89-93.

100. Моисеенко, Л. В. Факторы конфликтности студенческого дискурса в условиях поликультурного образования / Л. В. Моисеенко, М. А. Викулина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 2(883). – С. 73-79.
101. Монастырская, Н. И. Концепт «Конфликтогенность»: определение дефиниций / Н. И. Монастырская // Science Time. – 2014. – № 11. – С. 234-238.
102. Муравьева, Н. В. Язык конфликта / Н. В. Муравьева. – М.: Термика, 2004. – 214 с.
103. Невдахина, Н. Ю. Языковые конфликты в контексте процесса глобализации [Электронный ресурс] / Н. Ю. Невдахина // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 10. – С. 31-34. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_30395913_94167306.pdf
104. Никитин, М. Ю. Лингвосемиотические особенности конфликтного массмедийного дискурса: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 5.9.8 / Максим Юрьевич Никитин - Москва, 2023. – 22 с.
105. Окунева, И. О. Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады (на материале газетных статей, посвященных проблеме взаимоотношений между государством, обществом и прессой) / И. О. Окунева // Политическая лингвистика. – 2010. – № 4(34). – С. 135-145.
106. Осколкова, Н. В. Конфликтный текст и языковая личность / Н. В. Осколкова // Записки Горного института. – 2008. – Т. 175. – С. 35-36.
107. Певнева, И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Певнева Инна Владимировна. – Кемерово, 2008. – 22 с.
108. Перов, Е. В. Концепция конфликтности общества / Е. В. Перов, М. Б. Перова [Электронный ресурс] // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2014. – № 12(72). – С. 43. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_22843454_95411507.pdf

109. Писарь, Н. В. К вопросу об определении понятия “дихотомия” в лингвистике / Н. В. Писарь // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2016. – № 3. – С. 12-18.
110. Платон. Законы / Платон. – Изд-во: «Книга по требованию». – М.: 2011. – 44 с.
111. Позолотин, А. Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / Позолотин Андрей Юрьевич. – Волгоград, 2005. – 19 с.
112. Пустошило, Е. П. Лексикология. Фразеология. Лексикография / Е. П. Пустошило. – Учреждение образования “Гродненский государственный университет имени Янки Купалы”. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2011. – 141 с.
113. Режук, З. В. К вопросу о конфликтогенном потенциале жаргонной лексики в современном медиадискурсе [Электронный ресурс] / З. В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 1. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54074775_93622109.pdf
114. Ромадыкина, В. С. Языковые конфликты в поликультурном обществе / В. С. Ромадыкина // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – № 9. – С. 168-173.
115. Романова, А. П. Чужой и культурная безопасность / А. П. Романова, Е. В. Хлыщева, С. Н. Якушенков, М. С. Топчиев. – М.: “Российская политическая энциклопедия”, 2013. – 215 с.
116. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
117. Савина, А. П. Прагмема как единица оценочной лексики / А. П. Савина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 1. – С. 29-40.
118. Сажина, Е. В. “Эмоциональность” и “эмотивность” в лингвистике: к разграничению понятий / Е. В. Сажина, Д. С. Семак // Эпоха науки. – 2019. – № 20. – С. 571-574.

119. Салимова, Г. Н. Вербальная инвективная лексика как вид коммуникативных табу / Г. Н. Салимова, Р. А. Газизов // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21, № 2. – С. 351-354.
120. Свинкина, М. Ю. Градуальная оппозиция “свой – иной, другой, чужой” в русском и немецком языках / М. Ю. Свинкина // Научный диалог. – 2016. – № 6(54). – С. 94-105.
121. Семенец, О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах / О. П. Семенец // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 3(15). – С. 15-32.
122. Серебрякова, А. Ю. Виды инвективной лексики в медийном дискурсе / А. Ю. Серебрякова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 42-46.
123. Сиротинина, О. Б. Дискурсивные слова как проблема пунктуации / О.Б. Сиротинина // Предложение и слово. – Саратов: Наука, 2008. – С. 341-345.
124. Смирнова, А. Ю. Архетип в лингвистике: форма и содержание (на примере английского слова fire) / А. Ю. Смирнова, И. В. Толочин // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 4(59). – С. 214-219.
125. Степаненкова, В. М. “Борьба всех за всех”: теория конфликта Георга Зиммеля / В. М. Степаненкова // Социологический журнал. – 1999. – № 3-4. – С. 149-165.
126. Стернин, И. А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: “Истоки”, 2011. – 150 с.
127. Супрун, А. Е. Лекции по языковедению / А. Е. Супрун. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 144 с.
128. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. – 288 с.
129. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 344 с.

130. Топчий, И. В. Комментарий в социальных медиа / И. В. Топчий // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – № 2(36). – С. 157-162.
131. Третьякова, В. С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 27. – С. 143-152.
132. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; Под ред. С. Д. Кацнельсона; Послесл. А. А. Реформатского; Вступ. ст. Л. А. Касаткина. – 2-е изд. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 352 с.
133. Ульянова, И. А. Социальная напряженность в студенческом социуме: Опыт социологического исследования: автореф. дис. ...канд. соц. наук: 22.00.04 / Ульянова Ирина Александровна – Пенза.: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2005. – 23 с.
134. Файзуллин, Ф. С. Этническое самосознание и факторы его формирования / Ф. С. Файзуллин // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2013. – Т. 18, № 3. – С. 58-65.
135. Федосюк, М. Ю. «Стиль» ссоры / М. Ю. Федосюк // Русская речь. – 1993. – №5. – С. 14-19.
136. Фельде, В. Г. Оппозиция “свой – чужой” в культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Фельде Виктория Геннадьевна. – Омск, 2015. – 152 с.
137. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для студентов вузов / М. И. Фомина. – 4. изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 414 с.
138. Халяпина, Л. П. Ключевые категории когнитивной лингвистики как основа формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам / Л. П. Халяпина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Педагогика. – 2006. – Т. 7, № 1. – С. 68-73.
139. Цой, Л. Н. Конфликтологическая компетенция в коммуникации: теория и практика [Электронный ресурс] / Л. Н. Цой // Сборник статей по материалам международной научной конференции 9-11 июля 2015 г. «Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов». - М.: НИУ ВШЭ, 2015 г. – С.126-128. – Режим доступа:

- <https://conflictmanagement.ru/konfliktologicheskaya-kompetentsiya-v-kommunikatsii-teoriya-i-praktika/#:~:text=Конфликтная%20коммуникация%20-%20это%20столкновение%20интересов,собой%20нелинейный%2C%20естественно%20развивающийся%20процесс>
140. Чеснокова, О. С. Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование / О. С. Чеснокова. – Монография – Саарбрюккен, Германия: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 264 с.
141. Чеснокова, О. С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О. С. Чеснокова. – М.: Ленанд, 2021. – 240 с.
142. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
143. Шаховский, В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 128 с.
144. Шнякина, Н. Ю. Категоризация в сфере познания признака (на материале немецкого языка) [Электронный ресурс] / Н. Ю. Шнякина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. – С. 206. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_24921067_43874642.pdf
145. Шульц, Э. Э. Политическая теория социального протеста от Аристотеля до Гоббса / Э. Э. Шульц // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 1(29). – С. 118-124.
146. Эпштейн, М. Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса / М. Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1991. – №6 (ноябрь-декабрь). – С. 19-33.
147. Яковлева, Ю. В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917 – 1932 гг.: дис. ...канд. фил. наук: 10.01.10 / Яковлева Юлия Владимировна. – М., 2017. – 166 с.
148. Al-Hafizh, M. Modern racism: binary opposition of black and white in the novels of Jacqueline Woodson / M. Al-Hafizh, F. Faruk, J. Juliasih // Lingua Didaktika: Jurnal Bahasa Dan Pembelajaran Bahasa, 2016 – №10(1). – Pp. 74-83.

149. Álvarez Simán, F. Relaciones México-Estados Unidos: Desafíos y Oportunidades [Электронный ресурс] / F. Álvarez Simán. – Режим доступа: https://www.academia.edu/10771521/Relaciones_M%C3%A9xico_Estados_Unidos_Desaf%C3%ADos_y_Oportunidades
150. Barker, M. Stuart Hall “Controlando la crisis” / M. Barker // Introducción a los estudios culturales. Eds. M. Barker, A. Beezer. – Bosch Casa Editorial, S.A. – 1994. – Pp. 95-114.
151. Bartos, O. J. Using conflict theory / O. J. Bartos, P. Wehr. – USA: Cambridge University Press, 2022. – 232 p.
152. Blanco Salgueiro, A. Cómo hacer cosas malas con palabras: Actos ilocucionarios hostiles y los fundamentos de la teoría de los actos de habla / A. Blanco Salguero // Crítica, Revista Hispanoamericana de Filosofía. – 2008. – Vol. 40. – № 118. – Pp. 3–27.
153. Blasi, D. Over-reliance on English hinders cognitive science / D. Blasi, J. Henrich, E. Adamou, D. Kemmerer, A. Majid, Asifa // Trends in cognitive sciences. – Elsevier Ltd., 2022. – Vol. 26. – No. 12. – Pp. 1153-1170.
154. Brown, W. Desear muros / W. Brown // Relaciones internacionales. – 2012.- №19 – Pp. 123-147.
155. Brunner, J. Nosotros y ellos: Acerca de la similitud, la diferencia y la otredad / Brunner // El otro en la España Contemporánea: Prácticas, discursos y representaciones. – Sevilla: Tres Culturas, Colección ánfora, 2011. – Pp. 83-103.
156. Bustos Martínez, L. Discursos de odio: una epidemia que se propaga en la red. Estado de la cuestión sobre el racismo y la xenofobia en las redes sociales / L. Bustos Martínez, P. P de Santiago, M. A. Martínez Miró, M. S. Rengifo Hidalgo // Mediaciones Sociales. – 2019. – Vol. 18. – Pp. 25-42.
157. Cabo Isasi, A., García Juanate, A. El discurso de odio en las redes sociales: un estado de la cuestión, Barcelona: ajuntament.barcelona.cat, Dirección de Servicios de Derechos de Ciudadanía y Diversidad, 2017. – 40 p.
158. Camps, V. Prólogo al libro “El discurso del miedo: Inmigración y prensa en la frontera sur de la Unión Europea” de R. F. Rodríguez Borges [Электронный ресурс]

- / V. Camps. – 2010. – Режим доступа: <https://campusvirtual.uil.es/ocw/mod/resource/view.php?id=5745>
159. Capone, A. Pragmemes (a study with reference to English and Italian) / A. Capone // Journal of Pragmatics. – 2005. – Vol. 37. – Issue 9. – Pp. 1355-1371.
160. Castañeda Rojas, G. La violencia verbal en el aula: análisis del macroacto de amenaza. Enunciación / Castañeda Rojas, G. // Enunciación. – Bogotá, Colombia, 2010. – № 16(1). – Pp. 58-69.
161. Cervera Rodríguez, A. Del significado lingüístico de las palabras en español al significado pragmático / A. Cervera Rodríguez // Revista Cálamo. Diálogos de la lengua. – FASPE, 2012. – № 59. – Pp.17-22.
162. Chilwa, I. Introduction: Discourse, Conflict and Conflict Resolution [Электронный ресурс] / I. Chilwa. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/354773059>
163. Cohen, K. Detecting linguistic markers for radical violence in social media / K. Cohen, F. Johansson, L. Kaati, J. C. Mork // Terrorism and Political Violence. – Sweden, Stockholm: Swedish Defence Research Agency (FOI), 2014. – 26(1). – Pp. 246–256.
164. Condor, S. Social stereotypes and social identity / S. Condor. – Abrams, Dominic and Hogg, Michael A. eds. Social Identity Theory: Constructive and Critical Advances. – Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1990. – Pp. 230–249.
165. Dijk, T. A. van. Discourse, semantics and ideology / T. A. van Dijk // Discourse & Society. – SAGE, 1995. – Vol. 6 (2). – Pp. 243-289.
166. Dijk, T. A. van. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Introduction [Электронный ресурс] / T. A. van Dijk. – Режим доступа: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2003-Ideology-and-discourse.pdf>
167. Eco, Um. Construir al enemigo / Um. Eco. – Barcelona: Lumen, 2012. – 320 p.
168. El poder de la palabra: discurso de odio / Dirección editorial: José Rodrigo Pozón. – México: Primera edición, 2015. – 195 p.

169. Fetzer, A. Pragmemes in Discourse / A. Fetzer // Pragmemes and Theories of Language Use. Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology. – Cham: Springer, 2016. – vol 9. – Pp 249–264.
170. Fraser, B. Pragmatic Markers / B. Fraser // Pragmatics. – 1996. – Vol. 6. – № 2. – Pp. 167–190.
171. Fuentes, C. El Espejo Enterrado [Электронный ресурс] / C. Fuentes. – 2013. – Режим доступа: <https://fliphtml5.com/ualp/gwtz/basic>
172. Furko, P. Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse // Palgrave Communications. – 2017. – Vol. 3. – Article number 17054. – Pp. 1-8.
173. García González, M. Nosotros y ellos. Algunas ideas sobre estereotipos y prejuicios en la literatura infantil. El caso de los libros sobre diferencia étnica y racial [Электронный ресурс] / M. García González // Seminario Internacional ¿Qué leer? ¿Cómo leer? Perspectivas sobre la lectura en la infancia. – Plan Nacional de Fomento de la Lectura, Lee Chile Lee, del Ministerio de Educación y la Universidad Diego Portales. – 2012. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/278749035_Nosotros_y_ellos_Algunas_ideas_sobre_estereotipos_y_prejuicios_en_la_literatura_infantil_El_caso_de_los_libros_sobre_diferencia_etnica_y_racial
174. Gutiérrez Ordóñez, S. Introducción a la semántica funcional / S. Gutiérrez Ordóñez. – Síntesis: Madrid, 1996. – 168 p.
175. Hall, E. The Silent Language [Электронный ресурс] / E. Hall. 1959 – Режим доступа: https://globalsociology.ucoz.ru/_ld/0/3_SilentLanguage0.pdf
176. Hall, S. Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order (Critical Social Studies) / S. Hall, Ch. Critcher, T. Jefferson, J. Clarke, B. Roberts. – Palgrave, 1978. – 219 p.
177. Hernández Martínez, L. A. Lenguaje y emociones. Un tema marginal de la lingüística [Электронный ресурс] / L. A. Hernández Martínez // Iztapalapa. – 2002. – Pp. 83-100. – Режим доступа: <https://revistaiztapalapa.izt.uam.mx/index.php/izt/article/view/438/596>

178. Hertz, R. The pre-eminence of the right hand: A study in religious polarity / R. Hertz // HAU: Journal of Ethnographic Theory- 2013. – 3 (2) – Pp. 335-357.
179. Hurtado, C. H. Léxico y Pragmática. – Frankfurt am Main: Peterlang, 2001. – 286 p.
180. Izaola, A. La cuestión del otro: forasteros, extranjeros, extraños y monstruos / A. Izaola, Im. Zubero // Papers, 2015, – Vol.100 (1). – Pp. 105–129.
181. Jesus Arroyo, A. Muros y Migración México-Estados Unidos / A. Jesus Arroyo, A. David Rodríguez // Papeles De Poblacion, 2017. – №95. Pp. 89-114
182. Jung, C. G. Man and His Symbols / C. G. Jung, M.-L. von Franz, J. L. Henderson, J. Jacobi, A. Jaffé. – New York: Publisher, Doubleday, 1988. – 320 p.
183. Lewis, R. D. When cultures collide: leading across cultures / R. D. Lewis. – Boston - London: Nicholas Brealey International, 2006. – 3rd ed. – 625 p.
184. Lindquist, K. A. Language and Emotion: Introduction to the Special Issue / K. A. Lindquist [Электронный ресурс] // Affective Science. – 2021. – Vol. 2, Pp. 91–98. – Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42761-021-00049-7>
185. Llopis Cardona, A. Las funciones pragmático-discursivas de *en este sentido* / A. Llopis Cardona // Revista de Filología Española (RFE). – XCIV – 2014 – № 1. – Pp. 127-150.
186. Llorca, C. M. El discurso que construye al “Otro”: prensa e interculturalidad en la España actual / C. M. Llorca // “Problemas actuales de la Filología en el espacio Hispano-Ruso del Conocimiento”: actas oficiales de la Conferencia Científico-Practica Internacional 22–24 septiembre de 2011 – Cádiz: Universidad de Cádiz, 2014. – Pp. 353–362.
187. Lodoño, L. M. Construir al enemigo / L. M. Lodoño // Filo de Palabra. Comunicación y Humanidades. Universidad de Manizales. 2016. – Pp. 41-46.
188. Lomnitz, C. Please don't feed the gringos: the US-Mexico divide [Электронный ресурс] / C. Lomnitz // Literal, Latin American Voices. – 2020 – Режим доступа: URL: <https://literalmagazine.com/please-dont-feed-the-gringos-the-us-mexico-divide/>

189. Mayorga Rojel, A. J. La representación del “enemigo” en el espacio público. Reflexiones en torno al concepto de discurso mediático y su relevancia en la configuración de la otredad en américa latina [Электронный ресурс] / A. J. Mayorga Rojel // *Question*. – 2009. – 1(21). – Режим доступа: <https://sedici.unlp.edu.ar/handle/10915/32246>
190. Mey, J. L. Reference and the Pragmeme / J. L. Mey // *Journal of Pragmatics*. – Elsevier, 2010 (42) – Pp. 2882-2888.
191. Narváez, J. H. Vicinity violence, social tension as humanitarian crisis / J.H. Narváez // *Revista Tesis Psicológica*. 2013.-№8 (1). – Pp. 56-67.
192. Nickerson, C. Ethnocentrism in Sociology: Definition, Examples & Impact [Электронный ресурс]. - 2023. – Режим доступа: <https://simplysociology.com/ethnocentrism.html>
193. Orte Socías, C. El abuso verbal / C. Orte Socías // *FMC Formación Médica Continuada en Atención Primaria*. – 2006. – № 13(10). Pp. 574-586
194. Páez, D. La validez de la investigación en valores: Descripciones de las culturas, indicadores psicológicos y macrosociales comparados con las posiciones en valores de las naciones / D. Páez, E. Zubieta // *Psicología Social de los valores humanos*. – Madrid: Biblioteca Nueva, 2001. – Pp. 285-329.
195. Papcunova, J. Perception of hate speech by the public and experts: Insights into predictors of perceived hate speech toward migrants [Электронный ресурс] / Papcunova, Jana & Martončík, Marcel & Fedakova, Denisa & Kentoš, Michal & Adamkovič, Matúš // *Complex & Intelligent Systems*. – Springer, 2021. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/361628616_Perception_of_hate_speech_by_the_public_and_experts_Insights_into_predictors_of_perceived_hate_speech_toward_migrants
196. Paz, O. El laberinto de la soledad / O. Paz. – Madrid, 1998. – P.89. – Режим доступа: <https://www.suneo.mx/literatura/subidas/Octavio%20Paz%20El%20Laberinto%20de%20la%20Soledad.pdf>

197. Pérez Rodríguez, V. El lenguaje soez como reflejo de la cultura: conceptualización y taxonomía para la traducción audiovisual al español / V. Pérez Rodríguez, C. A. Huertas Abril, Mª Elena Gómez Parra // Futhark. Revista de Investigación y Cultura. – 2017. – 12 – Pp. 71-78.
198. Portolés, J. Los marcadores del discurso / J. Portolés // Enciclopedia Lingüística Hispánica. – 2016. – Pp. 689-699.
199. Ramos, S. El perfil del hombre y la cultura en México [Электронный ресурс] / S. Ramos. - Madrid, España: Espasa Calpe, S.A., 1951. – P. 145. – Режим доступа: <https://filosofiamexicana.org/wp-content/uploads/2012/11/ramos-samuel-el-perfil-del-hombre-y-la-cultura-en-mc3a9xico.pdf>
200. Repensar los Derechos Humanos / Editora Ángeles Ródenas. – Lima: Palestra Editores, 2018. – 1^a ed.- 491 p.
201. Rodríguez Borges, R. F. Discurso xenófobo y fijación de agenda. Un estudio de caso en la prensa de Canarias (España) [Электронный ресурс] / R. Rodríguez Borges // Revista Latina de comunicación social. – Canarias, España: 2010 – N°. 65. – Pp. 222-230. – Режим доступа: <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=81915723017>
202. Rodríguez García, S. E. Connotación y Persuasión En La Imagen Publicitaria [Электронный ресурс] / S. E. Rodríguez García // Gazeta de Antropología. – 2008. – Vol. 24. – № 2. – Режим доступа – <http://hdl.handle.net/10481/6958>
203. Salvador, C. P. Manual de comunicación intercultural. Una introducción a sus conceptos, teorías y aplicaciones / C. P. Salvador, M. R. García, V. R. Aldaya. – Universidad Autónoma De La Ciudad De México, 2008. – 166.
204. Samovar, L. A. Communication between cultures / L. A. Samovar, R. E. Porter, E. R. McDaniel, C.S. Roy –Wadsworth: Cengage Learning, 2015. – 9 ed.– 454 p.
205. Samovar, L. A. Intercultural Communication: A Reader / L. A. Samovar, R. E. Porter, E. R. McDaniel. – Wadsworth: Cengage Learning, 2012. – 13 ed.– 518 p.
206. Sánchez Morillas, C. M. Estereotipos despectivos en la fraseología española // Los estereotipos culturales hispánicos y sus implicaciones didácticas. – Universidad de Sevilla, 2015. – № 21. – Pp. 108-125.

207. Savenkova, L. La situación cultural e histórica como factor de la formación del estereotipo (la imagen de un español en la conciencia rusa) / L. Savenkova // “Problemas actuales de la Filología en el espacio Hispano-Ruso del Conocimiento”: actas oficiales de la Conferencia Científico-Práctica Internacional 22–24 septiembre de 2011 – Cádiz: Universidad de Cádiz, 2014. – Pp. 257–267.
208. Scheu-Lottgen, U. D. An analysis of sociocultural miscommunication: English, Spanish and German / U. D. Scheu-Lottgen, J. M. Hernandez-Campoy // *International Journal of Intercultural Relations*. – 1998. – 22 (4). – Pp. 375–394.
209. Schiffrin, D. Discourse markers / D. Schiffrin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 364.
210. Sharifian, F. Cultural Conceptualisations and Language: theoretical framework and applications / F. Sharifian. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. – 2011. – 233 p.
211. Sharoufi, Hussain Al. The role of pragmatics in understanding human communication in an institutional setting / H. Al Sharoufi // *Journal of Defense Resources Management*. – Romania: Regional Department of Defense Resources Management Studies, 2013. – Vol. 4. – № 2. – Pp. 95-108.
212. Sheets-Johnstone, M. Binary Opposition as an Ordering Principle of (Male?) Human Thought / M. Sheets-Johnstone // *Feminist Phenomenology*. – Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2000. – Pp. 173–194.
213. Smith, J. Reputation, social identity and social conflict, Working papers [Электронный ресурс] / J. Smith. – Department of Economics, Rutgers, the State University of New Jersey. – No. 2007,09. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10419/31291>
214. Tajfel, H. Social categorization and intergroup behaviour / H. Tajfel, M. G. Billig, R. P. Bundy, R. P., C. Flament. – *European Journal of Social Psychology*. – 1971.- 1(2) – Pp. 149–178.
215. Varona, F. Diferencias en el estilo de comunicación entre empleados finlandeses y mexicanos cuando se comunican con sus jefes: un estudio comparativo / F. Varona, P. Vaahterikko-Mejia, M. Perez // *Organicom*. – 2007. – № 6. – Pp. 179-195.

216. Wang Yinggang. Study on Cultural Connotation of Animal Words in English and Chinese / Wang Yinggang, Cui Xuena // International Conference on Education, Management and Computing Technology (ICEMCT 2015). – Atlantis Press, 2015. – Pp. 57-60.
217. Wierzbicka, A. “Semantic Primitives”, fifty years later / A. Wierzbicka // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Vol. 25, No. 2. – Pp. 317-342.
218. Wieviorka, M. Social conflict [Электронный ресурс] / M. Wieviorka // Current Sociology Review. - SAGE, 2013. – Режим доступа: <http://csi.sagepub.com/content/61/5-6/696>
219. Williams, M. Policing cyber-neighbourhoods: Tension monitoring and social media networks / M. Williams // Policing and Society, 2013 – 23(4) – Pp. 461-481.
220. Zibakalam Mofrad, S. Institutional Hegemonic Resilience: Understanding the Dynamics of American Exceptionalism in the Institutional World Order / S. Zibakalam Mofrad, S. R. Ameli // Journal of World Sociopolitical Studies. – 2022. – № 6(2). – Pp. 239-272.

Словари и справочная литература

1. Анцупов, А. Я. Словарь конфликтолога: более 1700 понятий / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – 3-е издание исправленное и дополненное. – М.: Эксмо, 2010. – 652 с.
2. Испанско-русский фразеологический словарь. Diccionario fraseológico español - ruso / под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Русский язык, 1985. – 1077 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Электронный ресурс] / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – Институт научн. информации по общественным наукам РАН. — М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб. – Режим доступа: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Literaturnaya_entsiklopediya_terminov_i_ponyatij._2001.pdf

5. Macazaga Ordoño, C. Vocabulario Esencial Mexicano. Léxico de las Cosas de México / C. Macazaga Ordoño C. – México: Informática Cosmos, 1999. – 389 p.
6. Court Ordered Reimplementation of the Migrant Protection Protocols [Электронный ресурс]. – Режим доступа – <https://www.dhs.gov/migrant-protection-protocols>
7. DLE. Diccionario de la lengua española, Edición del Tricentenario, Actualización 2021 [Электронный ресурс]. – RAE – ASALE, Real Academia Española, 2024. – Режим доступа: <https://dle.rae.es/>
8. Diccionario panhispánico de dudas / Red. jefe Gómez Hernández E. – Madrid: Santillana, 2005. – 833 p.
9. El Colegio de México. Diccionario del español de México [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dem.colmex.mx>
10. Linares Martínez, A. Diccionario de lingüística moderna / A. Linares Martínez, E. Varó Alcaraz – 2a ed. ampl. y act. – Barcelona.: Ariel, 2004. – 752 p.
11. Martínez Calvo, L. Diccionario español – ruso / L. Martínez Calvo. – Barcelona: Sopena, 1975. – 1916 p.
12. Moliner, M. Diccionario de Uso del Español / M. Moliner. – Madrid, Gredos, 1999, 2 vols. – 1519; 1597 pp.
13. Simeónova, S. S. Vocabulario del español coloquial / S. S. Simeónova – Moscú: Editorial URSS, 2001. – 232 p.
14. Travi, C. Sentido literal y figurado [Электронный ресурс] / C. Travi // Enciclopedia del Lenguaje. – Última edición: Última edición: marzo 1, 2024. – Режим доступа – <https://lenguaje.com/sentido-literal-y-figurado/>